

№ 31 научный православный журнал 2022

ТРАДИЦИИ *и* современность

НАУЧНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ
ЭТНОГРАФИЯ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПЕДАГОГИКА
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

№ 31 (сплошная нумерация)

2022

научный православный журнал

ТРАДИЦИИ *и* современность

Содержание

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. МАТВЕЕВ

«ПАЧАЇ З ТАЕ ПАРЫ ПЯТРО ВЯЛІКІ ЦАРСТВАВАЦЬ ДА ВОРАГАЇ ПАБІВАЦЬ...»: ИМПЕРАТОР В ЗЕРКАЛЕ НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ 3

Н. Т. ЭНЕЕВА

КАРГОПОЛЬСКИЙ ЦИКЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА СЕРАФИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗВЕРЕВА 22

Н. Н. БЛОХИНА

МОСКОВСКАЯ ОБЩИНА СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ «УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ» В ГОДЫ РУКОВОДСТВА КНЯГИНИ Н. Б. ШАХОВСКОЙ 34

О. В. КИРИЧЕНКО

ВОПРОС О РУССКОМ «АРХЕОМОДЕРНЕ» В КОНЦЕПЦИИ А. Г. ДУГИНА 49

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

С. С. САВОСКУЛ

ОДНА СТАРУХА (ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА АВТОРА) 59

Г. П. ДУРАСОВ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ГЛАЗАМИ ЭТНОГРАФА 68

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

Н. В. ШЛЯХТИНА

КОЛЛЕКЦИЯ ОТКРЫТОК НАЧАЛА XX в. КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ: ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В РОССИЮ 86

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российская академия наук

На 1 стр. обложки:

Богомольцы у Троицкого собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Начало 1950-х годов.
Из личного архива Г. П. Дурасова

На 4 стр. обложки:

С. А. Зверев. Коломенское. Духов день. Вторая половина 1930-х годов

Издатель	
Коллектив редколлегии	Макетирование и верстка А. К. Беспалов
Редколлегия	
О. В. Кириченко, доктор исторических наук главный редактор	Адрес сайта журнала http://naukapravoroslavie.ru
Г. А. Романов, кандидат исторических наук заместитель главного редактора	
Л. Л. Щавинская, кандидат филологических наук	Адрес редакции 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, комн. 1913 Тел.: 8 (495) 954-74-46, (+7) 916-304-46-27 E-mail: : kirichenko_ov@iea.ras.ru tradsovr2019@mail.ru
И. В. Спасенкова, кандидат исторических наук	
А. М. Любомудров, доктор филологических наук	
О. В. Матвеев, доктор исторических наук	
И. В. Моклецова, доктор филологических наук, кандидат культурологии	
Н. Т. Энеева, кандидат искусствоведческих наук	
Редакция	
Л. Т. Соловьева, кандидат исторических наук научный редактор	
Н. В. Шляхтина, секретарь, научный редактор	
Эксперты	
Ю. А. Лабынцев, доктор филологических наук	М. А. Некрасова, академик РАН, доктор
В. М. Меньшиков, доктор педагогических наук	искусствоведческих наук
Свидетельство о регистрации в Роскомнадзоре: ПИ № 77-17325 от 06.02.2004 г. ISSN печатной версии: 2687-1122 ISSN электронной версии: 2687-119X Лицензионный договор с РИНЦ: № 258-07/2020 от 06.07.2020 г. Префикс DOI: https://doi.org/10.33876/2687-119X	
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Традиции и современность» обязательна	

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2022 О. В. Матвеев
Краснодар, Россия

«ПАЧАЎ З ТАЕ ПАРЫ ПЯТРО ВЯЛІКІ ЦАРСТВАВАЦЬ ДА ВОРАГАЎ ПАБІВАЦЬ...»: ИМПЕРАТОР В ЗЕРКАЛЕ НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются народные исторические представления об императоре Петре Великом. Автор рассматривает восприятие Петра I в контексте традиционной системы ценностей, идеальной модели царя и государства, отвечающей народным взглядам. Немало сюжетов народной истории имеют аналогии, что говорит о постоянных и интенсивных, несмотря на все существовавшие границы, взаимосвязях. Труды монарха по возведению здания империи, его борьба с внутренними и внешними врагами, запредельная цена петровской модернизации вызывали неоднозначную реакцию в картине мира, находили отклик в историческом сознании, получали различные оценки. Развитие в рамках единой государственности выдвинуло на первый план созидательные и патриотические деяния, однако не оставило в забвении и драматические события в истории народов.

Ключевые слова: Пётр Великий, народные исторические представления, крестьяне, этноконфессиональные стереотипы, предания, исторические песни.

Ссылка при цитировании: Матвеев О. В. «Пачаў з тае пары Пятро Вялікі царстваваць да ворагаў пабіваць...»: император в зеркале народных исторических представлений // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 3–21.

Статья подготовлена по проекту государственного задания на оказание государственных услуг по теме «Философско-исторические основания российской государственности: ценности и смысловые практики Российской империи XVII–XIX вв.» FZEN-2022-0014. Номер по КубГУ: 22/164г.

Матвеев Олег Владимирович (Matveyev Oleg Vladimirovich) – доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета, эл. почта: ovm1965@list.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 3–21

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 394.91; ББК – 63.3 (2) 46; 64-36; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/3-21>

Выявление общего и особенного в исторической культуре народов России представляется актуальным в плане изучения идентичностей и этнокультурных стереотипов, объяснения многовекторности развития. Особенно интересен срез народных исторических представлений, где во многом универсальные механизмы традиции взаимодействуют со сложившимися у народов установками о «своем» и «чужом». В статье предпринята попытка охарактеризовать народные исторические представления о Петре Великом.

В народных исторических представлениях образ Петра I сопровождается многоголосицей мнений, соединяющих реалии и идеальные модели царя, впечатления крестьян, мастеровых, казаков, староверов. Он и царь-труженик, и славный военачальник, флотоводец, защитник простых людей, справедливый судья, но он же и подменённый царь-антихрист в картине мира русских старообрядцев, деспот, который не щадит стрельцов, насаждает рекрутчину, отбирает вольности у казаков. Народ не забыл того, что Петр драл с него три шкуры: горька солдатская доля, именно в петровское время пошли гулять по России рекрутские «плачи», на костях возводятся Петербург, неимоверно тяжело прокладывается Ладужский канал, даже «земля сырая» плачет от тяготы народной. Петр «нанес большой удар по своему авторитету среди башкир» (Акманов 1993: 16), когда выдал башкирских послов на расправу в 1706 г. В одном из вариантов предания о Мурзагуле Пётр «задумал вырвать эти места из рук башкир» (Башкирские 2015: 150) для строительства Белорецкого завода, и «между башкирами и русскими заводчиками началась открытая война» (Башкирские 2015: 151). В украинской песне «У Глухове, у городе» говорится о «козаченьках», которых «на линию гонять» для постройки крепостей: «Ой, иди́ть же вы, панове, / До Петра, до свата. / Ой, там буде вам, панове, / Велика заплата: / По заступу у рученьки, / Да ще и лопата». Здесь для «свата»-Петра песня находит, прежде всего, горькие и гневные слова (Грушкин 1941: 154).

Однако, чем дальше уходили в прошлое суровые времена Петра I, тем больше усиливалась тенденция идеализации и почитания первого русского императора (Буганов 2013: 94–95). На первый план выступает воплощение идеальной модели царя, отвечающей народным представлениям. Царь не гнушается вращаться в народной среде, прислушивается к просьбам и советам, встречается с мужиками, кузнецами, солдатами, разбойниками и разговаривает с ними. Эти встречи всегда заканчиваются царским решением, которое восстанавливает поправленную справедливость, утверждает закон, причем сам царь нередко подвергается испытанию

В.-К. Ульрих. Петр Великий.
Император и Самодержец Всероссийский.
Из книги: Российский царственный дом Романовых.
СПб., 1893

на соблюдение законности и проходит его, поступаясь личным интересом (Путилов 2000: 11). Так, в солдатской песне Пётр разрешает солдатам расправиться с их знатным обидчиком: «Вы судите-ко Долгорукого своим судом, / Вы своим судом судите да рукопашкою, / Вы берите-ко слегу, да долгомерною, / Долгомерною слегу да семи аршин, / Семи она аршин да семи она верхов. / Вы ломайте у Долгорукого хрустальни ворота» (Исторические песни XVIII века 1971: 109).

Е. Н. Трефилов, исследователь представлений участников бунтов против Петра, пришел к выводу, что при всех различиях в воззрениях повстанцев авторитет царской власти в целом был высок. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что ни у кого из бунтовщиков не возникало желания переменить монархический строй на какой-либо иной; во-вторых, участникам всех бунтов в большей или меньшей степени было свойственно иррациональное почтение к царской власти. Наконец, бунты московских и астраханских стрельцов были теснейшим образом связаны с монархическими представлениями повстанцев. Большим авторитетом в их сознании продолжала пользоваться правящая династия Романовых (Трефилов 2010: 22). Борьба с

боярством и события февраля 1697 г. отразились в сибирской песне, известной в записи С. И. Гуляева: «На пиру-то сидело полтретьясто бояр, / Они крепкую думали думашку заединую, / И как будет извести царя православного» (Исторические песни 2001: 174).

Напряженная борьба Петра I с «панами» нашла отражение в белорусских сказках. В одной из них, записанной белорусским собирателем А. К. Сержпутовским в Слуцком повете, «паны хочць свайго пасадзіць на царства». Они «набіраюць людзей, ваююць адны з другімі. Ім кігадкі, а людзі забіваюць адны другіх, нішчаць край да марнуюць дабро... От круцяць пакры да ваююць паміж сабою – сваімі людзьмі да на сваіх людзей ідуць, забіваюць, паляць вёскі да двары, а ўсё не могуць выбраць сабе цара» (Легенды і паданні 1983: 240).

Оставшаяся вдовой царица «ўцякла яна з царскіх палацаў да й схавалася на сяле ў аднаго добрага чалавека. Шукаюць паны царыцу, каб яе забіць. Не так яе баяліся паны, як таго, каб яна не нарадзіла сына. Яна, бачыце, была тоўстая і хадзіла на пары. Шукаюць, калоцяць паны па ўсіх сёлах». Наконец, паны приходят в то село, где скрывалась царица: «Бачыць той добры чалавек, што паны ўжо блізка, павёў ён царыцу ў гумно да й захаваў яе ў салому. Але от прыйшоў час, і ў царыцы нарадзіўся сын, Пятро Вялікі. Сядзіць царыца з сынам у саломе, аж

ворагі прыходзяць і ў гэтае гумно. Зірнулі яны туды-сюды да ўжо хацелі і далей ісці, але адзін узяў вілы да й парнуў у салому. Чуюць яны, аж Пятро Вялікі крычыць з саломы такім громкім голасам, што яны аж прыселі ад страху: – Хто там пора, што чуць ачоў не павымаў! Адсекці яму голаўі Спалохаліся тыя мяцежнікі, пабялелі, бы палатно, стаяць да калоцяцца, бы асіна. Але ось вылазіць з саломы сам Пятро Вялікі – хлопец у косы сажань вышынёю. Убачылі яго мяцежнікі, пакланіліся да зямлі да й давай прасіць, давай маліць, каб ён не гневаўся і аставіў іх жывымі. Клянунца, што будуць служыць яму да самае смерці. Зжаліўся Пятро Вялікі, прасціў ім, забраў матку-царыцу да й паехаў у сталіцу царстваваць. Усюды сустракаюць яго людзі з абразамі да з хлебам, а мяцежнікі ўцякаюць, куды ногі нясуць. І пачаў з тае пары Пятро Вялікі царстваваць да ворагаў пабіваць» (Легенды і паданні 1983: 240).

В торжестве Петра I над «панами» в белорусской сказке протупают реалии того драматического периода, важной чертой которого было жестокое противостояние с консервативными боярскими кругами. Поддержка царя «добрыми» селянами, справедливый суд и милосердие монарха отвечали народному идеалу правителя, свободного от корысти и озбоченного общими интересами (Путтилов 2000: 11).

В представлениях грузин нашел отражение

Башкиры. Конец XIX в.

Грузины. Начало XX в.

мотив об избрании «хороших царей» из бедняков: «До Петра Великого в России не было царей. Долго жили русские, не имея у себя царя. Петр Великий сделался первым царем. Вот как это произошло. Вначале Петр Великий был кучером и прозывался просто «кучер-Петр». Он был умным, религиозным, честным и трудолюбивым человеком; все, знавшие его, обращались к нему за добрым советом, а он каждому помогал в беде и несчастьях. Кучеру Петру первому пришло на мысль подать голос и посоветовать своим согражданам избрать, по примеру других, царя. Все согласились на это доброе, разумное предложение. Но вот беда: кого избрать царем? Долго думали русские об этом и, наконец, отличаясь религиозностью, решили прибегнуть к помощи Божьей. Решено было, чтобы в соборе, в подсвечнике перед образом поставлена была свеча, и чтобы каждый приходил в собор и молился перед образом и свечой, и если свеча загорится сама у кого-либо, то быть тому царем. В назначенный день народ со всех сторон стал собираться в собор: первыми приходили и молились вельможи; подходило к образу и молилось множество простого народу, но свеча ни у кого не загорелась; наконец, в числе простых своих сограждан вошел в собор кучер Петр: помолвившись у дверей и поклонившись на все четыре стороны, Петр подошел к образу, перед которым стоял подсвечник со свечой, пал на колени и стал горячо молиться. Вдруг во время молитвы, когда взоры всех

были обращены на подсвечник, свеча загорелась. Вельможи, бывшие в соборе, были очень поражены этим и, не поверив этому чудесному явлению, выпавшему на долю простого бедного кучера, прогнали Петра. На следующий день еще более приходило народу в собор, но увы! свеча ни у кого не загоралась. Тогда вельможи согласились опять призвать кучера Петра, чтобы он помолился, не загорится ли свеча у него во второй, в третий раз. На третий день, когда призвали Петра, он, как в первый раз, помолвившись, подошел к подсвечнику, стал на колени, и свеча загорелась. Потушили свечу. Петр опять помолился, и свеча загорелась в третий раз. Тогда вельможи и народ, бывший в соборе, явно увидели в этом десницу и помощь божию и решили избрать царем кучера Петра. Так был избран указанный самим богом первый русский царь Петр Великий» (Цулая 1972: 136).

В народных представлениях карельского народа Петр считался карелом по происхождению: «Был царь Петр герой удалый, / Сын Карелии красивый... / Пётр царем был знаменитым, / Сыном Карьялы красивым» (Трепавлов 2007: 62).

Тема рождения Петра крайне противоречиво отразилась в исторической памяти русских. Русская историческая песня XVII в. приветствует рождение будущего «первого императора по земле Святорусския», в тексте «светел-радошен / Во Москве благоверной царь, / Алексей царь Михайлович» (Исторические песни XVII века 1966: 145). Однако, по мнению К. В. Чистова, крепостническая политика Петра, цена преобразований, связанная с выколачиванием из народа огромных средств и жестокостью карательных мер против недовольных, вызвала к жизни легенды о «подменном царе» (Чистов 1967: 94). Так, крепостные из вотчин И. Стрешнёва и помещицы Мышецкой утверждали в 1700 г.: «Государь не царского колена, немецкой породы, а великого государя скрыли немцы у мамок в малых летах, а вместо него подменили нова. Немцы лукавы, лик под лик подводят» (Чистов 1967: 101). В новейшей литературе высказано мнение, что подобные представления были связаны не с крепостничеством, а с элементами традиционного сознания, выражавшегося в мифологическом отождествлении с царем или лицами царского рода в так называемых «непригожих речах» (Лукин 2000: 133, 168). Как бы то ни

было, сравнение белорусского и русского материалов показывает, что в первом случае историческая картина мира целиком связана с идеалом народного правителя, во втором значительно усложнена не только «светел-радошными» красками, но и другими оттенками. В России больше знали своего царя, нежели по другую сторону границы, где превалировал образ монарха «ожидаемого».

Империя Петра предстает в народной истории в более выгодном положении по сравнению с европейскими государствами. В предании уральских казаков говорилось: «Король шведский, изволишь ли знать, изверился у своих енаралов и думчих сенаторов. Когда он собирался под Полтаву, они не хотели давать ему ни армии, ни пушек, ни казны. Такой, вишь, обычай в неверных землях; там, говорят, цари то служат зауряд, словно офицеры в башкирском войске. Поди, да и пойми их там: народ дикий, несуразный...». Королю все же удалось убедить сенаторов выделить ему армию, но с условием не вступать в сражение с Петром I, а решать его исход поединком силачей. Таким образом, шведский государь, по мысли казаков, был существенно ограничен в своих действиях, не был самодержцем, что расценивалось уральцами как нонсенс (Побережников 1994: 220).

Народность Петра Великого обнаруживается и в том, что во многих текстах он порой перевоплощается из царя в простого обывателя. В сказке, записанной В. Н. Добровольским у белорусов Смоленской губ., заблудившийся в лесу Пётр встречается с солдатом-дезертиром и представляется ему лакеем. Солдат убежал в лес, поскольку в ответ на все поиски справедливости из-за присвоенного начальством провианта подвергался лишь наказанию палками. Разместившись в доме разбойников, царь уснул, а солдат по одному перебил злодеев и спас царю жизнь. Благодарный Пётр вознаграждает солдата и наказывает его обидчиков: «Потьш ідзіць нужна салдату окала царскага дварца: там яму здзелалі чэсць, і сам Пётр выносіць яму на блюдзе золата: – Благадару цябе, служывы кавалер, што ты мяне ізбавіў ад смерці, а я тваіх паўтара гарца круп узышчу, усё начальства разжалую» (Смоленский 1981: 382–383). Аналогичный сюжет встречается в русских сказках (Сказки 1989: 92–96). В сказке «Пётр Первый и матрос» император восхищается находчивостью моряка Большакова, который оставил в дураках весь Сенат, и говорит: «“Будь ты, Большаков, полным генералом!” Большакова обмундировали: в генеральскую форму одели, брюки с лампасами и дали несколько дивизий командовать. Большакова солдаты любили, за отца родного почитали, он с ними ласков и вежлив был» (Сказки 1989: 100).

В другой сказке при встрече с преступником Пётр I также назвался вором, и они вдвоем решают обокрасть дом генерала Белорукова. Проникший в дом первым вор подслушивает заговорщиков, которые «саглашаюцца, нескалькі асоб, штоба на заўтрашні дзень здзелаць бал і прыгласіць цара Пятра Аляксеевіча і даць яму выпіць стакан смертны» (Смоленский 1891: 384). Предупредив заговор, вор спасает Петра от смерти: «А тада Пётр іх усе шайку разбіў. Тада амператар спрашыець у вора: – Чым цябе наградзіць? – А нічаво я не хачу, ніякей награды мне не нужна, я прашу вас не ўстрашаць вароў: вары, собственна, ад госпада бога... Кабы бог не павёў вас на такую сцепень ідзіць ўзнаваць аб варах... Ну, толька бог вас звёў са мною, штоба вы, амператар Пётр Першы, маглі прадаўжаць сваю жыць» (Смоленский 1891: 385). Сюжет, где Пётр Великий в одной компании с вором раскрывает боярский заговор, встречается и в русских сказках (Путилов 2000: 5).

Известны русские предания о совете пушечно-го мастера Петру, как раздобыть металл для литья артиллерийских орудий: «Меди, государь, у тебя много; не о чем так о ней думать; сколько излишних и ненужных при церквах колоколов? Что мешает тебе взять целую половину оных и употребить на вылитие стольких пушек, сколько тебе угодно? Ну-

Первый из известных портретов Петра I. Портрет из «Царского титулярника». Неизвестный автор (конец 1670-х – начало 1680-х годов)

Азербайджанцы. Начало XX в.

жда государственная важнее, нежели многие колокола; и половины оных слишком довольно для того предмета, для которого они наделаны; а после, как Бог даст, одолеешь своего противника; то из его же пушек наделать можно колоколов сколько хочешь» (Народная проза 1992: 149).

«Кошунственная» перековка атрибутов церковных колоколен, приводившая в неистовство противников царя из среды бояр и духовенства, в массе мастеровых, крестьян, солдат представлялась как необходимое и полезное в условиях войны державное действие, поддержанное народом. Современные историки не видят в этой мере ничего экстраординарного: так поступали правители и до Петра, и после него. К тому же в действительности изымались лишь колокольный лом, излишки меди, которой в составе сплава для артиллерийского орудия необходимо больше, чем для колокола (Джанумов 2021: 14).

Как целесообразная мера рассматривается совет мастера и в белорусской версии. Петру, который проникает во вражеский город и узнает секрет литья пушек, помогают купец и мужик, а мастеровой-медник даёт ценный совет. В Риге «яго з'значынали падмячаць, што ён Пётр. Аддадзен быў прыказ па ўсех заставах, штобы яго не выпусціць» (Легенды і паданні 1983: 241). В санях с навозом мужик вывозит царя из города. Отблагодарив мужика и купца по-царски, Пётр думает, где взять меди для литья пушек. Встретившийся ему в Москве медник даёт совет: «Вы ў цэрквах па колакалу здыміце, ў ка-

ждай цэркві, і налейця пушак. Нашто ж табе столькі пушак? – Пайду Рыгу заваюю» (Легенды і паданні 1983: 242).

Отражает реалии начала XVIII в. и белорусская сказка о «беззаботном монастыре», в которой с сочувствием повествуется о том, как царь Петр отучил монаха от безделья: «Пётр праяздажаў па Маскве, зайшоў у кузню; увідаў кузняца худога і спрашыець у яго: – Адчаго ты так худ? Ён гаворыць: – Ад трудоў. Пётр паехаў у манастыр і спрашыець у манаха (папаўся яму такей жырны манах): – Ад чаго ты так жыран? Ён атвячаў: – Ад трудоў праведных: богу малюся. Ён яму і сказаў: – Штоба быў ты к такому-та кузняцу на месяц у малатабойцы». Через некоторое время царь «заехаў у тую кузню, каторава манаха аддаў у малатабойцы і пасматрэў на яго, што ён стаў худ, і спрасіў у яго: – Адчаго ты так худ? Тады ён паў на калені: – Прасціце, цар!.. Цар яму прасціў і сказаў яму: – Вот труды!.. Бог з табою! Ідзі ў свае места» (Легенды і паданні 1983: 242).

Русский аналог сказки «Беспечальный монастырь» не упоминает имени царя. Здесь царские загадки отгадывает пьяница, тогда «царь пьяницу поставил игуменом, а игумена выгнал шляться по трактирам и кабакам» (Сказки 1989: 312).

Азербайджанские предания рассказывают о веротерпимости Петра по отношению к мусульманам. Так, Пётр узнает о том, что мечеть, построенная в Тифлисе персидским правителем Шах-Аббасом, обеднела, поскольку христиане отняли у мусульман торговые лавки. Когда «Петр Великий был в Тиф-

лисе, то узнав историю этой мечети, немедленно возвратил ей данные Шах-Аббасом лавки, а право заведования ими предоставил тогдашнему муштеиду. С тех пор и мечеть уже ни в чем не нуждалась благодаря милости Петра Великого» (*Бабаляни* 1892: 162).

Тема отношений Петра с царевичем Алексеем нашла отражение в русской исторической песне «Вы не каркайте, вороны, да над ясным над соколом», известной в двух вариантах: развернутом, зафиксированном в Пермской губ., и в начальном отрывке той же песни, записанной на Тереке (*Исторические песни XVIII века* 1971: 142–143). Песня использует сюжет песни XVI в. о гневе Ивана Грозного на сына, где Петр заменил Грозного, Алексей – царевича Фёдора, однако сохраняется присутствие Никиты Романова. Алексея хотят казнить, но «Микита Романович» отправляется «ко плахе белодубовой, / Ко любезному племянничку к Алексею да Петровичу, / Воротил он своего племянничка, / От казнения от вешанья» (*Исторические песни XVIII века* 1971: 143). По авторитетному мнению К. В. Чистова, песня появилась как отклик на слухи о конфликте между отцом и сыном за 13 лет до казни царевича. Обогнав реальное развитие событий, народная мысль использовала мотив чудесного спасения в песне для создания в последующем легенды о царевиче-«избавителе» (*Чистов* 1967: 117–119).

Противостояние Петра с сыном нашло определенное воплощение в народном театре. В XIX в. была популярна разыгрывавшаяся на площадях и ярмарках постановка «Царь Максимилиан». Персонаж этой народной пьесы, царевич Адольф, слушивается приказания отца кланяться «кумирическим богам» и готов погнаться за истину: «Я ваши кумирические боги, / Подвергаю под свои ноги, / А верую в господу Иисуса Христа, / Изображаю против ваших богов знамение креста» (*Народный театр* 1991: 136). А. И. Грушкин не сомневался, что в Адольфе воплощён образ царевича Алексея (*Грушкин* 1941: 151).

В исторической песне (ряд исследователей называют её поздней былиной) «Семейная жизнь Петра I» «люди премудрыя» говорят царю: «Уж ты белой наш царь да Петр ты Первой наш, / Их отецество же съвет наш Олксевиць! / Хошь росыт-то

Иоган Гонфрид Таннауэр. Петр I в Полтавской битве

у тебя твоё-то цядо милоё, / Твоё мило росыт чадышко любимоё, – / Он ведь зделат-то тебе, верно, изьменушку, / Он изьменушку тебе, да он твоей веры, / Он ведь будёт править верушку старинную, / Он старинну будёт веру богомольную» (*Беломорские* 2002: 245).

Песня испытала воздействие идеологии старообрядческого Севера, и о казни сына (в песне он назван Фёдором Петровичем) и постриге в монахи Настасьи королевичны говорится с некоторым осуждением. Но мнение народное в итоге все равно на стороне царя: Петр в песне благополучно вступает в брак второй раз, причём готовившая для плотницкой артели кушанья «вдова прекрасная» Екатерина Алексеевна представлена скромной, работающей и добродетельной женщиной (*Грушкин* 1941: 151). Текст заканчивается веселой свадьбой с приглашением «всех знакомых плотницков» и «солдатушек новобранных».

У белорусов отголоски слухов о связях царевича Алексея с врагами веры и государства были представлены в форме сказки. В тексте, зафиксированном В. Н. Добровольским у белорусов Смо-

ленщины, жена царевича, злая ведьма, превратила половину тела мужа в лымарный камень, город Петра в скалы, а людей – в рыб. Притворившись «никаянным духом», Пётр говорит ведьме: «На что ты свайго мужа сделала палавину ламырнага камня, а палавину чилавика? Ета нам ни пад нужду. И горыд ты сделала возирым, а людей рыбами? А вот ты мне зделай удавольствия: мужа свайго – як быў іон 35 лет, так и зделай таким жа, горыд як быў іон горыдым, людей зделай людьми!.. Пайдеть тады па нашиму горыду таргоўля:

В. Шаталин. Песня бандуриста

вот ета и будить мне удавольствия, а то сядим мы тут, як у вастроги, и свету ня видим!» (Смоленский 1891: 392). Как только ведьма вернула мужу, людям и городу первоначальный вид, Пётр отсек ей мечом голову.

Таким образом, если в русских текстах в отношении Алексея прослеживается скорее сочувствие, в царевиче видят защитника веры и старины, «избавителя» от царского произвола, то в белорусских представлениях его окружают силы тьмы, а царь Пётр даёт людям свет.

Глубокий след в народных представлениях оставила Северная война, которая потребовала громадного напряжения сил, глубоко потрясла и взволновала народные массы по обе стороны русско-польской границы. Из солдатской среды вышел огромный массив героического народного творчества, связанного с прославлением «викторий» петровского воинства и их центрального персонажа: «Как государь наш батюшка Петр Алексеевич / Во этом шатёрике погуливал, он погуливал, / В позорную во трубочку сам поглядывал, он поглядывал, / Во серебряную во

сиповочку выговаривал, выговаривал. / На своих-то он детушек сам поглядывал. / “Уж вы детушки мои ребятушки! / Что нам делать, что нам делати? К нам хотел шведский король в гости побывать, хотел в гости побывати; / Да и чем его, детушки, будем подчивати?”» (Исторические песни 2007: 197). Ответ русских солдат на призыв Петра пронизан насмешкой к врагу: они приготовили шведам «угощение», «крошеное» в Москве и «запеченое» в Туле. В песне о подготовке к штурму Орешка солдаты отвечают на вопрос царя – брать или не брать город: «Мы не будем ли от города отступить, / А будем его белою грудью брати» (Исторические песни XVIII века 1971: 65). В песнях о взятии Риги преображенцы и семеновцы поздравляют Петра: «Здравствуй, император-царь, со городом, / Со крепким со городом со Рыгою» (Исторические песни XVIII века 1971: 67–68).

Решающим моментом Северной войны стало Полтавское сражение. Песни о Полтаве отражают перелом в народном сознании, вызванный историческими победами русских войск в этом многолетнем противостоянии: «Грянули пушки боевые, / Боевые пушки полковые, / Полковые пушки-галанки / На все на четыре на сторонки, / А в сколько-то они силы прибили, вдвое того силы примяли: / Запалила Шелеметьева пехота, / Первая рота запалила, / Шведская сила испужалась; / Вторая рота запалила, / Шведская сила перепалась; Перепалась сила шведска, помешалась: / Третья рота запалила, / Шведская сила отступила, / Шелеметьев, во полках стоя, возьярился, / Он скоро на добра коня садился, / За королем во чисто поле погонился. / “Вы, батюшки московские драгуны, / Постигайте ту шведскую силу, / С головы их на голову колите!” /

Ах, затем, братцы, здравствуй / Наш благоверный царь / Всея России Петр Алексеевич» (Исторические песни 2007: 200–201).

В украинских песнях с восторгом говорится о Полтавском сражении, со злорадством – о неудачной попытке Мазепы «пид Полтавою систи», вопреки культу гетмана, создававшемуся казацко-шляхетской верхушкой и духовенством Украины. Характерно, что шведы в украинских песнях часто именуется «католиками», то есть на них переносится та лексика, которая обычно применялась к исконным врагам украинского крестьянства – польским панам (Грушкин 1941: 154). Героем, предугадавшим измену Мазепы и сыгравшим решающую роль в Полтавской битве, предстает полковник Семён Палий (Семён Филиппович Гурко). Палий обладает тайными знаниями («характерством») и в ответ на просьбу Петра использует их в сражении под Полтавой. В одном из преданий Мазепа «приказав замурувать в стінку Палія. Сидів там Палій шось довго. От швед як підступив під Платаву, а наш царь-Петр первий і обявля, чи не отставяв би хто Платави. От один старик і нйшовсь, і каже: “Ваше Императорское Височество! я знаю в такой то стіне сидить замуруваний Семен Палій; той может одстоять”. Ну, зараз веліли замурувать, вивели ёго. “Шо ти можеш Платаву отстоять?” – “Могу, Ваше Императорское Височество”, та зарядив срібною кулею ружжо, як стрелие, а Мазепа з Карлом саме обідали, а та куля прямо ім в полумисок і впала та і закипіла кровью. “Е, каже Мазепа, вже Палій на волі!” та як кинулись тікати та сами себе і порубали» (Малорусские 1876: 205). В то же время Палий в народных песнях и преданиях выступает не только противником Мазепы, но и обличает петровскую «Москву», не сумевшую вовремя оценить заслуги Палия. В одном из текстов стойкость Палия, подвергшегося мучениям за отказ поставлять рекрутов с Украины, вынуждает Петра I изменить свое намерение: «Царь Петро ото приказ про некрут подрав, а другой написав, щоб з роду й до віку не було брано у нас некрут» (Малорусские 1876: 207).

Позитивный образ Петра закреплен в исторических песнях карел: «Петр царем был знаменитым, / Знатным молодцем московским, / Корабли спускает в море. / Сколько на горушке сосен, / Столько мачт в петровском флоте, / Хитростью проник он в Выборг / И на Финский полуостров» (Карельское 1981: 116). Карелы выступают союзниками русской

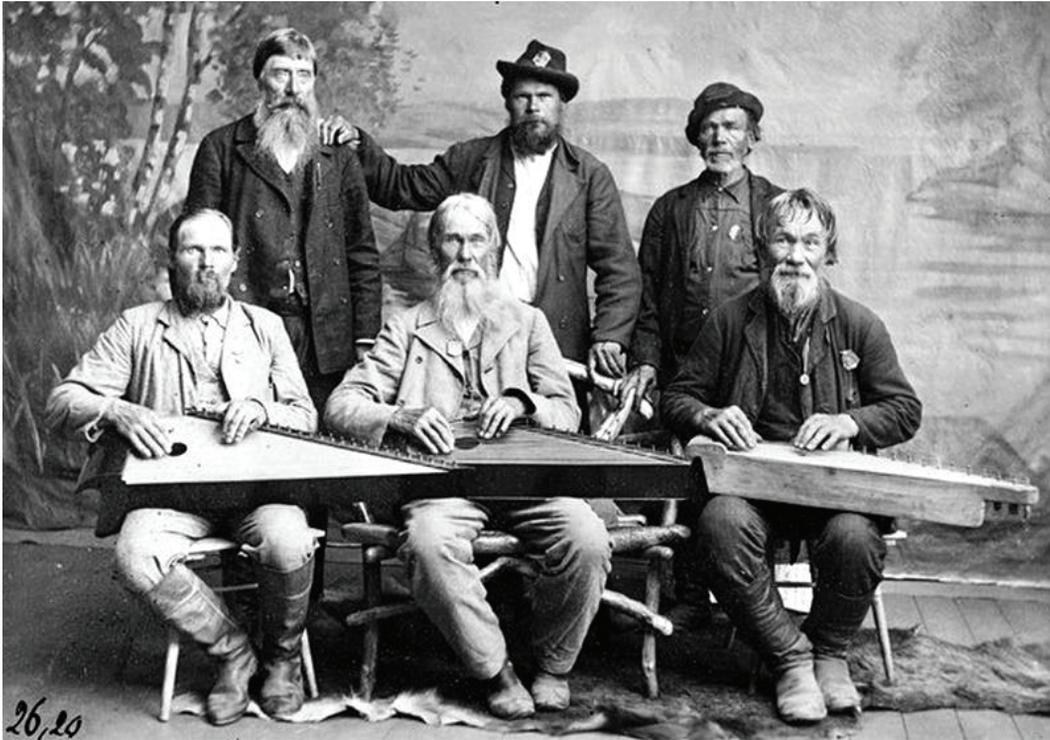

Семён Палий

армии в борьбе против шведских наместников и генералов, помощниками при взятии Выборга (Трепавлов 2013: 39). Герой «Калевалы» Илмаринен изготавливает для Петра I чудесное копьё, с помощью которого русский царь без промаха поражает шведов: «Петр же прямо в цель стреляет, / И стреха слетает с крыши / У хозяина из замка. / Тот ключи царю подносит» (Карельское 1981: 117). Известно, что карелы саботировали работы по возведению шведских укреплений, отказывались платить подати в королевскую казну, встречали воинов армии Петра как освободителей.

Щедрость и доброжелательность Петра в Персидском походе 1722 г. нашли отражение в исторической памяти астраханских туркмен и ряда дагестанских народов (Трепавлов 2013: 39).

В представлениях азербайджанцев Пётр был современником персидского шаха Надира, хотя Надир правил в 1736–1747 гг., а Петр умер в 1725 г. Однако с нашествием Надира на Кавказ связан цикл героических сказаний местных народов, поэтому образ Петра наделяется положительными чертами: «Пользуясь внутренними смутами и слабостью Персии, хоросанский царь Мелик-Махмуд объявил ей войну. Персия, не будучи в состоянии одна справиться с неприятелем, обратилась к Петру Великому, царю русскому, и просила у него помощи, обещав ему за это земли до Аракса. Петр Великий обещал ей защиту и вскоре со своими войсками появился в Персии. Мелик-Махмуд, убоявшись могучего союзника Персии, покинул ее и возвратился в Хоросан. Надир тогда предложил Петру оставить Персию, говоря, что помощь его не нужна. Петр Великий, пораженный таким предложением своего союзника, ответил гневно: – Как это так?! Я с

Карелы. 1910 г.

дальнего севера пришел к вам на помощь, наведя на вашего неприятеля страх, удалил его из вашего отечества, а вы теперь забываете свое обещание! Нет, я этого вам не позволю! Тогда НаDIR предложил Петру взять Кавказ, на что Петр ответил, что Кавказ не принадлежит Персии, а самостоятелен. После многих пререканий Петр Великий получил от шаха огромную сумму денег, множество рогатого скота и лошадей и возвратился в Россию. На возвратном пути его радостно встретили жители Кубы, восклицая: «Царь лица земли взошел, царь лица земли взошел!». Петр поблагодарил их и, сопровождаемый их благопожеланиями, направился далее, в Россию» (Бабалыц 1892: 161).

Пётр приносит мир на Кавказ, останавливает резню между шиитами и суннитами: «Во время этой страшной резни Петр Великий был на северном берегу Каспийского моря. Услышав об этих беспорядках, он со своими храбрыми воинами поспешил прекратить смуту, примирив противников. Подплыв к Таркам, он получил от шамхала Тарковского в подарок 800 голов крупного рогатого скота для войска, четыре лошади прекрасной породы для себя. Сам шамхал, выйдя к Петру навстречу, попросил его пожаловать в его дом и принять хлеб-соль» (Бабалыц 1892: 159).

В одной из легенд народов Дагестана Пётр предстает в качестве всемогущего «белого царя», повелевающего силами природы и решающего насущные

проблемы простых людей. По словам 80-летнего старика, отец которого был свидетелем вступления Петра в Дербент, император после поднесения ему ключей въезжал в город на коне. Едва только его лошадь передними ногами ступила на улицу, как началось сильное землетрясение. Жители, стоявшие у ворот города, в ужасе попадали перед императором. Пётр тогда произнес: «Природа делает мне торжественный прием и колеблет стены города перед моим могуществом». Затем император «милостиво ударил по воротам три раза нагайкою, землетрясение прекратилось, и он, призвав к себе всех неимущих, наделил их деньгами» (Полчаева 2020: 895).

В бурятской исторической песне говорится, что после милостивого приема Петром I депутации в Москве в 1703 г. русский государь предстает воплощением Белой Тары. Буряты и якуты приписывали Петру жалование землями и титулами, защиту от притеснений (Трепавлов 2007: 26, 58–59).

С конца XVIII в. рекруты из украинских и белорусских губерний стали служить в российской армии. А. Д. Гронский считает, что «российский имперский патриотизм у белорусских крестьян ко второй половине XIX в. уже существовал» (Гронский 2013: 191). Служившие в армии уроженцы Витебщины, Могилевщины, Гродненщины привнесли в крестьянскую среду солдатские песни. Историзм этим песням придавал военно-патриотический настрой музыки. Эффект воздействия таких песен

был тем значительнее, чем полнее выражались особенности музыкального стиля Российской императорской армии (Путилов 2000: 3). О том, что Пётр Великий стал «своим» у белорусов, свидетельствуют записи песен. Так, в 1956 г. в деревне Студеная Гута Терюхского р-на Гомельской обл. от восьмидесятилетнего Артамона Павловича Тимошенко, участника Русско-японской войны 1904–1905 гг., была записана распространенная в дореволюционной русской армии песня «Дело было под Полтавой...». Историзм подобных текстов связан также с языком, который отражал региональную и этнокультурную идентичность исполнителей (Путилов 2000: 8). Упомянутая зафиксированная в Белоруссии песня звучит в местном лексическом преломлении: «Была дзела пад Палтавай, / Дзела слаўнае, дзрузья, / Мы дралісь тагда са шведам / Пад знамёнамі Пятра. / Наш магучы імператар, / Памяць вечная яму, / Сам камандаваў вайскамі, / Сам і пушкі заражаў. / Сам камандаваў вайскамі, / Сам і пушкі заражаў. / Сам ружжом салдацкім правіў / І, як сокал, ён лятаў» (Беларускі эпас 1959: 188). Известно, что автор этой песни – Иван Евстратьевич Молчанов (1809–1881), русский певец и хоровой дирижёр, который в начале 1850-х годов организовал профессиональный солдатский хор и издал несколько сборников воинских песен. Песня «Дело было под Полтавой» была

написана на основе канта XVIII в. и быстро стала народной, поскольку отражала популярность первого российского императора в солдатской среде.

Битва под Полтавой нашла отражение в русских паремийных текстах: «Швед – нерубленая голова», «Пропал, как швед без масла», «Пропал, как швед под Полтавой» (Краюшкина 2017: 45). Имеются аналогии в белорусских паремиях: «Як швэд пад Палтава», «Швэд пад Лясной загубіў боты й штаны, а в Рудні пакінуў і шапку» (Катлярчук 2007: 192–193). Упоминание деревни Лесной (ныне Славгородский р-н Могилевской обл.) в пословице и в белорусских преданиях говорит об актуальности этого сражения – «матери Полтавской баталии» для исторических представлений белорусов. В русских же текстах акцент сделан на самой Полтаве. Сочувствие белорусов войскам Петра передает поговорка «Тутэйшая асіна ня швэдзкая павуціна». А. Катлярчук полагает, что возникновение этого выражения связано с эпизодом войны, когда на осине был повешен шведский шпион, сбивший русские войска с пути (Катлярчук 2007: 191).

Наряду с победными мотивами в русских песнях первой четверти XVIII в. отражены и горечь потерь, цена нелегких побед, достигнутая за счет громадного напряжения народных сил: «Эх, как погналі солдат до Полтавы, / Их заставлялі и рыть, и

Ф. А. Рубо. Вступление императора Петра I в Тарки

Аварцы. Начало XX в.

копати. / “Видно нам же, братцы, всем пропадати! / ни будет знать ни отец, ни мать. / Ни отец, ни мать, Ни одна родина. / Ни одна родина, жена молодая”» (Исторические песни XVIII века 1971: 52).

Места расселения белорусов стали одним из театров Северной войны. Здесь война осложнялась тем, что в Речи Посполитой шла вооруженная борьба между магнатами за влияние. В войне польско-литовское государство официально было союзником России, однако с помощью вторгшихся шведов была создана Варшавская конфедерация, выступившая против легитимного монарха Августа II, происходил переход вельмож от Августа II к шведскому ставленнику Станиславу Лещинскому и обратно. Шведские войска целенаправленно уничтожали владения противников Лещинского, используя тактику «выжженной земли» (Волкаў 2012: 219). Шведы в первой половине 1706 г. подвергли «огням и пожарам» Мир и Кореличи, грабежам и разорению Слоним и Клецк, Новогрудок и Слуцк, Кобрин и Пинск, в результате длительной осады захватили Ляховичи и Несвиж (Новик 2011: 140). Вступившие на территорию Речи Посполитой союзные Августу русские войска также не церемонились со сторонниками Лещинского, с подозрением относились к униатам, поддерживавшим Карла XII. За материальную помощь горожанами Витебска шведам казаки и калмыки спалили, как рассказывает Витебская летопись, «zamki y miasto, ratuszy kromy, Wzhorie, Zaruczewie y Zadunawie, cztery kościoły y cerkwi

dwanaście» (все замки в городе, ратушу и крамы (торговые лавки), Узгорье, Заручавье и Задунавье, четыре костела и церквей двенадцать). Та же участь постигла Могилев, Быхов, Дубровно, Оршу, Иказнь, прежде всего, отмечает летопись, «панские дома» (Летопись 1975: 199).

В русских преданиях нет сомнений по поводу разорения «Литвы», поскольку русское оружие имеет «планиду небесную». В предании, записанном П. И. Якушкиным в с. Лаврово Орловской губ., «дедушка» Суворов не пускает Петра на «литовский окоп»: «“Глянь, – говорит царь, – глянь на небо!”. Глянул тот на небо и видит: сила небесная над царем, сила несметная! Ангелы небесные... крылья у них, аки колесница! И никто их не видел. Только про них в апокалипсисе сказано: только один царь Петр их и зрел: планиду знал. Как увидел дедушка Суворов ту силу небесную: “Ну, – говорит, – теперь пушу: иди!”.

Ну и одолел царь Петр Литву тое» (Народная проза 1992: 155). Сказитель, у которого П. И. Якушкин зафиксировал предание, отмечал, что рассказывает о сражении «под Плотавой», где русской армией командовал Суворов, а «Литвой» – Мазепа (Народная проза 1992: 561). Здесь в народной памяти совмещаются разные хронологические и пространственные пласты, однако правота явно не на стороне Литвы.

Белорусская пословица «Стуль маскалі, а сьсюль швяды, як позабыцца такой бяды» (Катлярчук 2007: 190) передаёт настроения современников, оказавшихся меж двух огней. В белорусских топонимических преданиях нашли отражение и отголоски жестоких действий русских войск против жителей, оказавших помощь шведам: «Каля Радашковічаў у Маладзечанскім раёне мясовы ўзгорак называецца Шведская Гара, бо тут маўляў, адпачываў Карл XII. Дарэчэ, у Радашковічах Карл XII і сапраўды прастаяў адзінаццаць дзён, а мясцовыя жыхары яму спачувалі. Кажуць, менавіта за гэта потэм ушчэнт разбурыў мястэчка». В другом предании отмечается, что «у Мсціслаўскім раёне пра вёску Добрае расказваюць што раней на гэтым месцы быў горад Матан, які ўшчэнт разбурылі ў час баёў, у якіх уздэльнічаў Пётр I» (Дучыц 2011: 315–316).

В белорусской униатской среде бытовало сказание о «полоцкой резне» – убийстве пяти униатских монахов-базилиан в результате посещения Петром I собора Св. Софии в 1705 г. Ярость царя вызвало будто бы объяснение одного из монахов по поводу

А. Афанасьев. Петр Великий Император Всероссийский Отец Отечества

изображения Святого Иоасафата Кунцевича с секирой в голове, что Кунцевич был убит витебскими схизматиками, единоверцами Петра (Хотеев 2022). Пётр, мягко говоря, не был ангелом, нередко в своей стране подвергал преследованиям духовенство, упразднил патриаршество, воспринимался многими благочестивыми россиянами как «антихрист»,

поэтому можно допустить подобное поведение царя в чужих землях, где униаты поддерживали врагов-шведов. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что все версии сказания, во-первых, были созданы представителями униатского духовенства при участии римской коллегии Пропанды веры, причем все авторы писали с чужих слов.

Уральские казаки. Начало XX в.

Во-вторых, вызывают сомнение добавляющиеся в версиях 1705–1721 гг. подробности трагедии: отрезание ушей, травля собаками, топтание царём святых даров, возрастание числа убитых монахов от четырех до девяти, не считая сочувствующих женщин, постоянное изображение преследований в устрашающем виде. Эти нарративы, расхлывшиеся в униатской среде, как показал белорусский исследователь А. Хотеев, объединяет стремление представить полоцкий инцидент как давно задуманное гонение на унию с целью её искоренения (Хотеев 2022). Не случайно «Историю об убийстве базилиан в Полоцкой церкви» Антония Завадского напечатали в Париже во время Польского восстания 1863 г. и распространяли среди восставших для возбуждения стремления отомстить русским. Эксплуатируется «полоцкая резня» и отдельными современными белорусскими авторами, пытающимися придать локальному рядовому событию войны масштаб национального противостояния. Нам пока неизвестны народные тексты – белорусские народные предания, песни, легенды, связанные с этим инцидентом. Гиды в своих рассказах гостям Полоцка говорят о «нелюбви белорусов к Петру I» и, за неимением лучшего, приводят те же униатские рассказы (Зачем 2022). Если бы это событие действительно выступало знаковым символом национальной трагедии, оно так или иначе нашло бы отражение в народной памяти.

Однако в белорусских текстах осуждались мажордерство и зверства шведской армии. Белорусский собиратель М. А. Федоровский записал в деревне Хадоравцы Сокольского повета Гродненской губ. следующее предание о Северной войне: «Як то было кедысь цяжко на свеці, неспакой, от шведска вайна была, мноства рознаго войска цягалосе па свеці. Од тады ішлі якіесці Сасы, Тарантасы, не зналі нашай мовы, а мы іх. Бог іх ведае, як ены гаварылі. Толькі ўвойдзе да хаты і крычыць: “Пекі кўрка!”, то ледво дамыслілісе, цо юн кажа – палі печ. Забіралі людзям хлеб, авёс, на хвурманкі гналі, а некаторыя як паехалі, то і прапалі з імі заўсім. Од, кажуць, з Дрыгі неякі Баран Мацей і Балдыка стары прапалі. А возьмуць дзяцей, пазасждаюць шыямі за лаву, прыцыснуць лаваю і падушцаць. А старшыя паўцякалі да леса, дзеўкі ўсе ў лесе седзелі, бо не можна было быць дома. Так, бывало, ены падходзяць пад лес і крычаць: “Крыся, Марыся, жані валэ да дому, жані”. А яка катора выйдзе з леса, то ўжо ея ўхопяць і робяць, цо хочуць з ёю» (Беларускі эпас 1959: 216). В топонимических преданиях о шведском нашествии задействован традиционный мотив о потерянной шапке: «Пра Тамілаву Гару каля Салігорска ў 1920-ыя гады зафіксавана паданне, быццам бы тут некалі разбілі войска Карла XII. У час бойкі ў караля збілі шапку. І ўцякаючы, кароль усіх папярэздзів, што за ёю ён яшчэ вернецца» (Дучыц 2011: 315–316).

В белорусских христианских легендах разоряющих храмы шведов карает сам Господь: «Швэды по дарозе назад праходзілі праз Валожын <...> яны ўварваліся ў царкву і паставілі ў ёй коні. Некаторыя з швэдзкіх жаўнэраў пачалі былі страляць у абраз Сьвятой Параскевы <...> і за тое <...> асьлеплі. Услед за швэдамі прыйшоў адзел расейцаў, а зь ім іхсам расейскі цар Пётр Вялікі. Ён асабіста агледзеў пабітую непрыяццлем царкву» (*Катлярчук* 2007: 174). В предании, записанном в 1872 г. в местечке Клецак, «швэды ў часе вайны з расейцамі занялі Клецак і падчас побыту ў месце трымалі свае коні ў Пакроўскай царкве. За гэта яны былі пакараныя Богам. Не змаглі вывесці коні з царквы да выйсьці самі і ўсе загінулі ад расейскага войска» (*Катлярчук* 2007: 174).

Сходные сюжеты встречаются в русских северных преданиях об ослеплении «литвы» (*Штырков* 2012). С Северной войной связаны предания о зарытых противниками кладах. Так, в деревне Кулышычы Славгородского р-на Могилевской обл. в 1938 г. был записан следующий текст: «Швед, разбіты пад Лясной, трапіў у балота Чыстая Лужа. Там патанулі ў дрыгве яко гарматы, коні, людзі, а голоўны начальнік іх – Левенгаупт – кінуўся цераз Бразілаў мост на Прапойск. Прапойскія перавознікі на вачах у шведаў хутка знішчылі паромы на Сожы... У той жа час на левым баку Сожа, у Старынцы і Краснаполлі, з'явіліся казакі. Яны нэ дапусцілі шведаў да пераправы і пагналі іх далей, на Рудню... Тут шведы пакідалі сваё ваеннае снаражэнне, ў балота і разбегліся па лясах, ратуючыся ад пагоні рускіх... Начальнікі шведскія кінуліся да Сожа, закапалі там пад сасновым крыжам купу золата і срэбра... І давай уцякаць на слядах свайога караля» (*Беларускі эпас* 1959: 216).

Исследовательницы белорусской топонимии Л. В. Дучыц и И. Я. Климович отмечают: «У мястэчку Івянец Валожынскага раёна за сучаснымі могілкамі ва ўрочышчы Пішчугі ланцугом цягнуцца невялікія ўзвышшы. У народзе вераць, нібыта, адступаючы, шведы закапалі там свае скарбы. Паводле аднаго з паданняў, з нейкім узгорку закапана залатая карэта шведскага караля Карала XII. А недалёка ад вёскі Драчкава Смалявіцкага раёна на нейкай гары ў час вайны з шведамі нібыта закапалі калясніцу, але ўжо Пятра Вялікага з многімі ягонымі рэчамі да грашым» (*Дучыц* 2011: 315).

Участие Петра в войне оставило противоречивую память по обе стороны русско-польской границы. Наряду с патриотическим пафосом петровских «викторий», нашедшим отражение в полтавском цикле, в русских текстах уделялось внимание цене победы, в белорусских – разорительным действиям как шведских, так и петровских солдат, сказывав-

шимся прежде всего на рядовом населении.

В русской топонимии Пётр Великий не раз играет роль «культурного героя», с которым связано устройство дорог, основание населенных пунктов, сёл, фамилий, рек, гор и др. Так, в Онежском крае рассказывали предания об «Осударевой дороге», по которой Петр I прошел с войском к Шлиссельбургу, показывали её следы (*Соколова* 1970: 69). В предании об основании Лодейного Поля говорилось, что царь Петр приказал соорудить в окрестностях небольшой финской деревеньки «шесть кораблей и для этого набрать плотников в Олонце, а кузнецов – в Устюжине Железнопольской, а деревню <...> называть Лодейным Полем, так как прежде всего здесь приказано было строить ладьи» (*Народная проза* 1992: 175–176). В Рязанском крае сохранялись предания о деревне Гостилово, где в гостях побывал император, об участии Петра I в охоте на соколов, почему озеро Большое было названо Соколкой, а полуостров – Стрелицей (*Буганов* 2009: 75). В Псковской обл. были зафиксированы тексты, в которых царь заказывает псковским мастерам большую партию скоб для русских флотилий, поэтому псковичей стали называть скобарями. Другая версия повествует о том, что Пётр, несмотря на свою силу, не сумел согнуть подкову, сделанную местными кузнецами (*Юрчук* 2015: 80).

Подобную роль играет Петр I и в белорусской топонимии: «Узвядзенне некаторых гарадзішчаў прыпісваецца і Пятру I. Скажам, гарадзішча ў Індурцы каля Гродна, паводле аднаго з паданняў, насыпана Пятром Вялікім у час вайны з шведамі. А на гарадзішчы Замачак у вёсцы Івань Служкага раёна быццам бы быў стан Пятра Вялікага. Гарадзішча ў мястэчку Копысь на Аршаншчыне называюць *Пятроўскі Вал*» (*Дучыц* 2011: 316).

В марийском предании один из черемисов после продолжительной службы в петровской армии просит императора отпустить его домой. На вопрос Петра – чем солдат будет заниматься, черемис ответил, что будет охотиться, драть лыко и плести лапти. Император отпускает солдата, подарив ему ружье и лапти. Дарение важных хозяйственных атрибутов, по мысли В. В. Трепавлова, придает императору роль «культурного героя», обеспечивающего народ необходимыми орудиями труда (*Трепавлов* 2017: 226).

Пребывание императора на том месте, где позже возник город Петровск в Дагестане, сформировало местный текст об образовании города Петром Великим (*Полчаева* 2021: 897).

Таким образом, труды монарха по возведению здания империи, его борьба с внутренними и внешними врагами, запредельная цена петровской модернизации вызывали неоднозначную ре-

акцию в картине мира, находили отклик в историческом сознании, получали различные оценки. Развитие в рамках единой государственности выдвинуло на первый план созидательные и патриотические деяния Петра (борьба с боярством – «панамы», народность и справедливость царя, Полтава, создание флота и др.), однако не оставили совсем в забвении и драматические события

в истории народов. В условиях формирования российского историко-культурного пространства фигура Петра Великого служила одной из духовных скреп для носителей разных языков и религий. Народная версия прошлого, как и история в целом, многолика, поэтому бессмысленно искать в ней аргументы для отстаивания политизированных крайностей.

Источники и материалы

- Бабаянц 1892 – Бабаянц А.* Предания и легенды, записанные в городе Баку // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIII. Тифлис, 1892. С. 156–166.
- Башкирские 2015 – Башкирские исторические предания и легенды / авт.-сост. Ф. А. Надршина.* Уфа: Китап, 2015.
- Беларускі эпас 1959 – Беларускі эпас / под ред. П. Ф. Глебка, І. В. Гутарау.* Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1959.
- Беломорские 2002 – Беломорские старины и духовные стихи.* Собрание А. В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
- Исторические песни 2007 – Исторические песни / сост., вступит. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева.* М.: Русская книга, 2001 (Библиотека русского фольклора. Т. 7).
- Исторические песни XVII века 1966 – Исторические песни XVII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский и др.* М.; Л.: Наука, 1966.
- Исторические песни XVIII века 1971 – Исторические песни XVIII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов.* Л.: Наука, 1971.
- Карельское 1981 – Карельское народно-поэтическое творчество / подгот. и пер. текстов В. Я. Евсеева.* Л.: Наука, 1981.
- Легенды і паданні 1983 – Легенды і паданні / склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі; рэд. тома А. С. Фядосік.* Мінск: Навука і тэхніка, 1983.
- Летопись 1975 – Летопись Панцырного и Аверки // Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного.* М.: Наука, 1975.
- Малорусские 1876 – Малорусские народные предания и рассказы. Свод М. Драгоманова.* Киев: Типогр. М. Р. Фрица, 1876.
- Народная проза 1992 – Народная проза / сост., вступит. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева.* М.: Русская книга, 1992.
- Народный театр 1991 – Народный театр / сост., вступит. ст., подгот. текстов и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной.* М.: Сов. Россия, 1991 (Библиотека русского фольклора. Т. 10).
- Сказки 1989 – Сказки. Кн. 3: Социально-бытовые сказки / сост., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова.* М.: Советская Россия, 1989 (Библиотека русского фольклора. Т. 2).
- Смоленский 1891 – Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Ч. 1.* СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891.

Научная литература

- Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII – начала XVIII в. Уфа: Китап, 1993.
- Буганов А. В.* Исторические представления и самоидентификация русских Рязанского края // Русские Рязанского края / отв. ред. С. А. Иникова. М.: Индрик, 2009. С. 70–87.
- Буганов А. В.* Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013.
- Волкаў М.* Нясвіжскі замак у Вялікай Паўночнай вайне (1700–1721 гг.) // Вялікае княства Літоўскае і суседзі. Права, вайна, дыпламатыя. Зборнік навуковых прац / пад рэд. С. Ф. Сокала і А. М. Янушкевіча. Мінск: БІП Інстытут правазнаўства, 2012. С. 219–238.
- Гронский А.* Северная война в белорусской историографии 1993–2008 гг. Статья первая // Сайт «Западная Русь». 04.03.2016. <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1431-severnaya-vojna-v-belorusskoj-istoriografii-1993-2008-gg.html> (Дата обращения 4.11.2021).
- Гронский А. Д.* Конструирование образа белорусского национального героя из участника польского вос-

- стания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. XV. М., 2013. С. 189–208.
- Грушкин А. И. Петровская эпоха в фольклоре // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 150–156.
- Джанумов С. А., Райкова И. Н. Петр I и его время в русском песенном и прозаическом фольклоре // Традиционная культура: Научный альманах. 2021. Т. 22. № 3. С. 11–23.
- Дучыц Л. У., Клімковіч І. Я. Сакральная географія Беларусі. Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011.
- Зачем Пётр I разрушил главную святыню белорусов? // Яндекс.Дзен-канал «Мир истории». 26.09.2019. <https://dzen.ru/a/XYxQf8MeSQCxVi6m> (Дата обращения 10.03.2022)
- Катлярчук А. Швэды ў гісторыі і культуры беларусаў. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007.
- Краюшкина Т. В. Образ европейца в традиционном представлении русского народа (на материале пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем) // Филология и человек. 2017. № 4. С. 43–51.
- Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000.
- Новик Е. К., Качалов И. Л., Новик Н. Е. История Беларуси. С древнейших времен до 1910 г. Минск: Высшая школа, 2011.
- Побережников И. В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 31–40.
- Полчаева Ф. А. Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 4. С. 888–899.
- Путилов Б. Н. Пётр Великий – фольклорный герой // Пётр Великий в преданиях, легендах, сказках, песнях / сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Б. Н. Путилова. СПб.: Академический проект, 2000. С. 3–12.
- Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970.
- Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит. РАН, 2007.
- Трепавлов В. В. «Белый царь» и «Большой хозяин» // Родина. 2013. № 2. С. 38–41.
- Трепавлов В. В. Русский царь в нехристианских культурах Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 222–240.
- Трефилов Е. Н. Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2010.
- Хотеев А. О полоцких униатах и униатской мифологии. Как изготавливаются исторические пасквили // Электронное издание «Фонд стратегической культуры». 05.03.2019. <https://www.fondsk.ru/news/2019/03/05/o-polockih-uniatah-i-uniatskoj-mifologii-47724.html> (Дата обращения 10.03.2022).
- Цулая Г. В. Кавказские сказания о Петре I // Советская этнография. 1972. № 3. С. 134–138.
- Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967.
- Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012.
- Юрчук Л. А. Псковские предания об исторических лицах (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 75–83.

References

- Akmanov, I. G. 1993. *Bashkirskie vosstaniya XVII – nachala XVIII v.* [Bashkir uprisings of the 17th – early XVIII centuries]. Ufa: Kitap.
- Buganov, A.V. 2013. *Lichnosti i sobytiya istorii v massovom soznanii russkikh krest'yan XIX – nachala XX v.: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The individuals and events of history in the mass consciousness of the Russian peasants of the 19th-early XX centuries: historical and ethnographic research]. Moscow: Principle.
- Buganov, A.V. 2009. *Istoricheskie predstavleniya i samoidentifikatsiya russkikh Ryazanskogo kraja* [Historical representations and self-identification of the Russian Ryazan Territory]. In *Russkie Ryazanskogo kraja* [Russians of the Ryazan Territory], 70–87. Moscow: Indrik.
- Wolkov, M. 2012. *Nesvizhskii zamok v Velikoi Severnoi voine (1700–1721 gg.)* [Nasvizhski Zamak at the Wilde Pannykaya Vyne (1700 – 1721)]. In *Velikoe knyazhestvo Litovskoe i sosedi. Pravo, voina, diplomatiya. Sbornik nauchnykh rabot* [The Grand Duchy of Lithuania and the neighbors. Right, war, diplomacy. Collection of scientific papers], ed. by S. F. Sokol and A. M. Yanushkevich, 219–238. Minsk.
- Gronsky, A. *Severnaya voina v belorusskoi istoriografii 1993–2008 gg. Stat'ya pervaya* [Northern War in Belarusian

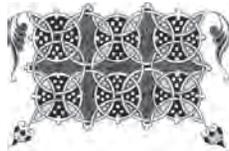
- historiography 1993–2008. Article one] // <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1431-severnaya-vjna-belorussoj-istoriografii-1993-2008-gg.html> (accessed 4.11.2021).
- Gronsky, A. D. 2013. Konstruirovaniye obraza belorussskogo natsional'nogo geroya iz uchastnika pol'skogo vosstaniya 1863–1864 gg. Vikentiya Konstantina Kalinovskogo [The design of the image of the Belarusian national hero from a participant in the Polish uprising of 1863–1864. Vikenty Konstantin Kalinovsky]. In *Russkii Sbornik: issledovaniya po istorii Rocsii* [Russian Collection: Studies on the history of the Rosia], ed. by O. R. Ayrapetov, M. Yovanovich, M. A. Kolrov, B. Menning, P. Chesti. Vol XV, 189–208. Moscow.
- Grushkin, A. I. 1941. Petrovskaya epokha v fol'klоре [Peter I era in folklore]. In *Istoriya russkoi literatury: v 10 t.* [History of Russian literature: in 10 vol.]. Vol III: Literatura XVIII veka [Literature of the XVIII century]. Part 1, 150–156. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941–1956.
- Dzhanumov, S.A. and I. N. Raikova. 2021. Petr I i ego vremya v russkom pesennom i prozaicheskome fol'klоре [Peter I and his time in Russian song and prose folklore]. *Traditsionnaya kul'tura: Nauchnyi al'manakh Vol. 22. №. 3:* 11–23.
- Duchyts, L. U. and I. Ya. Klimkovich. 2011. *Sakral'naya geografiya Belarusi* [Sacred geographer Belarusi]. Minsk.
- Krayushkina, T. V. 2017. Obraz evropeitsa v traditsionnom predstavlenii russkogo naroda (na materiale poslovits i pogovorok, sobrannykh V. I. Dalem) [The image of the European in the traditional representation of the Russian people (based on the material of proverbs and sayings collected by V.I. Dal)]. *Filologiya i chelovek* 4: 43–51.
- Lukin, P. V. 2000. *Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka* [Popular ideas about state power in Russia of the XVII century]. Moscow: Nauka.
- Novik, E.K., I. L. Kachalov and N. E. Novik. 2011. *Istoriya Belarusi. S drevneishikh vremen do 1910 g.* [The story of Belarus. From ancient times to 1910]. Minsk: Higher School.
- Poberezhnikov, I. V. 1994. Narodnaya monarkhicheskaya kontseptsiya na Urale (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [The folk monarchical concept in the Urals (XVIII - the first half of the XIX century)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 1: 31–40. Ekaterinburg.
- Polchaeva, F. A. 2020. Obraz Petra I v istoricheskoi pamyati naseleniya Dagestana [The image of Peter I in the historical memory of the population of Dagestan]. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, archeology and ethnography of the Caucasus]. Vol. 16. № 4, 888–899.
- Putilov, B. N. 2000. Petr Velikii – fol'klornyi geroi [Peter the Great is a folklore hero]. In *Petr Velikii v predaniyakh, legendakh, skazkakh, pesnyakh* [Peter the Great in the traditions, legends, fairy tales, songs], 3–12. Sankt-Petersburg: Akademicheskii proekt.
- Sokolova, V. K. 1970. *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian historical traditions]. Moscow: Nauka.
- Trepavlov, V. V. 2007. «Belyi tsar'»: obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. [«White Tsar»: the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the XV – XVIII centuries]. Moscow.
- Trepavlov, V. 2013. «Belyi tsar'» i «Bol'shoi khozyain» [«White Tsar» and «Big Master»]. *Rodina* 2: 38–41.
- Trepavlov, V. 2017. Russkii tsar' v nekhristianskikh kul'takh Rossiiskoi imperii [Russian Tsar in the non Christian cults of the Russian Empire]. *State, religion, church in Russia and abroad* 2: 222–240.
- Trefilov, E. N. 2010. Predstavleniya o tsarskoi vlasti uchastnikov narodnykh buntov petrovskogo vremeni [The ideas about the tsarist power of the participants of the folk riots of Peter's time]. PhD diss. abstract. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Khoteev, A. 2019. O polotskikh uniatakh i uniatskoi mifologii. Kak izgotovlyayutsya istoricheskie paskvili [About the Polotsk Uniates and the Uniate Mythology. How historical Pasquili are manufactured]. In *Elektronnoe izdanie «Fond strategicheskoi kul'tury»*. <https://www.fondsk.ru/news/2019/03/05/o-polockih-uniatacoj-mifologii-47724.html>
- Tsulaya, G. V. 1972. Kavkazskie skazaniya o Petre I [Caucasian legends about Peter I]. *Sovetskaya etnografiya* 3: 134–138.
- Chistov, K. V. 1967. *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the XVII–XIX centuries]. Moscow: Nauka.
- Shtyrkov, S. A. 2012. *Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest'yanskii narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoi Novgorodchiny)* [Tales about the foreign invasion: peasant narrative and mythology of the landscape (based on the materials of the North-East Novgorodchina)]. Sankt-Petersburg: Nauka.
- Yurchuk, L. A. 2015. Pskovskie predaniya ob istoricheskikh litsakh (po materialam fol'klornogo arkhiva PskovGU) [Pskov legends about historical persons (based on the materials of the folklore archive of PskovSU)]. In *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* 2: 75–83.

«From that time, Peter the Great began to reign and beat the enemies...»:
THE EMPEROR IN THE MIRROR OF FOLK HISTORICAL REPRESENTATIONS

Abstract. The article makes an attempt to consider popular historical ideas about Emperor Peter the Great. The author considers the perception of Peter I in the context of the traditional system of values, the ideal model of the tsar and the state that meets popular views. Many plots of folk history have analogies, which indicates constant and intense, in spite of any boundaries, relationships. The efforts of the monarch to build the empire, his struggle with internal and external enemies, the prohibitive price of Peter's modernization caused an ambiguous reaction in the picture of the world, found a response in historical consciousness, and received various grades. The development of Peter's creative and patriotic acts put forward development within the framework of a single statehood, but the events in the history of the peoples did not leave completely in oblivion in the history of the peoples.

Key words: Peter the Great, People's Historical Performances, Peasants, Ethnic Confessional Stereotypes, Traditions, Historical Songs.

For citation: Matveyev, O. V. 2022. «From that time, Peter the Great began to reign and beat the enemies...»: the emperor in the mirror of folk historical representations. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 31: 3–21.

© 2022 Н. Т. Энеева
Москва, Россия

КАРГОПОЛЬСКИЙ ЦИКЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА СЕРАФИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗВЕРЕВА

Аннотация. Статья посвящена вопросу о становлении главной темы творчества художника Серафима Александровича Зверева – сына священномученика Русской Православной Церкви XX в. протоиерея Александра Зверева и ученика и младшего друга великих русских художников – М. В. Нестерова и П. Д. Корина. Указывается на прямую связь религиозно-философского содержания пейзажной живописи С. А. Зверева с духовным опытом новомучеников и исповедников Российских XX в., а также с направлением «философского пейзажа» в русской живописи. Делается вывод о «над-мирном», сверх-эмоциональном содержании художественного реализма С. А. Зверева, сочетающего в себе глубокий патриотизм с религиозным, христианским переживанием и осмыслением истории XX в. В качестве приложения публикуются фрагменты дневника С. А. Зверева с уникальными записями его бесед с великими наставниками, а также письмо художника-реставратора М. С. Чураковой, содержащее профессиональный анализ творческого наследия С. А. Зверева.

Ключевые слова: русская религиозно-философская живопись, новомученики и исповедники Российские, призвание и общественное служение художника, П. Д. Корин, М. В. Нестеров.

Ссылка при цитировании: Энеева Н. Т. Каргопольский цикл в творчестве художника Серафима Александровича Зверева // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 22–33.

Энеева Наталья Тимуровна (Eneeva Natalia Timurovna) – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Центра по изучению истории религии и Церкви Института всеобщей истории Российской академии наук, специалист по истории русского православного зарубежья XX в., эл. почта: eneeva-nt@yandex.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 22–33

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 821.161; ББК – 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/22-33>

Серафим Александрович Зверев (1912–1978) – художник, сын священномученика протоиерея Александра Зверева, настоятеля московского храма святителя Николая Чудотворца в Звонарях, на Рождественке, всю свою жизнь вел дневниковые записи, в которых, в том числе, записывал свои беседы и впечатления от встреч со своими учителями – Михаилом Васильевичем Нестеровым и Павлом Дмитриевичем Кориным. Некоторые из этих записей мы предлагаем здесь читателю.

С. А. Зверев. Автопортрет. 1929 г.

Стремление быть художником появилось у Серафима Александровича с самого раннего детства и полностью определило всю его судьбу. Отчасти оно сформировалось под материнским влиянием: «Если отец рассказывал мне о силе и славе Русской Земли, – писал Серафим Александрович в своей творческой автобиографии, – о великих подвигах народа, защищавшего ее от врагов, то первый пристальный взгляд на природу и первое знакомство с искусством пришло ко мне от матери. Она не была художником-профессионалом, хотя и училась в Строгановском училище, но в свободное от работы время она любила писать этюды с натуры или, когда я был совсем маленьким, писать для меня небольшие сценки на темы русских сказок. Надо ли говорить, что я всегда стоял рядом, следил за каждым

движением кисти, упиваясь специфическим запахом макового масла, на котором в то время разжижались краски» (Зверев 1985: 10).

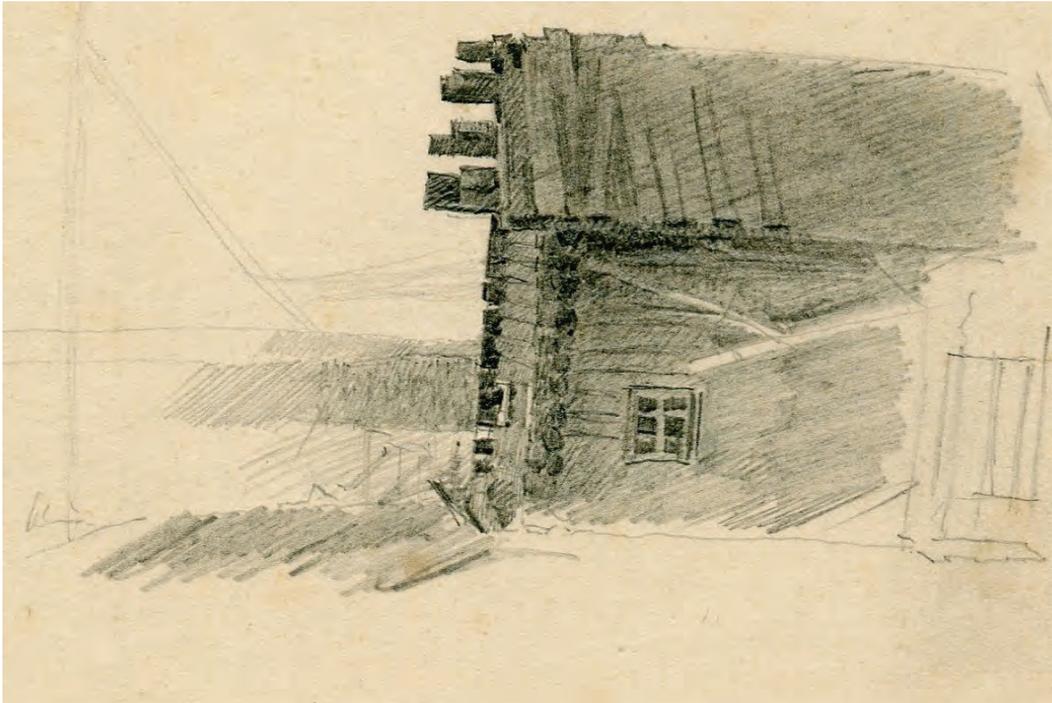
Серафим Александрович всю жизнь благоговейно хранил этюдник, на внутренней стенке которого сохранилась надпись: «Дорогому моему сыну Симе дарю свой старый ящик /то есть этюдник/. Желаю много, много работать и совершенствоваться с каждой картиной, с каждым этюдом. Может быть, много еще ящиков будет у тебя в жизни, но этот – мамин – береги на память. Твоя мама. 19 апреля 1926 г.».

С. А. Зверев. По дороге в Каргополь. Деревня Линово. 11 сентября 1933 г.

«Детские рисунки в школьные годы, – писал далее С. А. Зверев, – подталкиваемые и в какой-то мере направляемые рассматриванием монографий о М. В. Нестерове, В. А. Серове, И. Л. Левитане, вскоре обратили на себя внимание старших. Вставал и основной вопрос юношества: кем быть? А для меня он ставился иначе: могу ли я быть художником? Однажды отец мой сказал мне, что ответит на него Михаил Васильевич Нестеров, который согласен посмотреть мои работы» (Зверев 1985: 10).

Общение с М. В. Нестеровым было обусловлено тем, что Александр Александрович Зверев был духовником великого русского художника. В архиве семьи Зверевых сохранилась записка о. Александра к сыну, в которой упоминается об организации одной из встреч с М. В. Нестеровым: «Дорогой Сима!.. Мне передали, что М. В. Нестеров не прочь был бы повидаться со мною. У меня, к сожалению, на этой неделе точно свободен один вечер – в понедельник, т. е. завтра, а остальные вечера заняты. Если можно было бы съездить завтра, то я с удовольствием... В среду, на Василия Великого сослужу с митрополитом у Василия Кесарийского, на Тверской. Свободные часы будут от 12 до 5 в пятницу и субботу. Ты обсуди все и пришли ответ с Сережей или с дядей Ваней¹, который будет завтра служить всенощную... Храни тебя Господь»².

С. А. Зверев. По дороге в Каргополь. Деревня Рягово. 1933 г.

«Сейчас в Художественном училище учат не тому, что нужно, – сказал Нестеров при встрече о. Александру и его сыну. – Вряд ли стоит поступать туда. Лучше в трудных условиях учиться, чем потом всю жизнь переучиваться. Я знаю одного прекрасного рисовальщика, он дает уроки. Я поговорю с ним» (Зверев 1985: 10).

3 марта 1928 г. Михаил Васильевич писал о. Александру: «Я говорил с Павлом Дмитриевичем Кориным... он согласился заниматься с Вашим сыном... желательно, чтобы Ваш сын захватил с собой все работы, которые я видел, и показал ему в том порядке, как мне» (Зверев 1985: 10). И в 1929 г.: «Рад был узнать от Вас о том, что моя рекомендация себя оправдала, что руководство П. Д. заинтересовало Вашего сына и, видимо, наводит его на добрый путь в понимании основ рисования. Павел Дмитриевич также не раз говорил мне о Вашем сыне. Он доволен его успехами и вниманием, с которым тот относится к делу. А Павел Дмитриевич, я знаю, не очень щедр на похвалы» (Зверев 1985: 10).

Так М. В. Нестеров познакомил Серафима Зверева с П. Д. Кориным, взявшим на себя его обучение. Впоследствии Серафим Александрович стал не просто учеником, но и на протяжении 40 лет – преданным другом семьи Кориных.

О Павле Дмитриевиче С. А. Зверев писал: «Обаяние его личности, его высокое понимание задач искусства, высота нравственных идеалов, аске-

С. А. Зверев. Собор в Каргополе. 1933 г.

тизм, проверка себя лучшим, что создало мировое искусство, – все привлекало меня в нем. Жадно впитывала душа моя слова восторга перед величием человеческого духа». И далее: «Если моим не-

посредственным учителем был Павел Дмитриевич Корин, то общим руководителем и наставником считаю Михаила Васильевича Нестерова. С первых дней знакомства, в марте 1928 г., до дня его смерти (ноябрь 1942) я щедро пользовался его лаской, его вниманием ко мне. Этим двум незабвенным мною людям я обязан всем» (Зверев 1985: 10).

Учась у П. Д. Корина, С. А. Зверев продолжал носить свои работы Нестерову «на просмотр». Нестеров требовал не просто овладения языком искусства, но требовал «быть художником», что в его понимании означало «иметь что сказать». Сознание высочайшей ответственности, заключенной в слове «художник» (безотносительно прилагательных «хороший» или «плохой» – само слово «художник» уже определяет качество), и было, наверное, главным, что в профессиональном плане вынес Серафим Зверев из общения с Нестеровым и о чем он вспоминал и говорил потом всю жизнь. Искусство живописи понималось Нестеровым (как это и отмечает П. Д. Корин в беседах с С. А. Зверевым) близко к тому значению, которое имела в русской культуре предшествовавшего столетия великая русская литература, игравшая подчас роль проповеди и служившая выражению своего рода рефлексии народного самосознания о смысле жизни и духовном спасении всех и каждого отдельного человека. Этого же спасительного и спасающего слова – причем нового слова, не повторения уже кем-то сказанного – требовал Нестеров от «Художника».

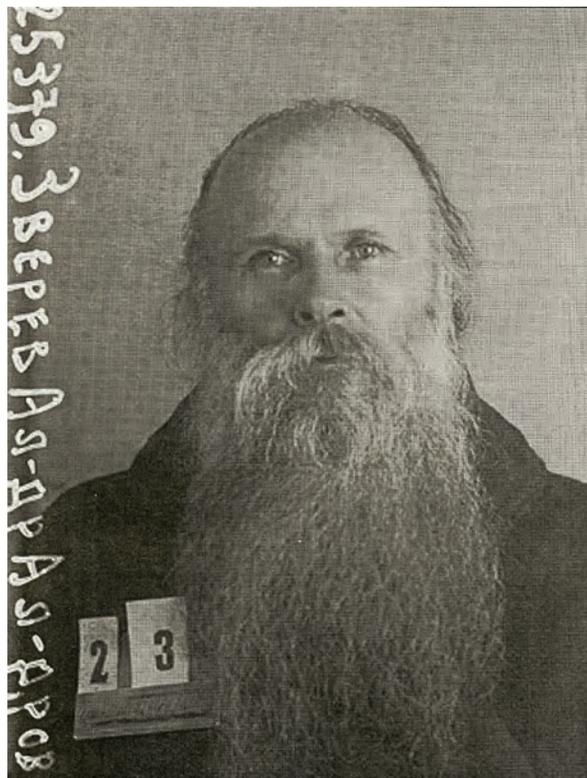

С. А. Зверев. Каргополь. 1933 г.

«Вы учитесь в искусстве говорить, хорошо учитесь, – говорил Нестеров Звереву “какими-то весомыми запоминающимися словами”, – но вы учитесь языку, а вот есть ли вам что сказать – я не знаю. Я научен грамоте. Гоголь тоже. Зная грамоту, как и я, Гоголь написал свой томик, да какой! А я просто грамотен и все. Так и Вы. Одной грамоты мало. Что у Вас за душою? Скажете ли Вы в искусстве новое слово – я не знаю. А ведь сказать новое слово в ис-

кусстве и есть задача художника» (Зверев 1985: 11).

Из публикуемых ниже дневниковых записей видно, какую, порой жесткую, критику пришлось пережить их автору. И на этом фоне тем более ярко виден момент «рождения художника» – появления этого нового слова, свидетельства нового общезначимого жизненного опыта, когда М. В. Нестеров начинает Зверева хвалить.

Священномученик протоиерей Александр Александрович Зверев перед ссылкой в Северный край. Бутырская тюрьма в Москве. Весна 1933 г.

В конце жизни Михаил Васильевич Нестеров в ответ на официальный запрос дал следующую оценку С. А. Звереву, заверенную печатью: «Художника Серафима Александровича Зверева я хорошо знаю. У него большая будущность. Работы его находятся в Государственной Третьяковской галерее на выставке лучших произведений советской живописи и приобретены для галереи. Им только что исполнен с натуры портрет Героя Советского Союза генерал-майора Т. Т. Хрюкина. Зверев исполняет по заказу Комитета по делам Искусств при СНК СССР ответственную копию с картины Сурикова “Боярыня Морозова”. Зверев может быть использован по его специальности как очень талантливый художник. ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ, АКАДЕМИК ЖИВОПИСИ Михаил НЕСТЕРОВ. 26 июня 1941 г.»³.

В своей автобиографии, написанной в 1970-х годах, описывая этот поворотный момент, Серафим Александрович не «договаривает» обстоятельств и событий, приведших к появлению «его темы» в живописи. Поворот в отношении М. В. Нестерова к работам Зверева произошел осенью 1933 г., после того как Серафим Александрович съездил в ссылку к отцу – в Северный край. Сосланный на три года, священник Александр Зверев жил под Каргополом в маленьком деревянном доме, фактически лишенный средств к существованию, зарабатывая время от времени тяжелым физическим трудом, переживая морозы, от которых, как он писал, «стынут и мысль, и душа» (Энеева 2003: 50).

Привезенные из поездки к отцу этюды положили начало собственной теме в творчестве Зверева, а с точки зрения М. В. Нестерова, дали право Серафиму Александровичу называться высоким именем «художник».

Вспоминая о разговоре с Нестеровым по поводу каргопольских этюдов, С. А. Зверев пишет: «С этого дня много хорошего и ободряющего слышал я от него. Помню, смотрит он целую серию этюдов моих. Отставляет один, размером в несколько квадратов. Об остальных говорит: “Вот Вы, юноша, а видите и чувствуете близко к тому, как видел и чувствовал Виктор Михайлович Васнецов, – это хорошо. Но только это я видел уже у Виктора Михайловича Васнецова – это плохо. А вот этого, – показывает он на один, отдельно поставленный этюд, – этого я не видел. И по настроению, и по форме такого я не видел – это Серафим Александрович Зверев. Вот отсюда и дальше. Вот – путь Ваш”» (Зверев 1985: 12).

Каков же этот путь и чем художественная тема Серафима Зверева отличалась от творчества его великих учителей? Тема, «настроение и форма» творчества Зверева стали выражением духовного опыта исповедничества, а впоследствии и мученичества, пережитого его отцом и сотнями тысяч священномучеников и новомучеников русской истории XX в. Духовный сын не только своего родного отца, бывшего духовником Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского), но и других великих старцев начала XX в. – старца Зосимовой пустыни преподобного Алексия (Соловьева), святого праведного о. Алексия Мечева, – безо всякой аффектации или «литературности» он рисовал родную землю, пережившую страшные страдания, как бы «напитанную» этими страданиями и, в то же время, заново освященную и просветленную новой подлинной святостью, подлинной христианской духовностью – верой, самопожертвованием, мужеством, преданностью воле Божией.

Михаил Васильевич Нестеров.
Фотография из архива Зверевых

Это, вероятно, и было тем мироощущением, которое Серафим Зверев почувствовал в своем отце после посещения его в ссылке и которое он сам пронес потом через всю свою жизнь. Также посетившая о. Александра в ссылке его духовная дочь позднее писала о своем впечатлении: «Удивительный внутренний свет и постоянная любовь ко Господу... была столь всепоглощающей, столь удивительной, какая может быть только действительно у преподобномученика и исповедника» (Подобедова 2001: 48). «Без всякой горечи, с глубокой верой, сосредоточенно и молитвенно... он был ровен, ласков... как бы опасаясь нарушить какое-то особое духовное состояние... и все земное мерилось для него иными мерами вечности» (Подобедова 2001: 42).

Приложение 1

Серафим Александрович Зверев
Дневниковые записи бесед с М. В. Нестеровым
и П. Д. Кориным
1929–1937 гг.

1. У Михаила Васильевича Нестерова

«Мало ли, что может случиться, благо он так настроен, – сказал папа, – тогда можно будет еще

раз съездить”. Мне, почему-то, не очень хотелось ехать, и я говорил, что стоит поехать тогда, когда я кончу второй рисунок, тем более что он лучше первого. “Ты съезди и узнай, дома ли он, и удобно ли сегодня к нему приехать”. Я поехал, и меня только тревожило, как я это сделаю.

С. А. Зверев. Северный домик
(дом священника). 1933 г.

Вот этот знакомый дом, лестница, квартира двенадцать. Я, с некоторой тревогой, стучу осторожно, еще раз. Кто-то, поднимаясь по лестнице, указал мне на шнурок звонка, и я вспомнил, что Михаил Васильевич говорил прошлый раз, что звонок приятно звонит, не нервнрует. Я дернул, и мне показалось, очень назойливо. “Михаил Васильевич дома?!? – спрашиваю. Вышла прислуга. – Можно мне его или кого-нибудь из них, повидать?”. “А как о вас сказать?”. “Скажите, от А. А. Зверева”. Через несколько времени: “Пройдите, он сейчас выйдет”, – сказал сын, и я вошел в комнату. Молодой человек вышел, и я не успел еще окинуть взглядом комнату, как щелкнула другая дверь и вышел Михаил Васильевич. “А, это вы? Здравствуйте, здравствуйте. Ну как, довольны ли вы Павлом Дмитриевичем? Он похваливает вас, похваливает; я знаю, он хвалить не любит?”. “Михаил Васильевич, папа спрашивает, можно сегодня к Вам приехать?”. – спрашиваю. “Что у нас сегодня? Пятница? Ну что, очень хорошо, и приезжайте”. “Так, как вы писали?”. “Ну да, часам к пяти. Ну а живописью вы не занимаетесь? Нет? Ну да это успеется. Что это у вас такой веселый вид?”. Я пролепетал что-то похожее на то, что у меня сейчас каникулы. “Летом делали что-нибудь?”. “Нет, мало, прямо стыдно показывать”. “Это ничего, вы все приносите, что сделали с тех пор, как я вас видел”. “Ну, до свидания, Михаил Васильевич, – говорю я, – простите, я Вас побеспокоил”. Жмет руку, ласково улыбается, сам идет запирает за мною дверь. Мне

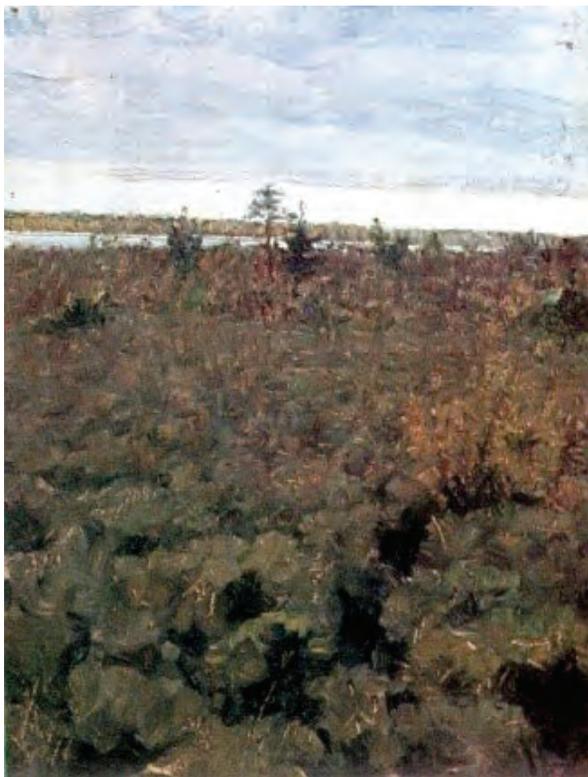
кажется, я ужасно долго копаюсь, надевая свои галоши, и становлюсь страшно неповоротлив. “Ну, а как ваши дела в этой другой вашей школе?”. “Ничего, Михаил Васильевич, слава Богу”. “Это хорошо, не надо упускать этого дела. Ведь сейчас ничего нельзя сказать – будете вы художником или нет. Ведь вы сейчас проходите за подготовительный класс, хорошо проходите, но ведь там еще много дела. Вы сейчас что работаете? Головы?”. Я что-то говорю в ответ. Еще раз прощаюсь. “Ну идите, идите, все приносите”, – и выходя, у меня перед глазами стоит его приветливо улыбающееся лицо, которое было у него, когда он запирает за мною дверь. Я мигом слетел с лестницы, хотелось плакать, и я, напевая, шел, а в голове неслись обрывки мыслей, и счастье буквально выпирало наружу» (приблизительно VII. 1929).

«14.V.1932 г. Вчера утром Михаил Васильевич: “Так вот, как делали, поскорей кончайте и сохраните, чтобы знать, как не нужно писать... Способов тысячи, только кроме вот этого... Это вот так кончайте и уберите, как образец того, как не надо писать – это вот вроде мне рассказывали, Шаляпин глядел, как другие исполняют, с кресел затем, чтобы самому так не сыграть – так вот и это. Кончайте поскорее, и чтобы в последний раз”».

«21.IV.1933 г. “Михаил Васильевич, можно Вам показать, я вот две работки притащил”. “Живописные? Ну давайте. Ну, это лучше, лучше, чем то, что я видал, шаг вперед, ни Бог весть какой, но шаг есть. Мурштровка-то Коринская вам на пользу пошла. Здесь пока восторгаться нечем, но настойчивость ваша дает себя знать... Я пока, нет, не вижу, не вижу этого”, – М. В. подвигал собранными в щепотку пальцами очки. – Делайте параллельно, может что и вытанцуется... Методов тысячи, тысячи, у каждого художника свой путь – все пути ведут в Рим, важен не метод, а что вы этим методом достигнули. И так можно писать, важно, что получится... Павлу Дмитриевичу показывали?”. “Да”. – “Ну что он сказал?”. “Говорит, так и делайте дальше”. “Скажите, как я на это дело смотрю, а так, он ведь ваш учитель. Это и художник большой, и безукоризненной честности человек – его слушать можно. Его во всем и слушайте, даже, пожалуй, больше, чем меня”. Серьезный, деловитый, М. В. стоял на пороге прихожей».

«1933 г., ноябрь. “А, ну, что принесли? Мне кто-то из братьев Кориных, нет – оба брата – говорили о ваших подвигах-то. Ну, пойдёмте...” М. В. сидит в кресле, перед ним стул, к спинке которого, на сидение, я ставлю свои писания, одно за другим. “Лучше, лучше... ну это вяло... лучше... вы сдвинулись с этой мертвой-то точки, так, черно, черно, но мотивисто, очень мотивисто, мотив выдерживаете хорошо”. “Это ничего, что я так скоро, сейчас все прогля-

дим, тогда по второму разу”. Показываю северные этюды и копию /головы с портрета П. Д. Корина кисти Нестерова/. Смотрим по второму разу. “Нет, шаг есть, есть, и большой шаг. Черно, черно немного, надо силу-то цветом брать. Вам бы надо цветы пописать, вот будет время, и попишите... Мотив вы почувствуете – домик-то звучит”.

С. А. Зверев. Северные этюды. 1933 г.

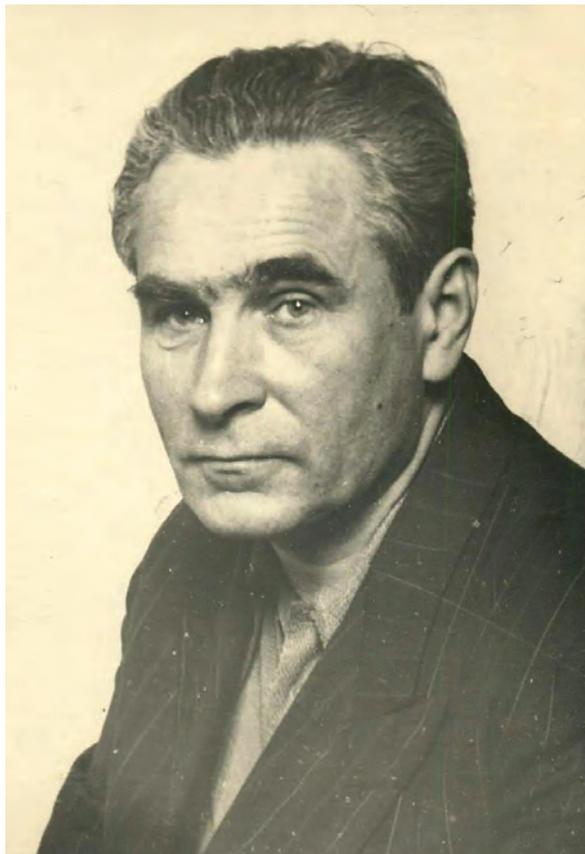
Смотрит копию с своего портрета П. Д. “Ну это да, только надо уж не Нестеровых копировать, а вот так же внимательно какого-нибудь большого живописца – в вашем музее (Музее Изящных Искусств) – это Павел Дмитриевич укажет”. Внимательно глядя на копию, несколько задумчиво: “Да, шаг есть и очень большой шаг. Вот что, сейчас я Екатерину Петровну позову, а вы ей в таком же порядке и покажите все”. Приходят вдвоем. Оживленно, ласково, словно мастер, у которого и сам я, и работы мои – результат труда его, который, окончив, теперь впервые показывает, он, чуть-чуть побаиваясь за него и чуть-чуть гордясь им. “Вот как у нас, извольте ли видеть, – это немножко черновато, зато мотивисто. А вот посмотри, какой мотив – безнадежность-то какая (кочки, вдалеке река).

Вот там природа-то какая, где Александр Александрович! А вот – мотив-то поет! (поле и ветряная мельница)”.

С. А. Зверев. Северные этюды. Мельница. 1933 г.

И так о каждом [этюде], который показываю я, и показывает сам под конец. “Ну вот что я вам скажу... впереди еще очень много дела. А жизнь-то ни Бог весть какая большая, себя очень-то не жалейте, – и прибавил, улыбаясь, – вот, славы-то достигнете, тогда уж отдохнете. Ну, а теперь я вам свои работы покажу...”».

Павел Дмитриевич Корин

II. У Павла Дмитриевича Корина

«23.11.1937 г. “Пожалуйста, Серафим. Берите этот стул и пойдемте! А я руки мыл, сейчас цветы поливал, устал даже!”. Сидим в саду, вечер, темнеет, луна парит. Рассказываю о том, как движутся этюды. “А Вы, если не выходит что, поглядите да на своих соседей, да не увлекайтесь дешевой красочностью. Поглядите Писсарро, Сислея, Моне, вот там подлинная красочность, а вся эта ультрамалинно-кобальтовая живопись ахровцев⁵ – не то!.. Надо благородство видеть. Вот у тех (Моне и др.) благородство-то какое. Они артисты в душе, и какая артистичность в вещах, и Левитан артист. И Третьяковку глядите. Ходите, глядите – там, здесь, Иванова поглядите, они помогут вам. А все эти “теории” – они для дураков и бездарностей дураками писаны. И Леонардо все эти теории для дураков писал, сам он им и не следовал никогда. Микеланджело никаких теорий не писал и не имел, он был практик, имел опыт, знал все дело, имел вдохновение – больше ничего и не надо. На Машковской выставке были? Вот поглядите, как не надо писать, – что бы ни писал, женский портрет, пейзаж ли... Ну ладно, пойдемте чай пить”».

«16.VII.1937 г. 3-ий день грунтуем втроем холст (он, Степан⁶ и я). Беспокойно очень. Сегодня утром после первой проклейки была опасность погубить холст. Пришлось бы натягивать новый и все начинать с начала. Вечером поздно вдвоем с ним. П. Д., держа в руках баночку, внимательно вглядывается в огромный холст и протирает кипятком нужные места.

С. А. Зверев. Этюд, сделанный во дворе домика, где жил о. Александр Зверев в ссылке. 1933 г.

“Говорят, – какие у Вас любопытные люди. Да... я вижу их такими... это уж мое, что я как-то вздергиваю натуру. Вот, Михаил Васильевич, большой художник, а он по-другому глядит – все мораль какую-то проводит. Это время другое. Он с какими-то литераторами там дружил. А я тут самого посажу – он у меня жить будет”.

В разговоре говорю, что будь другое время, он

сам другим бы был. (Ибо многое в нем – всего этого я не сказал ему, ибо не сумел бы сказать, но думается, что это так, – многое в нем от сути наших дней. И размах, и замыслы огромные, и героика, и какая-то активность, напряженность, действие духа – которыми он наделяет любого изображаемого им. Действие в жизни, воля, постоянные слова его: “Действуйте, Серафим! Ходите, глядите, в чем тут штука? Глядите, как надо писать, глядите, как не надо писать”, – на прощание, всегда: “Вот так и действуйте, Серафим!”. Его заповедь развития художника – о том, что всегда подобрать задачу – больше своих сил, колоссальным напряжением совладать с нею и, совладав, – ставить себе еще более сложную. “Обломали? Теперь от нее и дальше – вот тогда будет толк”.)

Помню, в разговоре как-то я какими-то наивными словами сказал, что о нем, зная его мало, можно думать неверно, и что, не видя вещей его, а лишь слыша о них, опять можно ошибочно судить и о нем, и о картине. И что ежели нет человека, который бы объяснил о нем, что он в действительности из себя представляет... А он, не особенно вслушиваясь в мои слова: “Вон, Алексей Максимович⁷ не раз говорил – не трогайте его, пусть пишет как пишет. Он художник, он сам знает, что ему надо. А Михаил Васильевич /Нестеров/ Эндельсону (начальнику из Всекохудожника⁸) часа полтора твердил, что если помешаете ему, не будет у нас больше ни «Хованщины», ни «Бориса Годунова»...”.

Я отвлекся, а начал я с того, что вечером, грунтуя холст, сказал Павлу Дмитриевичу, что живи он в другую эпоху, в другое время, он, может быть, не имел бы тех качеств, которыми теперь обладает как художник. “Уж не знаю, Серафим, не знаю. Вон я усыпальницу расписывал мальчишкой 24 лет⁹, и, знаете, удалось. Михаил Васильевич, помню, в таком восторге был. Вышла вот эдакая штука-то – трепет руки поднятой и как бы охватывающей что-то, трагизм в ней какой-то был. Под потолком, согнувшись, куда-то святители крадучись шли. Так что вон тогда еще была у меня эта штука-то. Так уж не знаю”.

«22/VIII.1937 г. Пришел помочь сдвинуть на чердаке ящик с известкой – лишняя тяжесть на потолке мастерской. Вечером за чаем. Уютно. Горит лампа не наверху, как всегда, а маленькая на столе с зеленым абажуром. Белая скатерть, розы в высоком стакане.

“Павел Дмитриевич, я хотел Вас спросить вот о чем, но сейчас не время, пожалуй, Вы устали и хватит ли у Вас терпения...”. “Ну, ну”. “Я вот что хотел спросить...”. “Господи, Серафим, – врывается Прасковья Тихоновна, – да говорите же, тянет, тянет...”.

И я говорю. Спрашиваю, что вот когда пишешь, то берешь отношения тонов и чувствуешь, что можешь взять, и берешь и ту силу тонов, ту яркость, какая, примерно, в натуре. Но вот замечаешь, что самый высокий тон (грубый пример – блеск чего-нибудь, небо в пейзаже) у тебя нет возможности взять. Не хватает красок. И вот тут надо ли пожертвовать правдою, верностью отношения этого высокого тона к, допустим, пяти остальным, верным по отношению друг ко другу тонам. Надо ли оставить этот шестой тон таким, какой он есть – неверным по отношению к остальным пяти тонам, верным между собой и верным в смысле силы и яркости по отношению к натуре, или надо, взяв шестой тон за основу, утмить соответственно все пять тонов, сделать их неверными в смысле силы – натуре, сделать темнее, чем в натуре, но зато иметь верное отношение между собой всех шести тонов.

Вот что я хотел спросить Павла Дмитриевича. Мне было нужно и интересно услышать ответ его и потому я боялся, что я плохо объясню ему, что надо мне, что он не дослушает меня, а, боясь, на редкость говорил плохо.

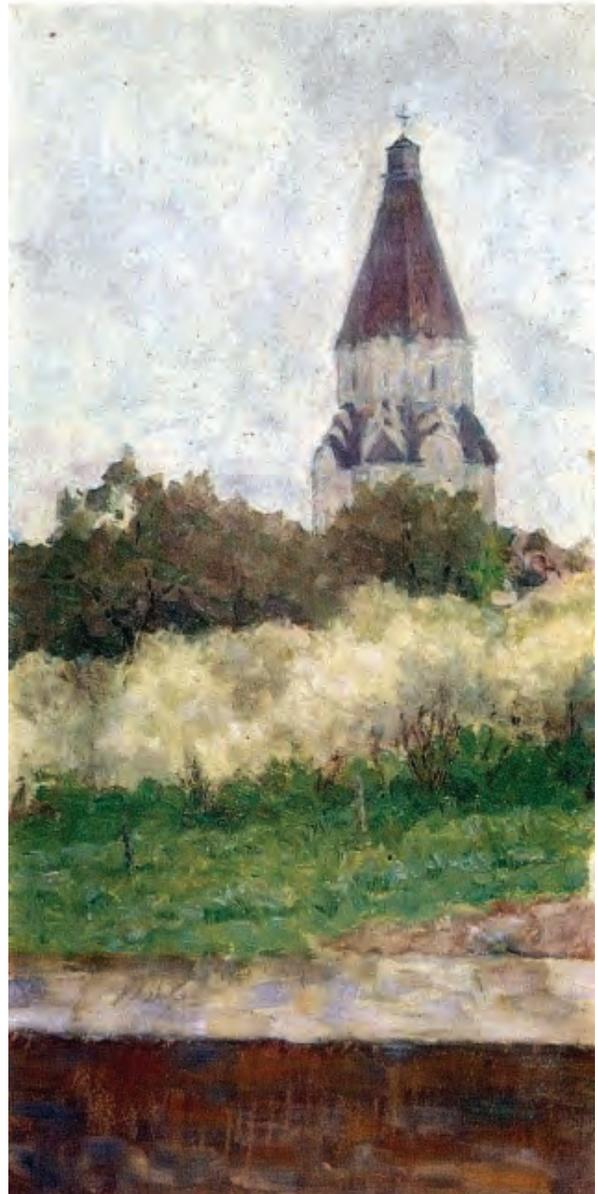

С. А. Зверев. Каргополь. Этюд. 1933 г.

– Мне кажется, Вы именно так пишете. Вы до тех пор всаживаете краску в холст, пока впечатление от природы и от холста, прищурив глаза, не будет равным.

– Я глаза никогда не щурю. Надо вот так глядеть, – показал он, широко раскрыв глаза. “Ну, не важно, ну не щуря...”

– А пишу я так: вот Михаил Васильевич, я видел, начинает, например, с волос, напишет их (тон, рисунок), потом переходит ко лбу и так дальше, дальше, подбородок, а потом только кое-что, чуть-чуть. А у меня как-то так: первые три, четыре дня пишу по всему густо, стараюсь, чтобы мазки по форме были, ну и рисунок тоже. Напитаю, питаю краской. Дня через три-четыре все это начинает густеть, вязнуть. Тогда я начинаю эти отдельные куски, бугры – соединять, кистью ли, а то и ладонью прямо. И уж смотрю на рисунок. Так что вот так. А насчет силы – конечно, стараюсь, чтобы посильнее было.

С. А. Зверев. Коломенское. Духов день.
Вторая половина 1930-х годов

– Мне это понятно, но это другое, это метод, я-то Вас не о том спрашиваю. Вот эта сила отношений... “Видите, Серафим, вы вот на Машковской выставке были – у него тоже есть сила, да-да, есть, он не бездарный человек; и возьмите Михаила Васильевича портреты – насколько он умнее как художник, какая во всем мера. Разные глаза, каждый видит по-разному, по-своему, но нужен какой-то художнический такт, который у Михаила Васильевича есть, а у Машкова – нет. Да что Машков, у Курбе часто нет этого такта. Мне пришлось раз видеть много его вещей, и в массе он не приятен, и сила есть, а нет чувства меры – и не хорошо. А в других вещах, где есть какой-то такт – наша музейная вещь

Похороны в Орнате – гениален. Какой-нибудь пейзаж у Рафаэля весь голубой какой-то в дымке, какая там сила? – а изумителен. Или у Сезанна, например, вы думаете у него так, как в натуре, а опять есть какой-то такт, какой-то талант – и это становится искусством”.

– Мне это очень понятно, Павел Дмитриевич, и вы не думайте, что я только об одних отношениях и думаю, я сейчас говорю только об отношениях по-

С. А. Зверев. Плесково. Поздняя осень. 1956 г.

тому, что вот столкнулся с ними. “Вот вы про розу – посади эту же самую розу на какой-нибудь умбристый фон – она пропадет, тут надо к красному вести дополнительные, что ли, какие тона (или как их там называют) – зеленый что ли. И опять, выкрась вы просто зеленым, одно дело, а если тот же зеленый разложите и каким-то вкусом – где темнее, где светлее, то та же роза заиграет”.

Рассказываю, что глядел многих и ответа не находил. Васильев¹⁰ – темнит храбро землю и все. Импрессионисты не темнят, но зато сила контраста отношений, по сравнению с натурой, у них не та – много бледнее, при всех достоинствах вкуса, такта и пр. У них, если можно так сказать, цветовое отношение, а глаза прищуришь – в натуре цвет изменится, но взаимоотношение основных масс ярко определяется (что светлее, что темнее). В их вещах этого нет. “Кого вы смотрели? Моне? Уж не знаю – Моне хороший художник”.

Разговор коснулся Крамского. “Он, наверное, умный, очень умный был человек, а не понимал вот эдакой штуки-то в искусстве. Видел он и итальянцев, а ничего они ему не дали”.

“Понимал, – заявляю я, но одного понимания-то мало, он пишет, что, мол, понятно то, что надо-то, и понятно, что нет у меня возможностей (природных) так, как надо, писать”. А Павел Дмитриевич вдруг среди разговора на другую тему: “Нет, ты мне хоть тысячу страниц напиши, что понимал, не поверю. Поглядишь, посмотришь на вещи – видишь – не понимал. Вот Иванов¹¹ понимал самую суть, дух Рафаэля”.

“Почему именно Рафаэля?”

“Почему Рафаэля-то?? – помолчав. – Да так, он (Иванов) к нему ближе всего по технике-то был”.

“Павел Дмитриевич, значит, на мой вопрос Вы мне отвечаете, что, мол, добивайся каких хочешь отношений, но только в меру, с тактом?”

“Да так, наверное, да ну вас... Вы вот что – вам надо писать больше, а то у вас рассуждения-то далеко ушли». И, провожая, в прихожей: “Ходите на Сурикова почаще, так-то вы его вряд ли когда еще увидите. Я сегодня целый день сидел, еще пойду. Вот он-то, чувствуешь, понимал и эпоху Возрождения, и Микеланджело, самый дух их, и не копировал его, а как-то претворил, применил это к своим вещам, эх, да что! Гениальный художник”».

«29/VII. 1937 г. Покрыли еще раз грунтом холст, не испортили. Холст хорош. За обедом... Павел Дмитриевич: “Вот вы говорите, *достоинство*, из мальчишек, ретушеров вышел в художники, удивительно. Павел Петрович Чистяков всегда рассказывал, что из их деревни с каким-то стариком в Питер много принесло ребят, а в *люди* вышел он, да вон, парикмахер напротив, только двое. Так и Крамской – он в люди вышел, а Василий Иванович Суриков не в люди, а в художники вышел, да еще в какие. Сам казак-то. Вот это действительно удивительно. Крамской хороший художник, но такие портретисты были, в Германии были, в Англии, а таких, как Суриков, пожалуй, не было там”».

«7/XI. 1937 г. Как-то еще летом спросил – почему у Сурикова, явно большого художника, некоторые хорошие вещи (портреты – “Сибирячка”, например) написаны такой неувлекательной, скупой, робкой и даже скучной манерой (робкие мазочки один к другому). Ведь думается, что большой художник, большой *темперамент*, обладающий большой любовью (у Сурикова где-то: “каждому колесу готов был в ноги поклониться – красота-то какая”), должен иметь *огненное исполнение*. Такое скучное исполнение удел плохих художников, вяло чувствующих. И не кажется ли поэтому, что, например, Малявин, по органическому природному дару – таланту – выше Сурикова (мне искренне так казалось).

Павел Дмитриевич ответил так: “Темперамент не есть талант. Если можете быстро писать – очень хорошо, а не можете – пишите медленно. А насчет Малявина? А вы сравните с Малявиным *Меньшикова*¹² или *Ермолову* Серова... В нем дешевка какая-то есть; а в Ермоловой-то – какое благородство”. – И как выразительно он произнес это. “А раз благородство, значит и таланта больше”.

Недавно: “Хотите Рембрандтов глядеть, у меня в мастерской пять штук стоит, едемте?”

Он сидит на стуле. Рядом, на каком-то ящике, я. Перед нами, дивно освещенные, лучат четыре Рембрандта. Тихо.

“Как тонко написано-то. За что не приняли его свои-то... голландцы. А все-таки какие-то были друзья, которые понимали его. Вот, сберегли его вещи, а то бы до нас не дошло. Наверное, большое наслаждение было для него писать, творить, творить по законам им сами для себя созданным”».

Приложение 2

Друг семьи Зверевых Мария Сергеевна Чуракова – представитель семьи замечательных художников-реставраторов, глава которой изображен на эскизе П. Корина к картине «Русь уходящая» («Отец и сын») – в одном из писем к Серафиму Александровичу назвала его работы «философским пейзажем». Письмо это мы приводим здесь полностью.

С. А. Зверев. Церковь Покрова на Нерли. 1969 г.

Письмо Марии Сергеевны Чураковой С. А. Звереву
16 окт. 1976 г. «Семхоз»

Дорогой Серафим!

Я все время хотела написать Вам письмо, но было много причин, мешающих мне это сделать. Но забудем этот интервал времени и вернемся к тому моменту, будто я только вышла из Ваших комнат. Я так ясно все помню, как будто это было вчера.

Мне понравилась больше та комната, которую мы первую осматривали. Этюды в ней смотрятся цельно, создавая одно единое впечатление художника-мастера пейзажиста, несущего определенный лирический строй. В ней только несколько этюдов, которые оставили меня равнодушной. Я не знаю, есть ли у Вас в Вашей мастерской еще подобные работы, чтобы поддержать их количественно и тем усилить общее впечатление. Впечатление от Ваших работ оставляет теплое чувство любви к тому, что Вы пишете. Я была не права, когда воскликнула про длинный пейзаж: «Это в духе П. Корина!» – нет! Это самостоятельное видение, но идущее в русле традиции русского пейзажа таких мастеров, как А. Иванов, Нестеров, Корин... в смысле мастерства, в смысле метода работы, но видение свое!¹³

Вы говорили о дописывании каких-то кусков, мест в некоторых этюдах, но мое мнение, конечно, мнение не живописца – не касаться! Созданная вещь с натуры неприкосновенна! В этом сыро написанном куске есть живость по отношению ко всему этюду. Как хорошо говорил В. А. Фаворский: «В гравюре нужны даже какие-то куски неинтересные, чтобы в целом она звучала интересно (от контраста того к другому)». Я замечала, что это правильно. Если есть время и силы, мне кажется, лучше: – «забывая заднее простираться вперед» (ап. Павел). Время ценно!

Мнение художественной комиссии я не разделяю относительно живописности. Они к каждому художнику подходят с меркой К. Коровина. А много ли таких?? (Если приложить ее даже к Нестерову – он не выдержит!!!.. Но мы ценим и любим его за другое! Он открыл нам «новое видение жизни!» И поэтому я рассматриваю картину или этюд как художественное произведение, открывающее мне

нечто новое, заражающее меня своим внутренним миром! Это может быть и в мире красок, графике, скульптуре. Очень хорошо говорит, правда, мелко, о пейзаже П. Флоренский в своей работе «Иконостас». Вы, наверное, помните это. (Он проследивает его развитие, начиная с иконной живописи, где пейзаж играет фоновую, второстепенную роль, и постепенно вырастает в главенствующее значение, самостоятельное. Иначе, изображать свою душу в образе пейзажа, или, иначе, пейзажем выразить свое душевное состояние.) Эти мысли о пейзаже можно уточнить, развить и говорить много, много, потому что пейзаж меня интересует как вид искусства, но письмом разговаривать нужно иметь досуг...

Если в первую комнату добавить из второй такие пейзажи, как «Дом священника», «Каргополь», «Сиреневая вырубка» и целый ряд других этюдов, которые мне тогда понравились, то мне кажется, что такое небольшое, сравнительно, зальце должно непременно войти в Золотой фонд Третьяковской Галереи. (Помните комнату Ф. Васильева!) Поэтому очень страшно думать продавать в Художественный Фонд этюды в розницу.

Я все-таки верю, что новое здание Третьяков-

ской Галереи будет отстроено и с помещением для хранения современного искусства положение улучшится. Меня всегда занимает мысль пейзажем выразить философские идеи. Этот момент можно найти, как мне кажется, в пейзажах Ф. Васильева, Саврасова, Пуссена и целого ряда других художников, только хотелось бы усилить!!! Из современных художников только что ушедший от нас Попков, между прочим, имел к этому поиск. (Помните его

картину «Девочки с прыгалками» в овраге и др. карт.) Есть еще ряд художников, которые ищут это, как мне кажется.

Желаю Вам сил и мужества в Вашем суровом и трудном положении! (Сильное дается – сильным!). Если Господь дает испытания, то дает и силы! Нужно верить!!!

С глубоким уважением к Вам
Маша Чуракова

Примечания

¹ Имеется в виду протоиерей Иоанн Березкин, супруга которого, Любовь Александровна, была родной сестрой о. Александра Зверева. Отец Иоанн служил вторым священником в храме Святителя Николая, что в Звонарях.

² Архив семьи священномученика протоиерея Александра Зверева.

³ Архив семьи священномученика протоиерея Александра Зверева.

⁴ В Архитектурной школе.

⁵ АХРР – Ассоциация Художников Революционной России.

⁶ Степан Сергеевич Чураков – «сын» на эскизе П. Д. Корина «Отец и сын» к картине «Русь уходящая».

⁷ Речь идет об А. М. Горьком.

⁸ Всероссийский кооператив художников, образованный 1928 г. как многопрофильная организация для материального обеспечения творческого процесса художников, скульпторов, графиков. Предшественник Художественного фонда СССР.

⁹ П. Д. Корин расписывал усыпальницу Марфо-Мариинской обители милосердия по заказу святой великомученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны в 1911 г.

¹⁰ Федор Васильев (1850–1873), великий русский пейзажист.

¹² Александр Иванов, автор картины «Явление Христа народу».

¹³ Имеется в виду картина В. И. Сурикова «Меньшиков в Березове».

¹³ Здесь и далее подчеркнуто автором письма в подлиннике.

Источники и материалы

Зверев С. А. Из автобиографии // Серафим Александрович Зверев. 1912–1979: Живопись, графика. Каталог выставки. М., 1985.

Подобедова О. И. Воспоминания об о. Александре Звереве. М., 2001.

Энеева Н. Т. Материалы к жизнеописанию священномученика протоиерея Александра Зверева – настоятеля храма святителя Николая, что в Звонарях // Традиции и современность. 2003. № 2. С. 41–51.

KARGOPOL CYCLE IN THE WORKS OF THE ARTIST SERAFIM ALEXANDROVICH ZVEREV

Abstract. The article is devoted to the formation of the main theme of the work of the artist Seraphim Alexandrovich Zverev – the son of the Hieromartyr of the Russian Orthodox Church of the twentieth century Archpriest Alexander Zverev and the student and younger friend of the great Russian artists – M. V. Nesterov and P. D. Korin. The direct connection of the religious and philosophical content of landscape painting by S. A. Zverev with the spiritual experience of the new martyrs and confessors of the Russian twentieth century, as well as with the direction of the «philosophical landscape» in Russian painting is indicated. The conclusion is made about the «supra-peaceful», super-emotional content of the artistic realism of S. A. Zverev, combining deep patriotism with religious, Christian experience and comprehension of the history of the twentieth century. As an appendix, fragments of S. A. Zverev's diary with unique records of his conversations with great mentors are published, as well as a letter from the artist-restorer M. S. Churakova containing a professional analysis of the creative heritage of S. A. Zverev.

Key words: Russian religious and philosophical painting, New Martyrs and Confessors of Russia, vocation and public service of the artist.

For citation: Eneeva, N. T. 2022. Kargopol cycle in the work of the artist Serafim Aleksandrovich Zverev. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 31: С. 22–33.

МОСКОВСКАЯ ОБЩИНА СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ «УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ» В ГОДЫ РУКОВОДСТВА КНЯГИНИ Н. Б. ШАХОВСКОЙ

Аннотация. Деятельность московской общины сестер милосердия «Утоли моя печали», как и многих других московских общин подобного рода, была уникальна, поскольку сочетала в себе несколько функций. Главными были дело милосердия и подготовка сестер, ухаживающих за нуждающимися в этом людьми. Вместе с тем здесь оказывался самый широкий спектр социальной и медицинской помощи: от ухода за «умалишенными», заботы о сиротах и престарелых до оказания помощи раненым воинам. Община была создана усилиями княгини Н. Б. Шаховской, одной из многих русских женщин-подвижниц этого времени, отдавших всю свою жизнь на служение страждущим, как к этому призывает Евангелие и христианская жизнь. В статье раскрываются сложные взаимоотношения общины с Российским Красным Крестом, а также нелегкий труд всех насельниц общины, включая и ее начальницу Н. Б. Шаховскую, которой приходилось постоянно искать оптимальный путь оказания помощи в условиях тяжелой борьбы с бедностью, отсутствием средств на развитие общины и многими неблагоприятными обстоятельствами жизни.

Ключевые слова: сестры милосердия, московская община «Утоли моя печали», подвижнический труд, княгиня Н. Б. Шаховская, Российское общество Красного Креста, медицинская и социальная помощь, мирное и военное время.

Ссылка при цитировании: Блохина Н. Н. Московская община сестер милосердия «Утоли моя печали» в годы руководства княгини Н. Б. Шаховской // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 34–48.

Блохина Наталья Николаевна (Blokhina Natalija Nikolaevna) – кандидат медицинских наук, эл. почта: chervyakow@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 34–48

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 929; 364.3; ББК – 60.93; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/34-48>

Во главе старейшей московской городской Александровской общины «Утоли моя печали» почти 40 лет, с 1868 по 1906 г., стояла замечательная русская сестра милосердия Наталья Борисовна Шаховская (1820–1906). Чтобы глубже понять, как формировалась ее личность, следует обратиться к ее детским годам. Семья Святополк-Четвертинских, в которой родилась и воспитывалась Наталья Борисовна, была одним из культурных центров Москвы.

Атмосфера, в которой росла Шаховская, сыграла положительную роль в формировании ее духовного мировоззрения. Круг высокообразованных людей, среди которых была и родная сестра матери В. Ф. Вяземская, жена известного русского поэта П. А. Вяземского. Вера Федоровна Вяземская, урожденная Гагарина, была тем человеком, которому судьба уготовила быть другом А. С. Пушкина, делившегося с ней важными обстоятельствами своей жизни: она была посвящена во все сложности его сватовства и брака с Н. Н. Гончаровой. Накануне своей последней роковой дуэли с Ж. Дантесом А. С. Пушкин приехал к В. Ф. Вяземской, что говорит о доверии, которое он к ней питал. Сохранились четыре приписки в письмах его к П. А. Вяземскому, где поэт называет ее «прекрасной, добрейшей... Душой прелестной великодушной “княгиней лебедушкой”».

Архивные данные убедительно свидетельствуют о том, что княгиня Н. Б. Шаховская в детстве испытала на себе благотворное влияние личности

известного врача Ф. П. Гааза, о котором она сама, будучи уже довольно пожилым человеком, так отзывалась в письме к А. Ф. Кони: «Ваше имя связано для меня с дорогими воспоминаниями... И еще больше с памятью о Ф. П. Гаазе, которого с детства знала, любила и почитала» (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3725. Л. 1–2).

В 1863 г. Н. Б. Шаховская потеряла мужа, ее дочь вышла замуж и уехала за границу. Она была уже в зрелых годах (43 года) и, чувствуя в себе призвание помогать ближним, нуждающимся, в том же году поступила на работу в Полицейскую больницу для бесприютных, организованную в 1844 г. в Малом Казенном переулке известным врачом-филантропом Ф. П. Гаазом.

В 1848 г. княгиня С. С. Щербатова вместе с Ф. П. Гаазом учредила при «Дамском комитете попечения о бедных» и руководимой ею Суцевской части Никольскую общину сестер милосердия – первую общину сестер милосердия в Москве. Представительницы этой общины работали в Полицейской общине с контингентом тяжелых больных. Чтобы проверить себя в непростых условиях ухода за больными, Н. Б. Шаховская решила создать общину сестер милосердия, детский приют для призрения и ухода за сиротами и женскую психиатрическую больницу для ухода за душевнобольными.

В 1867 г. Российская империя присоединилась к Международному Красному Кресту, а в 1868 г. родная сестра Н. Б. Шаховской Надежда Борисовна Трубецкая возглавила «Дамский комитет Москов-

Здания общины «Утоли моя печали» в Лефортово

ского отделения Российского общества попечения о раненых и больных воинах». В том же году она предложила Н. Б. Шаховской примкнуть вместе с общиной, ею утвержденной, к «Дамскому комитету».

Община сестер милосердия «Утоли моя печали» открылась в 1868 г. Первым скромным поприщем ее деятельности стала «Полицейская больница для бесприютных», основанная доктором Ф. П. Гаазом для бесприютных больных. Больница среди москвичей так и называлась – «Гаазовская». Это было убежище для больных, пострадавших от бедствий и нищеты, для людей разных сословий, разного пола и возраста; известная своими хирургами, терапевтами, психиатрическими палатами. Вот почему эта больница стала для молодой общины обширным полем приложения сил. Здесь сестры милосердия имели возможность приобретать навыки и опыт, необходимые для их деятельности.

Подвижнический труд сестер в «Полицейской больнице для бесприютных», образцовый уход за больными обратил на себя внимание медицинских кругов Москвы, и сестры милосердия из Полицейской больницы в силу необходимости стали приглашаться для ухода за больными в Военный госпиталь и в больницы для чернорабочих – Старо-Екатерининскую и Яузскую. Трудились они там безвозмездно.

Деятельность общины сестер милосердия «Утоли моя печали» неуклонно расширялась, росла и потребность в увеличении числа сестер. Заказы на сестринскую помощь шли из частных домов, из больниц других городов России, с связи с чем увеличивались расходы на содержание общины. Было решено обратиться за помощью к благотворителям, сочувствующим подобной деятельности. Считается, что княгиня Н. Б. Шаховская располагала достаточными личными средствами (Козловцева 2010: 45, 194). Но их было недостаточно, поэтому решили организовать сбор пожертвований. Была выпущена брошюра, разъясняющая цели сбора, его мотивы. Называлась брошюра «Копеечный сбор на устройство дома для сестер милосердия “Утоления печали” и при них приюта для неизлечимых» (М., 1871). В ней отмечалось: «Каждого, кому Всевышний сохранил дорогое любимое существо, неусыпным и сердобольным трудом спасенное от смерти; каждого, кто в сердце хранит святую память о существе почившем; каждого, просто сочувствующего делу человеколюбия, мы призывали принять участие в наших трудах – деле, ни для кого не чуждом, – и прийти на помощь как страждущим, так и тем, которые трудятся для страждущих. Помощь, о которой мы взываем, всякому по силе, и пусть приношения считаются не рублями, а копейками. Кто из нас от мала до велика, от богача до бедняка – не в

состоянии отдавать на дело милосердия и человеколюбия по одной копейке в день?»

Пусть ребенок с ранних лет приучается сострадать и помогать бедствию ближнего, уделяя посильную лепту из своих карманных денег, пусть молодой человек, молодая девица, среди радостей и увеселений светской жизни вспомнят о страдающих братьях и отдадут им едва заметную долю своего излишка; пусть и честный труженик, испытанный жизнью, сам знавший горе и нужду, протянет руку помощи одинокому страдальцу, лишенному величайшего блага жизни – возможности самому о себе заботиться... Господь наш Иисус Христос, вещавший, что не лишится мзды своей даже тот, кто напоит жаждущего чашею воды студеной, да зародит в добродушивых сердцах желание исполнить Его святую заповедь и да благословит дело, начатое во имя пресвятой Матери Его “Утоления печали”».

Хотя уже в названии книги прямо указывалось, для чего нужен назначенный копеечный сбор, но и в тексте еще раз отмечено: «Копеечный сбор назначается на составление капитала для устройства дома для сестер милосердия “Утоления печали” и при нем убежища для бесприютных больных, выключаемых из больниц по неизлечимости и остающихся без крова и без хлеба».

Руководил сбором пожертвований Комитет, «из членов обоего пола». Члены Комитета получали 10 сборных книжек, из которых одну оставляли у себя, остальные 9 передавали знакомым, с тем чтобы придать этому сбору частный характер. В течение месяца лица, получившие книжки, начинают именоваться сотрудниками и сотрудницами. Каждый член комитета, равно как и сотрудник и сотрудница, обязан привлечь по своей книжке 20 подписчиков, и с этой целью в каждой книжке находятся 20 отдельных счетов для подписчиков. Подписка принимается по 1 коп. в день или по 30 коп. в месяц, так что обязательный взнос каждого подписчика в год составляет 3 руб. 60 коп. Сотрудники и сотрудницы, получавшие сборные книжки, передавали собранные ими деньги каждые 3 месяца (максимум через 6 месяцев) тому члену комитета, от которого получили книжку. Сотрудник, собрав деньги по всем десяти книжкам, сдавал всю сумму Комитету (Копеечный сбор 1871: 9). Комитет под председательством начальницы общины собирался два раза в год, в мае и в ноябре, для заслушивания отчета о копеечном сборе за истекшее полугодие (Копеечный сбор 1871: 9).

Община занималась лечебной специализированной помощью населению. В общинной больнице были хирургическое, терапевтическое, неврологическое и гинекологическое отделения. К консультативной и лечебной работе привлекались известные

врачи – профессора А. А. Остроумов, А. А. Бобров, Г. И. Россолимо, И. А. Вофф.

В 1874 г. Н. Б. Шаховская смогла приступить к строительству трехэтажного основного больничного здания с домовою церковью на втором этаже, освященной в 1875 г. во имя иконы «Утоли моя печали». Позднее на первом этаже появился храм святого благоверного князя Александра Невского, в память покровителя общины Александра II. В 1875 г. больничный корпус принял первых больных, а вскоре в нем начали действовать специализированные отделения. Община, имея общие корни с Полицейской больницей для бесприютных (Александровской), где было психиатрическое отделение, решила организовать и в Лефортове свое психиатрическое отделение.

Для заведования приютом для душевнобольных в Александровской общине сестер милосердия «Утоли моя печали» и для устройства будущей земской психиатрической колонии для душевнобольных управою были приглашены Павел Иванович Якобий, доктор медицины, член Медико-психиатрического Парижского Общества и психиатрической секции Мадридской Королевской Академии, ассистент профессора Гризенгера, и Александр Николаевич Толоконников, заведующий психиатрическим отделением Ярославской губернской земской больницы, ординатор психиатрического отделения Александровской больницы. В отчетном документе значилось: «Определили считать зачисленными на службу земства доктора медицины П. И. Якобий и врача А. Н. Толоконникова с 21 декабря сего года с производством жалованья первому три тысячи рублей в год, а второму тысячу двести рублей и триста рублей квартирных в год» (ЦГАМ. Ф. 184. Оп. 5. Д. 66. Л. 24).

Княгиня Н. Б. Шаховская в 1874 г. пишет А. К. Баумгартену, который возглавлял в то время «Общество попечения о раненых и больных воинах»: «Многоуважаемый Александр Карлович! Убедившись в Вашем живом сочувствии к делу, поглощающему всю жизнь мою, утомленная трудом, приходящим к концу, т. е. постройкою дома призрения неизлечимо больных, вот то желание, которое ныне беру на себя смелость выразить Вашему Превосходительству и осуществление которого сочту наградой и поощрением для себя, как и для всех тех, которые в этой благотворительной постройке приняли участие в августе месяце. В каких числах еще не знаю, ожидают в Москве приезда Государя Императора с наследником цесаревичем; смею ли я уповать на счастье, что Государю императору с Августейшим Его Сыном благоугодно будет осчастливить меня и сирот моих посещением Общины «Утоли моя печали» и при ней выстроившегося в Москве первого

дома призрения неизлечимо больных. Здание Общины и дома призрения на Госпитальной площади против Военного госпиталя и постройка не может не обратить на себя всеобщее внимание – она скрасила всю площадь.

Посещение Общины «Утоли моя печали» и дома призрения неизлечимо параличных Его Имп. Величеством, Государем императором и наследником Цесаревичем упрочило бы навсегда их будущность; Москва дорожит Царем своим и Августейшим Его Сыном, и куда направит Царь стопы свои, туда польются жертвоприношения. Буду ли я когда-либо иметь счастье и Вас видеть у себя? Тогда без слов поймете вы, что дело мое свыше благословенно. Если угодно будет Богу осуществить мое желание, а Вам Ваше Превосходительство пособить возможности его осуществления, то буду покорнейше просить Вас сообщить, если могу я питать надежду на это высокое посещение, и в таком случае готовиться к нему. Начальница Общины «Утоли моя печали» кн. Н. Шаховская» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 10. 3 июля 1874 г.).

Настоятельница общины «Утоли моя печали»
княгиня Н. Б. Шаховская

Письмо князя Долгорукого стало причиной того, что председатель Главного Управления «Общества попечения о раненых и больных воинах» вынужден был поставить перед княгиней Н. Б. Шаховской как начальницей общины вопросы, касающиеся вещей хотя и формальных, но имеющих важное значение. Завязалась переписка, свидетельствующая о том, как непросто было существовать общине, решая самые разные задачи в делах милосердия, опеки, медицинской помощи и самых разных проблем социального характера. Княгиня отвечала на вопросы, заданные ей генерал-адъютантом А. К. Баумгартеном, и отвечала весьма достойно.

Руководство Москвы было в курсе всех дел общины, о чем свидетельствует переписка (январь–март 1875 г.) генерал-губернатора г. Москвы В. А. Долгорукого с А. К. Баумгартеном, в которой шла речь о несоответствии формы одежды общинниц принятым стандартам. В письме от 29 января говорилось: «В воскресенье 26 января происходило посвящение семи сестер милосердия Общины “Утоли моя печали”. Во время этого торжества сестры милосердия были одеты в черные платья и на голове имели белые платки, вроде тех, коими монахини покрывают голову, шею и грудь, называя их апостольниками. Начальница же Общины княгиня Наталия Борисовна Шаховская была одета в черную шелковую рясу и на голове имела белый кашемировый апостольник. Так как подобная одежда не соответствует Высочайше утвержденным образцам одеяния для Сестер Милосердия Красного Креста, то я имею честь довести о сем до сведения Вашего Превосходительства. Примите уверения в совершенном почтении и глубокой преданности. Князь Владимир Долгоруков» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 10–10 об.). На эти замечания княгиня Шаховская отвечала так (из ее письма Баумгартену от 29 января 1875 г.): «Милостивый Государь Александр Карлович! Община сестер милосердия “Утоли моя печали” руководствуется уставом, который был для нее утвержден в 1871 г., т. е. до установления общей формы одежды для Сестер милосердия Красного Креста, определяя в подробности устройство общины “Утоли моя печали”, устав оной не включает в себе никаких указаний относительно формы одежды сестер милосердия. В виду я имею честь представить на рассмотрение Главного Управления: не признает ли оно полезным дополнить названный выше устав указанием, что в отношении формы одежды Сестры милосердия Общины “Утоли моя печали” руководствуются образцами, Высочайше утвержденными для Сестер Красного Креста» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 11).

Так как Община «Утоли моя печали» имела свой устав, свою форму одежды, свой крест и свои осо-

бые учреждения, не входящие в круг деятельности «Общества попечения о раненых и больных воинах» (Детский приют¹ для мальчиков и девочек и больницу для неизлечимо больных), то она считалась независимой от упомянутого выше «Общества». Подобно тому, как Крестовоздвиженская община в мирное время действовала совершенно самостоятельно, но в военное время со своими сестрами милосердия входила в состав «Общества попечения о раненых и больных воинах». Данное решение было принято Главным Управлением «Общества».

Община «Утоли моя печали» по вопросам ведения финансовой отчетности, отчисления сумм в свой запасной капитал и отчислений в Главное Управление не руководствовалась Уставом «Общества попечения о раненых и больных воинах». Тогда как на основании того же Устава она обязана была все свои представления делать только через местное Управление этого «Общества».

Из всего вышеизложенного видно, что Община «Утоли моя печали», составляя в мирное время общину совершенно самостоятельную со своим уставом, со своей формой одежды и со своими подведомственными учреждениями, входила в состав «Общества попечения о раненых и больных воинах» только в военное время. Поэтому в ее Уставе должно было быть оговорено, как и в Уставе Крестовоздвиженской общины, что в военное время она предоставляет всех своих сестер «Обществу попечения о раненых и больных воинах» (они поступали в полное распоряжение Главного уполномоченного «Общества» для службы как в местных лазаретах, так и в военно-временных госпиталях, учреждаемых в тылу армии). «Подобная зависимость от Главноуполномоченного Общества должна быть непременно введена, так как вся частная благотворительная помощь в военное время должна быть сосредоточена в руках одного лица, а именно Главноуполномоченного “Общества попечения о раненых и больных воинах”. Баумгартен» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 18–18 об.).

Княгиня Шаховская в ответе чиновнику перечислила самые важные достижения общины и выразила удивление, что созданная ею Община удаляется из «Общества попечения о раненых и больных воинах», ей было больно это слышать. Письмо датировано 24 мая 1875 г.: «Цель Общины с первого дня ее существования была одна: служить всеми силами, способностями и средствами благу Обществу, возлюбленному царю и Отчизне, идя рука об руку с “Обществом попечения о раненых и больных воинах”, надеясь в нем найти покровительство, защиту и опору в тяжком подвиге служения страждущему человечеству, в военное время на поле брани, в мирное – в госпиталях, больницах, тюрьмах, од-

ним словом всюду, где обитают скорбь, болезни и печали. Устав Общины гласил, что Община должна содержаться на средства “Московского Дамского Комитета раненых”, но Община за этой материальной помощью не обращалась к Комитету, не желая ослаблять его сил и поддерживалась донныне собственными средствами своей учредительницы, единогласно избранной всем Московским Дамским Комитетом в лице начальницы Общины “Утоли моя печали”, в сем звании высочайше утвержденной Ея Имп. Величеством Августейшей Покровительницей “Общества попечения о раненых и больных воинах”. Главное Управление, поручив Вашему Превосходительству заявить мне: По причине того, что Община “Утоли моя печали” имеет свой Устав, свой Крест, свою форму одежды и свои учреждения, не входящие в круг его деятельности, как-то: детский приют для мальчиков и девочек и больницу для неизлечимо больных, – на этом основании и не может оно (главное управление. – Н. Б.) иначе относиться к Общине, как к учреждению независимо от “Общества попечения о раненых и больных воинах”. На эти пункты незаслуженных обвинений нашего ревностного служения человечеству и Отчизне в мирное время позвольте мне почтеннейше просить Ваше Превосходительство, как председателя Главного Управления “Общества попечения о раненых и больных воинах”, направить внимание Главного Управления Общества и пояснить ему: 1) Что “Устав” Общины “Утоли моя печали” утвержден был в 1871 г. Министером внутренних дел, по представлению бывшего в то время председателя Главного Управления – Министра А. А. Зеленого; 2) Крест Общины “Утоли моя печали” утвержден был тем же Уставом; 3) Что оформление одежды, т. е. о цвете коричневом или черном, не было упомянуто в Уставе до [времени]; 4) Что касается до учреждений Общины “Утоли моя печали”, то она, никак не забывая, что война с ее ужасами и страданиями послужила побудительной причиной ее собственного основания, на случай войны пожелала иметь готовность не только своих сестер милосердия, но и фельдшеров и фельдшерниц из рассадника своих питомцев, призревая с этою целью остающихся в больницах и госпиталях сирот, вверенных их умирающими родителями сердобольному попечению сестер Общины, что Вашему Превосходительству известно уже было давно из всех Отчетов Общества; 5) Больница неизлечимо больных, уже как клиника, постоянно открытая науке, зимой и летом, приготовляет поступающих в Общину сестер и детей к правильному, практическому и человеколюбивому уходу за больными и ранеными. За это ли святое дело милосердия, как исполнение моих обетов, добровольно и по уставу произнесенных

при посвящении: *служить Отчизне равно в военное как в мирное время, не щадя ни жизни, ни средств (собственных)*, Главное Управление Общества признало необходимым: выключить Московскую Общину “Утоли моя печали” из состава “Общества попечения о раненых и больных воинах”? И признало... что Община “Утоли моя печали”, как по ведению отчетности, так и по отчислению сумм в свой запасный капитал и в Главное Управление, не руководствуется Уставом Общества? [А значит] И не входит ни в какое сношение со своим местным начальством, тогда как на основании Устава Общества она обязана все свои представления делать не иначе как через местное управление» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 18–18 об.).

«На эти последние пункты обвинений я позволю себе почтительнейше ответить Вашему Превосходительству, что: а) По ведению отчетности и отчислению сумм в свой запасной капитал и в Главное Управление, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство из представленного мною отчета указать мне, из каких сумм должна я делать это отчисление? б) Членские взносы всецело вносятся в Московский Дамский Комитет, где они капитализируются, из этих членских взносов община не получает ничего на свое содержание; в) Представления Общины, деланные ею чрез управление, неоднократно оставались без последствий и ответа. Из заявления Вашего Превосходительства убеждаюсь, что Московское местное управление, не озаботившееся за 7 лет существования Общины взглянуть даже на ее помещение, – введено в заблуждение на счет действий Общины, а потому покорнейше прошу Ваше Превосходительство проверить [сведения об общине]² “Утоли моя печали”, назначив члена Комитета Главного Управления Общества для сего исследования. По деятельности сестер милосердия в Московском Военном госпитале можно за сведениями обратиться к Главному Военно-Медицинскому Инспектору тайному советнику Козлову, отзывом которого дорожит Община. [А также] – к попечителям и главным докторам Московских больниц, пользующихся постоянным сердобольным служением сестер, для точного и верного определения ими пользы, приносимой всюду Сестрами Общины “Утоли моя печали”. Отзывы всех близко ознакомившихся с неутомимой деятельностью общины, надеюсь, утвердят за нею право считаться учреждением, хотя бы небезполезным при Главном Управлении “Общества попечения о раненых и больных воинах”» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 24–24 об., 26).

«Владея собственностью, оцененной Московской Городской оценочной комиссией суммой выше 450 000 руб., удалось заслужить доверие Московской Городской Думы, обеспечивающей больницу

Н. Б. Шаховская с сестрами около умершей от холеры сестры милосердия

Общины платую размером в 23 000 руб. на содержание 110 больных из бедного городского населения и 50 постелей. Община «Утоли моя печали» [будет рассматривать себя как резерв для «Общества попечения о раненых и больных воинах» в случае начала военных действий]. Считая Общину «Утоли моя печали» [резервом], [по обоюдному согласию с городом], развивая с каждым годом все шире сердобольную деятельность, Община «Утоли моя печали» далеко не ожидала получить за 7 лет труженического служения своего – приговора, выраженного ей заявлением, переданным мне Вашим Превосходительством. С чувством моего к Вам глубокого уважения и таковой же признательности, остаюсь Вашего Превосходительства всегда покорной. Начальница общины Наталия Шаховская» (РГВИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 23. Л. 27).

Переписка на этом не закончилась. Баумгартен прислал пояснение княгине о том, что претензии к общине носят формальный характер, речь не идет о ревизии всей деятельности подведомственного ей учреждения: «Милостивая Государыня княгиня Наталия Борисовна! Письмо Вашего Сиятельства от 27 мая сего года за № 64 я имел честь доложить Главному Управлению 3 сего июня, которое постановило выразить Вашему Сиятельству свое совершенное почтение и уверить вместе с тем, что оно никак не желало умалить почтенную деятельность Общины «Утоли моя печали». Имея, однако ж, в виду кру-

заний наших учреждений, а также определенные для них права и обязанности, Главное Управление не считает себя в праве отступить от §§ 83–93 действующего Устава... а между тем устав Общины «Утоли моя печали» резко расходится с этими началами и служит основанием в различии взглядов на дело, направленное по своему существу к одной цели и требующее прежде всего единства действий и направления, согласно «Уставу» Общества Выс. утв. 1 февраля 1873 г., как руководство для сестер органов общества. На этом основании Главное Управление признает необходимым, чтобы устав общины «Утоли моя печали» был согласован с вышеупомянутым уставом Общества, как с последним законодательным постановлением. Баумгартен» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 29).

Такой откровенный ответ явно успокоил княгиню Шаховскую, главным для нее было сочувствие А. К. Баумгартена делу, которому она посвятила всю свою жизнь. Она пишет новое письмо уже в более доверительном тоне, хотя и с чувством большой тревоги: «... вся энергия во мне убита, видя, что столько жертв и, подчас, неимоверного труда, все старание и стремление к возвышенной цели, все даром гибнет. В прошлые годы отчет подавала я также, прямо чрез Ваше Превосходительство; в отчетах этих не скрывала своих действий. Прямо говорила о детском приюте, о больнице неизлечимых и неоднократно за все действия свои получала

поощрение. В благодарности, выраженной мне чрез Ваше посредство Ея Имп. Величеством прошлого года, получила вдвойне выраженную благодарность Августейшей покровительницей Общества – мне и особо Общине. Нынешний же год за окончание всего начатого и усовершенствованного, получившим лишь от Главного Управления порицания и совершенную готовность исключить Общину “Утоли моя печали” из учреждений “Комитета раненых”, а представленный мной отчет... отосланным обратно» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 35).

Из других документов, касающихся деятельности общины, становится очевидным вполне доброжелательное отношение начальства; так, принятие устава общины подводит итог утверждению ее юридического и общественного статуса. Два приводимых ниже документа указывают на это. Это письмо из медицинского департамента и принятие устава.

В письме от лица медицинского департамента от 12 августа 1876 г. говорилось: «Милостивый государь Александр Карлович! Медицинский Совет, по выслушании отношения Вашего Превосходительства от 30 минувшего июля о разрешении, впредь до утверждения проекта Устава больницы Московской общины сестер милосердия “Утоли моя печали”, учреждаемой кн. Н. Б. Шаховской, принимать в эту больницу психических больных, – не встретил со своей стороны препятствий к удовлетворению сего ходатайства». Подписал документ министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев.

В уставе общины фиксировались широкие компетенции общины, возможность работать с разными категориями больных.

«§ 1. Больница Общины сестер милосердия “Утоли моя печали” учреждена начальницей Общины кн. Н. Б. Шаховской и состоит в ведении Московского Дамского комитета “Общества попечения о больных и раненых воинах”.

§ 2. Основная цель больницы: прием больных неизлечимых, с болезнями психическими и соматическими, что, однако, не исключает и прием больных излечимых.

§ 3. Больница находится под Управлением Совета, состоящего из начальницы Общины сестер милосердия, как председательницы, попечительницы... Общины и Директора больницы.

§ 4. Больница Общины “Утоли моя печали” помещается в Москве, на Госпитальной площади, Лефортовской части 4 квартала, в домах княгини Шаховской. По внутреннему своему устройству она должна удовлетворять всем современным требованиям медицинской науки. В ней находится операционная, часовня, соответственное число ванн и ватер-клозетов. Вентиляция и отопление устроены по системе Вермана.

§ 5. При больнице, внутри здания, находится церковь с штатным причтом.

§ 6. Число кроватей в больнице 200, из коих 50, на случай войны, предоставляются “Обществом попечения о больных и раненых воинах”.

§ 7. Заведение имеет вывеску: больница неизлечимо больных, Московская община сестер милосердия, равно печать с изображением креста и надписью своего наименования.

§ 8. В отделениях для умалишенных, как в женском, так и в мужском, спокойные больные на день собираются в больших залах, где находятся для их занятий и развлечений разные журналы, игры и рукоделия.

§ 9. Директором больницы должен быть врач; он заведует медицинской частью управления больницы. В случае надобности он приглашает одного или двух врачей себе в помощники, доводя о том до сведения медицинского Управления, а для консультации – специалистов по душевным болезням и прочим отраслям медицины.

§ 12. За больными ходят сестры милосердия, в случаях необходимости, при мужском отделении, они заменяются мужской наемной прислугой. В больницу принимаются больные обоюбого пола.

§ 19. Плата больных, помещенных в больницу Общины, полагается для неизлечимых соматических от 250 руб. в год, излечимых 25 руб. в месяц и за умалишенных от 50 руб. в месяц. Больница состоит под надзором Московского Врачебного Управления, которому представляются годовые отчеты о состоянии больницы, а равно сведения о больных, требуемые 1 примечанием к статье 39 и 936 Устава Врачебного. Том XIII Свода Законов, издания 1857 г.

Подписал за Директора Медицинского департамента Н. Розов».

25 июля 1876 г., в разгар сербско-турецкой войны, был отправлен в Сербию для оказания помощи раненым санитарный эшелон. В нем было 58 лиц медицинского персонала: из них 24 сестры милосердия общины «Утоли моя печали» во главе с начальницей Н. Б. Шаховской и 15 сестер милосердия той же общины, но экипированные на средства Славянского Благотворительного Общества и организованные в самостоятельный отряд под управлением П. И. Николаева, председателя Владимирской Губернской земской Управы.

При прибытии в Белград уполномоченным В. Токаревым 9 сестер милосердия были отправлены в Топчидер, а остальным 15 сестрам от Славянского комитета, возглавляемым княгиней Н. Б. Шаховской, дано предписание отправляться далее в глубь страны, ближе к театру военных действий, где они соединялись с Харьковским санитарным отрядом в Парачине. Это случилось 6 августа.

Относясь добросовестно к порученному делу при срочной эвакуации раненых в Белград из Парачина на 150 подводах с 15 сестрами милосердия и 2 врачами, Н. Б. Шаховская со своей близкой помощницей и единомышленницей Е. Г. Бушман, врачом Кехером объехали покинутые села и эвакуированные пункты, чтобы лично убедиться, что ни один раненый не оставлен. В своих поисках они очутились под Джуниксом, на близком расстоянии от театра военных действий. К счастью, все обошлось благополучно. Тогда же Шаховскую наградили орденом Большого Креста Иакова, а Е. Г. Бушман – золотой медалью «За храбрость».

Московская община сестер милосердия «Утоли моя печали», возглавляемая княгиней Н. Б. Шаховской, участвовала и в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции, и менее чем через месяц, 10 мая, княгиня Н. Б. Шаховская была вызвана председателем Красного Креста генералом Баумгартеном на место военных действий, в Дунайскую армию. Община сестер милосердия «Утоли моя печали» смогла снарядить и отправить на театр военных действий три отряда, общим числом 118 сестер милосердия. Сестры оказались на высоте своего призвания: воины получали от них первую медицинскую помощь, они трудились как на перевязочных пунктах, так и во временных военных госпиталях. Наплыв раненых был достаточно высок, что значительно превышало силы небольшого их контингента. Были лишения и бессонные ночи, временами работа до истощения сил. Не обошлось без потерь, община потеряла шестерых своих сестер милосердия. Уже в мае 1877 г. на базе своего лечебного заведения Община развернула временный госпиталь на 300 коек. До сентября 1878 г. помощь оказали 3700 раненым воинам.

Княгиня Надежда Трубецкая старалась помочь своей сестре Н. Б. Шаховской. Сохранился свидетельствующий об этом архивный документ: «О пособии общине сестер милосердия “Утоли моя печали” 12 декабря 1879 – 14 сентября 1880»: «Московский Дамский комитет» считает своей обязанностью присоединиться к ходатайству кн. Н. Б. Шаховской и в виду несомненных высоких заслуг Общины и больницы на пользу страждущему человечеству, просить о скорейшей выдаче пособия 10 000 руб. крайне необходимого ввиду неотложности срочных платежей в Кредитное общество, отложенных ныне, по особому хозяйству, окончательно до 15 января 1880 г. Председательница Московского Дамского Комитета кн. Надежда Трубецкая» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 17 об.). В ответ на ходатайство пришел ответ от местного управления Российского общества Красного Креста (РОКК)

в Москве (14 января 1880 г.). Председатель Управления РОКК в Москве кн. В. А. Долгоруков писал: «Что же касается до денежной субсидии общине от Общества Красного Креста, Московское Местное Управление не имеет никакой возможности оказать эту помощь из своих сумм ввиду ассигнования 115 000 рублей на устройство Отдела сестер Красного Креста, школы фельдшерниц и больницы при ней. Председатель генерал-адъютант кн. Долгоруков» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 72).

Н. Б. Шаховская пишет А. К. Баумгартену, что община испытывает трудности и нуждается в помощи: «В заседании Главного Управления от 13 мая 1880 г. № 2579, в котором постановлено было, не утверждая представленный “Московским Дамским Комитетом” проект нового положения Общины “Утоли моя печали”, Вашим Высокопревосходительством предложено было мне ходатайствовать об устройстве Общины, как учреждению самостоятельному, преследующим однородные цели с Красным Крестом, но под ведением Министерства Внутренних дел. Притом ввиду оказанной общиной заслуги в минувшую войну и проявляющую ее в настоящем и будущем, Главное Управление возлагает на себя обязанность столь лестную для нее поддержать мое ходатайство.

В настоящее время, столь тяжелое для огромного учреждения, стоящего так долго без всякой поддержки, я обращаюсь к Вашему Превосходительству, убедительно прося поддержать мое ходатайство пред Министром Внутренних дел» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 172). 6 сентября 1880 г. Н. Б. Шаховская отправила А. К. Баумгартену еще одно письмо, рисуя причины трудностей общинной жизни: «На днях собираюсь обратно в Петербург хлопотать и просить нового Министра Внутренних дел графа Лорис-Меликова об утверждении моего злосчастного устава, так как положение общины становится невыносимым без всякой поддержки» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. Л. 170).

Очевидно, все эти личные усилия княгини Шаховской, а также помощь людей, к которым она обращалась, оказались не напрасными, общину взял под свою опеку сам император Александр II. Это произошло в 1881 г., после чего община была переименована в Александровскую. Гибель императора в том же году заставила княгиню обратиться в Синод с просьбой разрешить ей построить в общине храм для молитвенного поминовения покойного государя. В прошении говорилось: «В Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич учрежденную мною Общину удостоил чести принять под свое непосредственное покровительство, наименовать ее “Александровскою” в память Его незабвенного имени. Желая, со своей стороны, до-

стойно выразить мое благоговение к памяти столь Великого Покровителя и Благодетеля, я положила, со всеми почетными членами Общины, устроить для вечного поминовения в Бозе почившего Государя посвященный имени Святого Благоверного Великого князя Александра Невского предельный храм. Место для храма сего уже приготовлено и очень удобное, оно находится внизу существующей при Общине Церкви во имя Божьей Матери “Утоли моя печали”, почему покорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство благословить наше пламенное желание – разрешить устроить храм на указанном месте, сие прошение утвердить Архиепископскою резолюцией сентября 18 дня 1881 г. К сему прошению Начальница Александровской Общины княгиня Наталия Борисовна Шаховская руку приложила» (ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 452. Д. 3. Л. 1).

Получив разрешение, она начала строить церковь. Новый статус общины открыл для нее и новые возможности для более широкой социальной и педагогической деятельности, то есть по-настоящему миссионерской деятельности.

Социально-педагогическая работа в общине сестер милосердия становилась возможной только при подготовке необходимых педагогических кадров. Поэтому в 1879 г. при общине «Утоли моя печали» было открыто женское училище для подготовки городских и сельских учительниц.

В структуре общины был приют для детей, первоначально для мальчиков и девочек, а затем только для девочек. Детский приют был постоянным местом приложения сил, кропотливого труда сестер. Воспитанники были предметом гордости сестер милосердия. Детей в приюте содержали до 18 лет, после чего их определяли в городские учебные заведения, на работу или на лечение в специальную больницу. Отдельным пунктом общинных трудов считалась помощь заключенным. Понять специфику этой опеки помогает следующий документ. Княгиня Шаховская в письме к генерал-губернатору Москвы В. А. Долгорукову пишет о деталях этой деятельности: «Милостивый Государь князь Владимир Андреевич! Ввиду существующих в настоящем время переговоров Вашего Сиятельства с Министерством Внутренних Дел об устройстве в Москве взамен существующей – новой тюремной больницы – позволяю себе обратить внимание Вашего Сиятельства на новое не занятое больничное помещение заведомой мною Александровской общины сестер милосердия “Утоли моя печали”. Какое помещение могло бы, по совмещенным им в себе условиям, более всех других находящихся в Москве больниц соответствовать своеобразным требованиям тюремной больницы. Условия эти нижеследующие:

Удаленность больничного здания от центра города к Лефортовской окраине, каковое условие, будучи вообще одним из благоприятнейших в гигиеническом отношении, для помещения больных является в данном случае отвечающим специальным потребностям тюремного больничного здания.

Изолированное положение зданий общины, соприкасающихся лишь самую незначительную частью занимаемого ими строительного квартала с именитыми владениями – что представляет весьма существенное условие для облегчения необходимого при тюремной больнице внешнего надзора за помещением.

Фундаментальность и прочность больничных построек, окруженных каменной оградой и совмещающих в себе все необходимые больничные приспособления, которые в случае состоявшегося по сему предмету соглашения могут быть дополнены сообразно специальным надобностям тюремною помощью, устройством в окнах тюремных решеток.

Стройность внутреннего порядка в ведении большого дела администрацией общины, знакомой с условиями этого дела и опытной в ведении его, благодаря долговременной практике при ежегодно открывавшихся Московскою Городскою Думою в помещении больницы общины, как в военное, так и в мирное время, отделений для городских больных.

Сердобольный уход сестер милосердия, наиболее отвечающий своеобразным условиям тюремно-больничной обстановки ввиду семилетней практической работы в мужской и женской тюремных больницах С.-Петербургского Литовского тюремного замка, с порядками которого они хорошо знакомы.

Две находящиеся особо в нижнем и среднем этажах помещения больницы церкви, в которых почти ежедневно совершается литургия, что при несомненно благотворном нравственном влиянии на заключенных – совмещает в себе существенное удобство для присутствия больных во время богослужения, так как не представляется надобности переходить с занимаемых ими этажей, ввиду того, что в палатах верхнего этажа устроены открывающиеся в церковь окна.

По табели, составленной тюремным комитетом относительно содержания каждой койки по цене 65 копеек в день, – оное может быть принято общиной несмотря на трудность выполнения подобного обязательства, при существующей дороговизне припасов; но для больных община в настоящее время может предположить помещение до 200 коек, в последующем же непродолжительном времени число это при содействии Вашего Сиятельства может быть увеличено свыше 300-т.

Представляя все вышеуказанное вниманию Вашего Сиятельства, община представляет своему высокочтимому почетному президенту решающее слово, твердо зная, что многолетнее служение Ваше в высших административных должностях, опытность, могучее влияние во всем, соответствующем пользе государственной, и столь чтимая всюю Москвою благотворительность Ваша, служат порукой, что дело Общины будет в верных руках.

С глубочайшим почтением и таковой же преданностью остаюсь Вашего Сиятельства покорная слуга Княгиня Наталия Шаховская. Декабрь 15. 1882 года» (ЦГАМ. Ф.16. Оп.26. Д. 857. Л. 240–241).

Как видим, община могла сочетать порой несочетаемые вещи: помощь детям, больным и престарелым с помощью заключенным. Всё дело было лишь в правильной организации этой помощи. Такой широкий подход открывал и широкие перспективы для деятельности. Община расширяет площади своего присутствия в Москве. Весной 1899 г. княгиня Шаховская ходатайствовала перед Министром государственных имуществ об отводе общине подмосковного земельного участка из казенных дач. Выбор остановился на Львовской Лесной даче при селе и станции Пушкино Московско-Ярославской железной дороге.

5 июля 1899 г. в день празднования памяти преподобного Сергия император Николай II подписал бумаги о передаче общине из Львовской дачи 48 десятин, а 7 августа 1899 г. новое владение получило название «Царь-Дар». Таким образом, община получила в подарок загородный дом под Москвой в Пушкино, для отдыха воспитанников и выздоравливающих из лечебных заведений общины. Забота о кадрах заставила открыть в общине новое четырехклассное женское (для девочек) училище, выпускницы которого в дальнейшем пополняли уходящих из жизни или на покой старейших сестер милосердия, наглядно демонстрируя преемственность поколений. Училище было широко известно своей подготовкой образованных сестер милосердия, поскольку среди воспитанниц были девочки, чьи родители способны были платить в год за обучение от 50 до 200 руб. в зависимости от пансиона. Аттестация учениц производилась в шестнадцатилетнем возрасте.

Командировки были непременной частью жизни общины. Так, в 1873 г. некоторые сестры милосердия были командированы в Петербург: одну из них направили в женскую тюремную больницу, трех – в Коломенскую часть, двух – в Рождественскую часть, для ухода за арестантами в течение 7 месяцев. Сестра Е. А. Рудольская была назначена воспитательницей при Санкт-Петербургском тюремном приюте госпожи Абаза и трудилась здесь

9 лет. По просьбе президента Санкт-Петербургского комитета Литовского замка генерал-адъютанта князя Кропоткина четыре сестры командировались в том же году в мужское больничное отделение Литовского замка, в котором сестер милосердия не бывало никогда и где они оставались 7 лет.

Подводя итоги первому десятилетию существования общины, в печати были высказаны следующие слова: «Сестры самым лучшим образом заявили себя в городской Полицейской больнице, в Военном госпитале, в тюремной больнице Литовского замка, в Полицейских петербургских тюрьмах и в частных домах» (Ведомости 1881: 1).

Общинные пути сестер милосердия были неисповедимы! 25 мая 1875 г. жителей г. Моршанска постигло несчастье – их родной город почти полностью был уничтожен пожаром. Как только было получено известие об этом бедствии, императрица Мария Александровна вызвала к себе председателя Главного Управления генерал-адъютанта А. К. Бумгартена и пожелала, чтобы Общество Красного Креста приняло самое близкое и непосредственное участие в помощи людям, оказавшимся в беде. «Правительственный Вестник» и циркуляры, разосланные во все учреждения Общества, сообщили о решении императрицы Марии Александровны.

В краткие сроки были собраны пожертвования на сумму около 36 000 руб. Главноуполномоченный Общества Красного Креста А. А. Половцев, посланный на место пожара, объединил свою деятельность с уже проводившейся работой местного комитета Красного Креста (помимо регулярно производимой помощи в виде денежных пособий), в результате чего в городе немедленно приступили к устройству уничтоженной пожаром больницы, приходского училища и дешевых квартир, в которых особенно нуждались погорельцы. В общей сложности на помощь погорельцам Моршанска было потрачено 82 663 руб.

Сестры милосердия Российского Общества Красного Креста не остались в стороне. Несколько сестер милосердия общины с ее начальницей княгиней Н. Б. Шаховской прибыли в Моршанск, где к ним присоединились сестры милосердия Тамбовской общины Красного Креста. Вместе они оказывали значительную помощь жителям, прежде всего это касалось медицинской помощи людям при ушибах и ожогах (Федоров, Боцяновский 1896: 80).

При этом, если мы обратимся к документам финансового характера самой общины, то увидим, что ей самой в материальном плане все время приходилось жить очень непросто. В начале 1886 г., в связи с затруднительным финансовым положением, Н. Б. Шаховская обратилась «со Всепопданейшим ходатайством» о даровании общине ежегодного

определенного от казны пособия или особого капитала, проценты с которого могли бы обеспечить существование состоящей при общине больницы и предоставить тем возможность уменьшить плату за лечение до нормы городских больниц. В этом ходатайстве княгиня Н. Б. Шаховская объясняла, что «материальное положение общины крайне стеснительно. Ибо община, не имея своего капитала, существует исключительно скудными, за последнее время, частными пожертвованиями, а между тем содержание состоящей при общине больницы на 200 кроватей, ввиду определенной Уставом высокой платы за лечение по 25 рублей в месяц с обыкновенных больных и по 50 рублей с душевнобольных, не окупается взимаемою с больных платою, так как все кровати больницы, за исключением отделения душевнобольных, остаются незанятыми».

Недостаток средств общины, по словам Н. Б. Шаховской, объяснялся еще и значительными расходами на уплату процентов местному Кредитному Обществу на занятый капитал под залог строений общины, а также задействованием значительных финансовых средств на повседневное содержание общинных сестер милосердия. Ввиду того, что с 1886 г. дело общественного призрения в Москве передавалось в заведование местного городского общественного управления, княгине Шаховской было рекомендовано обратиться в Городскую думу, которая занималась вопросами пособий подобного рода, например, такое пособие стало выдаваться Московской епархиальной Владычно-Покровской общине сестер милосердия.

Вопрос о финансовой помощи для общины стоял очень остро, княгиня Шаховская в прошении к генерал-губернатору В. А. Долгорукому писала даже о возможной публичной распродаже недвижимого имущества общины, необходимой для выплаты долга Кредитному обществу. Она ходатайствует о предоставлении общине ежегодной уплаты лежащих в этом учреждении повинностей по примеру некоторых других общин, пользующихся ежегодными субсидиями.

Генерал-адъютант Рихтер, пытаясь помочь общине сестер милосердия «Утоли моя печали», старался сделать все от него зависящее, чтобы было удовлетворено предложение княгини Шаховской о принятии общины Московским Общественным Управлением под свое покровительство, с отпуском общине ежегодной субсидии на уплату числящихся за ее имуществом налогов. Но Дума отклонила запрос. Ответ Московскому генерал-губернатору (как ходатаю от лица общины) от Московской Городской Думы был непреклонным и твердым: «Ходатайство Александровской Общины сестер милосердия о назначении ежегодной субсидии в размере 12 000 руб.

отклонить. Городской голова Н. Алексеев» (ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 85. Л. 7). Для княгини Н. Б. Шаховской это был сильный удар, ей было больно и горько, она очень рассчитывала на положительный ответ.

В отчете за 1887–1888 гг. в связи с вышеуказанными событиями было подчеркнуто, что Община ввиду своих скудных средств волей-неволей должна брать на излечение больных с более или менее значительной платой, так как они составляли единственный ресурс ее существования, ввиду увеличивающейся с каждым годом неаккуратности денежных поступлений по обязательствам почетных членов и старшин. В числе попечителей общины было немало лиц, забывших по тем или иным причинам о взятых на себя обязательствах. Они упорно отмалчивались в ответ на призывы о помощи, вследствие чего Община вынуждена была исключать их из числа своих официальных благодетелей.

По этим или иным причинам, но постепенно главным для общины становится миссия служения душевнобольным, поскольку многие душевнобольные не находили себе приюта в других местах, по недостатку больниц такого рода или из-за слишком высокой платы, установленной в этих заведениях.

Княгиня Н. Б. Шаховская, несмотря на финансовые тяготы, старалась привлекать к работе в общине профессиональных врачей, и ее заведение постепенно становилось известным в Москве. Доктор П. А. Архангельский 5 ноября 1886 г. сделал доклад Московскому Губернскому земскому Собранию о том, что дело оказания медицинской помощи психическим больным находится в крайне тяжелом положении, поэтому собранный Московским Городским Головой Н. А. Алексеевым полумиллионный капитал постарались в самый короткий срок направить на устройство Городской психиатрической больницы на Канатчиковой даче.

Община постаралась снижением платы за лечение до возможного минимума и открытием бесплатных помещений пойти навстречу потребностям москвичей, и в первый же год психиатрическая больница получила самые положительные отзывы о том, какой замечательный уход за больными обеспечивают здесь знающие и опытные сестры милосердия. Результаты лечебной деятельности были высоки, репутация больницы со временем стала образцовой. В аттестационных документах отмечалось, что больница Александровской общины представляет собою образцовое заведение в смысле соблюдения всех требований гигиены. Управлялась она, согласно § 58 Высочайше утвержденного устава Общины, Особым Советом, состоящим из начальницы Общины княгини Н. Б. Шаховской, помощницы ее Е. Г. Бушман и директора больницы Д. А.

Корсакова. В последнее время для пользования в больницу принимались исключительно психические больные.

К больнице неоднократно обращались за помощью Московское Городское управление и Московское губернское земство. Так, уже в 1890 г. Московское Губернское Земство, стараясь разрешить вопрос о призрении душевнобольных, обратилось в Совет Общины с просьбой принять 50 человек с платою по 25 руб. в месяц за каждого.

В 1887 г. Н. Б. Шаховская смогла привлечь к работе больницы в качестве директора психиатрической больницы Д. А. Корсакова, который смог предложить следующие нововведения: обить мягкой обивкой помещения для пребывания буйных больных, помещения отделить от взоров прохожих палисадником, усилить надзор за передачей спиртных напитков. Умершего в 1894 г. доктора Д. А. Корсакова сменил врач-психиатр, ранее работавший в Преображенской больнице, Г. Н. Рагозин. В 1891 г. душевнобольные от Московского земства, находящиеся в двухэтажном больничном флигеле, были вверены под наблюдение опытным сестрам милосердия под руководством врача, назначенного от земства психиатра Толоконникова. Лечение душевнобольных здесь происходило до 23 января 1893 г., когда земские больные были переведены в подготовленную для этих целей Губернским земством собственную больницу в с. Покровское-Мещерское.

Специализируясь на этом роде болезней, община чувствовала общественный запрос жителей Москвы на помощь в этой области медицины. Об этом говорит и такой факт: в недельный срок жителями Москвы был собран полумиллионный капитал на нужды помощи душевнобольным. Главная задача их лечения – это мягкий и сердечный уход за ними, порученный сестрам милосердия. Сестры как нельзя лучше подходили для этих целей, ведь они посвящали всю свою жизнь делу милосердия. В больнице Общины это было легко осуществить, при каждом больном неотлучно находилась отдельная сестра, которая была в курсе течения болезни, ее характера, в связи с чем могла повлиять на больную душу в хорошую сторону. Это подтверждается тем, что около 50% больных уходили отсюда исцеленными или получали в процессе лечения значительное облегчение своим страданиям (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 123. Д. 4). Лечилось в год здесь менее 100 человек: в 1892 – 56, в 1893 – 72, в 1894 – 68, 1895 – 59. Земские больницы, специализирующиеся на помощи душевнобольным, находились в контакте с этой общиной. Например, 8 января 1892 г. Московская Губернская земская управа обратилась к княгине Шаховской за помощью. Был заключен договор о лечении общиной 50 больных, находившихся на балансе земства.

Строительство новой больницы для душевнобольных потребовало разместить имеющийся контингент в другой больнице. В договоре были подробно расписаны все условия пребывания больных, включая питание. Подписали договор от лица земства – уполномоченный Московской губернской Земской Управы дворянин Лев Николаевич Сазонов, от лица общины – ее начальница княгиня Н. Б. Шаховская. Новым больным в общине отвели двухэтажный большой флигель, выделили 12 опытных сестер милосердия и мужскую прислугу. Плата за лечение вносилась земством в сумме 11 250 руб., с платежом арендных денег за каждый месяц вперед по 1250 руб. Новые кровати, одежду, белье, мебель и тому подобное покупало земство. Пищевое меню оговаривалось: «состав пищевого довольствия, коего – согласно предыдущего пункта – право выбора предоставляется земскому врачу, определяется следующий: хлеб ржаной, мясное: щи из квашеной капусты или картофельная похлебка, гороховый или овсяный супы и кисели, и гречневая каша или размазня с томленным говяжьим салом, или масло и чай два раза в день. Для слабых и требующих усиленного питания больных к составу пищевого довольствия присоединяются: хлеб пшеничный, мясной бульон и котлеты из рубленого мяса (ЦГАМ. Ф. 184. Оп. 5. Д. 66. Л. 842).

В январе 1893 г. земские больные были переведены в построенную к тому времени губернскую больницу для умалишенных в с. Мещерское. Ухаживающие за больными сестры милосердия последовали за своими подопечными в новую больницу. Готовность поехать в самое отдаленное место страны тоже была своего рода лицом этой общины. Не только в военное, но и в мирное время сестры снимались с насиженного места, покидали стены родной общины и на неопределенный срок уезжали, чтобы оказать на месте необходимую помощь. В 1892 г. неурожай и последовавшие за ним голод и холерная эпидемия потребовали участия сестер милосердия. 2 мая по первому почину Московского отдела «Общества охранения народного здравия» три сестры милосердия общины «Утоли моя печали» Н. А. Барыкова, Н. А. Болдырева и А. В. Виноградова были отправлены с первым санитарным отрядом в г. Челябинск Оренбургской губ., который сильно пострадал от голода, где появились признаки цинги у населения, уже свирепствовала эпидемия тифа.

В 1892 г. по вызову Нижегородского губернатора генерал-майора И. М. Баранова были снаряжены в Нижний Новгород 47 сестер милосердия, в связи с холерной эпидемией.

Сестры самоотверженно стремились помогать заболевшим. При этом они совершенно забывали о себе, что привело к первым жертвам. Одна из се-

стер милосердия Т. А. Алексеева, растирая уже почерневшего больного ребенка, заметив признаки улучшения, нагнулась к его лицу и начала радостно его целовать, и в это самое время изо рта больного ребенка рвотные массы попали ей в полость рта. Несмотря на то, что сразу было сделано все необходимое с целью обеззараживания полости рта, через полтора часа появились признаки холеры, а через сутки она, в полном расцвете сил, 24 лет от роду, скончалась.

Всего было командировано для борьбы с холерой 72 сестры милосердия: в Вольск, Саратов и Саратовскую губ., в Епифанский у. Тульской губ., в Старо-Екатерининскую больницу (Яузкое отделение для чернорабочих), Рязанскую губ., в Ярославль, Самарскую губ., в г. Сызрань Пензенской губ.

В 1894 г. англичанка по фамилии Марсден приняла путешествие в Якутскую губ., чтобы помочь колонии прокаженных. Об этой поездке было широко и подробно рассказано на страницах печати. В журналах и газетах рассказывалось о самоотверженной поездке англичанки в Сибирь. Пять сестер милосердия Общины «Утоли моя печали» также сразу же вызвались помогать страждущим, не задумываясь о том, какие им предстоит лишения в далекой и суровой Сибири, какие трудности их ожидают в самом путешествии от Москвы до Вилюйска на протяжении 8700 верст. Сестры, отправленные в Сибирь на средства наследника цесаревича, разделились. Трое были назначены в совершенно новое помещение, построенное для прокаженных, освященное епископом Якутским Мелентием, а двух сестер Иркутский генерал-губернатор оставил при Якутской больнице, где также имелись прокаженные.

Примечания

¹ Детский приют был открыт в мае 1872 г. на Покровке и продолжал традиции, заложенные еще в Полицейской больнице. Первоначально в этот приют принимали младенцев, оставшихся после матерей, умерших в Полицейской больнице для бесприютных. Когда Община переехала в Лефортово, здесь также появились «подкидыши». Со временем в приюте оказались 30 мальчиков и 32 девочки.

² В квадратных скобках – наши краткие вставки, обобщающие смысл речи авторов писем.

Источники и материалы

Ведомости 1881 – Московские церковные ведомости. 1881. № 40.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Копеечный сбор 1871 – Копеечный сбор на устройство дома для сестер милосердия «Утоли моя печали» и при них приюта для неизлечимых. М., 1871.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ЦГАМ – Центральный государственный архив г. Москвы.

Научная литература

Козловцева Е. Московские общины в XIX – начале XX века. М., 2010.

Федоров М. М., Боцяновский В. Ф. (ред.). Исторический очерк деятельности Российского Общества Красного Креста. СПб., 1896.

Следует отметить, что больница в колонии прокаженных была освящена в честь Государа наследника Цесаревича, который ответил телеграммой, в которой писал Н. Б. Шаховской: «От всей души разделяю вашу радость по поводу устройства колонии для прокаженных. Вполне убежден, что руководимые вами сестры милосердия уходом за этими несчастными облегчат в высокой степени их тяжелую долю. Николай».

Несомненно, это был действительно личный подвиг сестер милосердия. Долгий и опасный труд по уходу за прокаженными в суровых климатических условиях. Причем не надо забывать, что сестры милосердия испытывали чрезвычайную потребность в поддержке и понимании, но ограниченный круг общения им этого не мог дать. И только глубокая убежденность в важности и необходимости этого дела помогала им быть на высоте своего призвания.

Больничный комплекс Александровской общины продолжал расширяться, к 1895 г. рядом с главным корпусом было построено трехэтажное здание новой больницы и приюта в честь святой царицы Александры. В этом приюте было создано отделение на 30 престарелых и неспособных к труду сестер милосердия. В конце 1905 г. Н. Б. Шаховская подала в Городскую Думу заявление о перепрофилировании Александровской общины «Утоли моя печали», чтобы Московское Общественное управление утвердило в качестве главной задачи общины воспитание и подготовку сестер милосердия для ухода за больными и ранеными.

Наталья Борисовна Шаховская умерла 17 февраля 1906 г. Созданную ею Общину сестер милосердия ждало большое будущее.

References

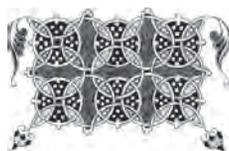
- Fedorov, M. M. and V. F. Botsyanovskii (ed.). 1896. *Istoricheskii ocherk deyatel'nosti Rossiiskogo Obshchestva Krasnogo Kresta* [Historical outline of the activities of the Russian Red Cross Society]. Sankt-Peterburg.
- Kozlovitseva, E. N. 2010. *Moskovskie obshchiny sester miloserdiya v XIX – nachale XX veka* [Moscow Communities of Sisters of Mercy in the 19th – early 20th centuries]. Moscow.

MOSCOW COMMUNITY OF SISTERS OF MERCY «ASSUAGE MY SORROWS» IN THE YEARS OF THE LEADERSHIP OF PRINCESS N. B. SHAKHOVSKAYA

Abstract. The activity of the Moscow community of sisters of mercy «Assuage My Sorrows», like many other Moscow communities of this kind, was unique, as it combined several functions. The main thing was the work of mercy and the training of sisters who care for people in need. At the same time, the widest range of social and medical assistance was provided here: from caring for the «insane», caring for orphans and the elderly to helping wounded soldiers. The community was created by the efforts of Princess N. B. Shakhovskaya, one of the many Russian women ascetics of that time, who devoted their entire lives to serving the suffering, as the Gospel and Christian life call for. The article reveals the complex relationship of the community with the Russian Red Cross, as well as the hard work of all the inhabitants of the community, including its head and many adverse circumstances of life.

Key words: sisters of mercy, Moscow community «Satisfy my sorrows», ascetic labor, Princess N. B. Shakhovskaya, Russian Red Cross Society, medical and social assistance, peacetime and wartime.

For citation: Blokhina, N. N. 2022. Moscow Community of Sisters of Mercy «Assuage My Sorrows» under the leadership of Princess N. B. Shakhovskaya. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremenmost)* 31: C. 34–48.

© 2022 О. В. Кириченко
Москва, Россия

ВОПРОС О РУССКОМ «АРХЕОМОДЕРНЕ» В КОНЦЕПЦИИ А. Г. ДУГИНА

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции «археомодерна», выдвинутой известным философом А. Г. Дугиным как идейное расширение понятий «модерн» и «постмодерн». В монографии «Археомодерн» автор показывает себя как западник-неоклассик, продолжатель линии Чаадаева и Белинского. Его критическая и, по сути своей, уничижительная оценка русской традиции и культуры подразумевает ее «молодость», «неразвитость», «задержку в росте и развитии». Причину этого Дугин видит в слепом копировании и следовании западной традиции, отсутствии самостоятельности русской мысли в период Средневековья. Дугин не сопоставляет Восточное и Западное христианство, по-западному трактует процессы Возрождения, Просвещения, видя в Европе образец самостоятельности и полноты вызревания культуры и отступление от своего пути лишь в последний век. Дугин с равной долей искренности отстаивает западническую и антизападническую точки зрения. Причины данного консенсуса двух диаметрально противоположных точек зрения также анализируются в статье.

Ключевые слова: археомодерн, модерн, постмодерн, премодерн, Запад, Россия, христианская традиция, Православие, Католичество, западничество, восточничество.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Ссылка при цитировании: Кириченко О. В. Вопрос о русском «археомодерне» в концепции А. Г. Дугина // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 49–58.

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirichenko.oleg.1961@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 49–58

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 0.09; 82–96; 397; ББК – 63.3 (2Рос.); 86.39; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/49-58>

Подобное противоречивое явление – одновременность западнических и восточнических симпатий, притом что каждая позиция в отдельности исключает другую, борется с ней и ей противостоит, – характерное явление для советской формы постмодерна, тайного постмодерна. Вообще же западничество как идейность нельзя понять вне контекста возрожденческого мировоззрения, называемого эпохой модерна, вот почему для западника А. Г. Дугина оперирование категориями премодерна, модерна, постмодерна, археомодерна становится основополагающим. Именно они дают ему инструмент быть своим и среди западников, и среди восточников (евразийцев); что в реальности вовсе не означает того, что философ Дугин свой в обоих этих лагерях. А поскольку советский идеологический подход начиная с середины 1930-х годов стал допускать сосуществование советской идейности и еще чего-то другого (тайного постмодерна), то этот обкатанный практикой опыт сочетания несочетаемого можно было и дальше применять, по возможности. Что и делает Дугин, соединяя евразийскую идейность (восточничество) и свою любовь к западному постмодерну, присоединяя сюда еще и французский структурализм, немецкий социальный неофрейдизм и экзистенциализм и многое другое. В этой западнической всеядности он и находит себя в полной мере. Западничество (западнический общеполитический дискурс) – родное ему, для сердца и души, поскольку здесь – и инструментарий, и само главное – антимодернистский пафос, сводящийся к выполнению исторической миссии, которую не выполнил европейский модерн. Восточничество Дугина, думается нам, вынужденное, оперативно тактическое, связанное с решением ряда важных «русских задач», без которых нельзя будет выйти на стратегический простор решения западнических задач. Евразийство тут пришлось как нельзя кстати. В значительной степени помогают последние события, связанные с ведением Россией специальной военной операции на Украине, его гражданский патриотизм, покушение на него украинских спецслужб, его поездка к А. Г. Лукашенко, которому он выразил свое восхищение и согласие с его внутренней и внешней политикой. Дугин быстро набирает политические очки как патриот России, мыслитель ее освободительной миссии, но как это нередко сегодня бывает, за этим стоит миф, который был создан вокруг Дугина как «государственника» силами газеты «Завтра» и лично ее главным редактором А. А. Прохановым. «Государственник» он и для православного К. Малофеева, думца, зампреда Русского Народного собора, с кем они в последнее время разрабатывали теорию имперского развития и места в этом процессе России.

А это уже поддержка со стороны православных консервативных сил. Дугин давно выбрался из тенет «подпольного человека» (в интерпретации Ю. Мамлеева – подпольной идейности Достоевского), с чего он начинал когда-то. Редко обозначает свой леворадикальный революционный пафос, который раньше удобно было озвучивать на митингах. Сейчас он чаще всего выступает в социальных сетях или на страницах печати. Перестал активно заниматься евразийством. Восточничество (как дериват евразийства) Дугина сейчас, очевидно, не так важно для решения западнических задач. Но нам это интересно для понимания того, куда сегодня дрейфует российская западническая мысль, которая сопряжена у Дугина с понятием «убить» русскую традицию, в отличие от восточнической мысли, связанной с темой ее «вылечить». Сегодня западнический дискурс Дугина ясно, выпукло и ярко выражен в его недавней книге «Археомодерн» (2022 г.), на которую мы и будем опираться в аналитике его западничества. Дугин продолжает, несмотря на войну на Украине, несмотря на его русскую патриотичную риторику в широком публичном пространстве, оставаться активным западником, продолжает декларировать первенство своего западничества над восточничеством!

Несомненно, А. Г. Дугин – западник-неоклассик, действующий в рамках классического западничества А. Я. Чаадаева и В. Г. Белинского (каким тот предстает в его письме к Н. В. Гоголю), критикующих русский народ за его якобы отсталость и неразвитость, корни которых – в приверженности народа к православию, вместо прогрессивного поклонения природе. Дугин сам признается в своих симпатиях к Чаадаеву: «Чаадаев говорит: “Если мы посмотрим на русскую культуру, русскую историю, русское общество, то мы увидим там какую-то полную чушь. Всё: и государство, и право, и идеология, и религия, основаны на многоэтажной лжи, имитации, пародировании, неадекватности, передержке, абсурде”. Правильно говорит Чаадаев, он абсолютно прав. Так оно и есть вплоть до нашего времени» (Дугин 2022а: 34). От Чаадаева у Дугина антинародный (антипростонародный, антикрестьянский) критицизм; тема исторической незрелости русского народа, его неразвитости, дремучести. Классическое западничество – это элитарное, снобистское отношение к родной, русской народности и провозглашение в качестве образца немецкой, английской и французской культуры. Истоки чаадаевской идейности, судя по «сумасшедшим письмам» (Дугин любит и ценит «добродетель» сумасшествия!), в англоманстве, обычном бытовом русском англоманстве, с его благоговением перед стриженными лужайками, вышколенной прислугой, облеченной

в строгий этикет культурой. Современный российский западник далеко ушел от бытового западничества 1830-х годов или культурного западничества 1860-х, теперь он не просто хочет, чтобы «нас завоевали» французы или немцы и насадили, наконец, в России подлинную европейскую культуру и добродетель. Он сам хочет завоевать Запад тем, что Запад отвергает и в чем не видит свою пользу, о чем писал А. Блок в стихотворении «Скифы», незадолго до своей кончины. Дугин идет к западному читателю «со счетами», предъявляя ему претензии и предлагая варианты решения проблемы Запада, он учит Запад, как жить.

Весьма своеобразно Дугин трактует понимание традиции, модерна, постмодерна. Термин «археомодерн» придуман им для того, чтобы объяснить корневую основу западного мира и бескорневую – восточного, в том числе российского, русского. Каждое из этих понятий, отражающее возможности воспроизводства всего жизненного уклада той или иной цивилизации, народа, – Дугиным трактуется как особый психотип со своим субъектом и объектом. Традиция, например, это реальность, сопряженная с царством снов: «Парадигма традиции действует, пока мы спим, там всюду орудуют архетипы, активно действует бессознательное. Когда мы просыпаемся, начинается парадигма модерна» (Дугин 2022а: 25). Как западник Дугин опирается на западные методы исследования и понимания человека, его природы и существования в истории. В основе своей методологии Дугин – неотрейдист, поэтому авторитетом для него, кроме З. Фрейда, является К. Юнг, разработавший теорию архетипов, таящихся в коллективном бессознательном в структуре сознания. Но социальный фрейдизм недостаточен для объяснения энергии подсознания, поэтому он активно использует работы французских структуралистов, в значительной степени М. Фуко, его идейность, объясняющую «волю к знанию».

Но самая главная западническая черта Дугина состоит не в глубочайшем погружении его в западническую эпистемологию, а в отказе признавать за восточно-христианской, православной мыслью право на истину, на самостоятельность в области светской, философской мысли, право на восточно-христианское Возрождение, которое осуществилось в Византии и отчасти начало осуществляться в Московской Руси в XIV–XV вв. Дугин ведет отсчет западного модерна с XVI в., с начала эпохи Просвещения, хотя время западного Возрождения совпадает с началом западного модерна, который принято датировать XIII–XIV вв. Это преклонение перед западным рационализмом заставляет Дугина, с одной стороны, петь ему дифирамбы и говорить, что ничего другого, равного ему, не было создано; с

другой стороны, он критикует западный рационализм и обвиняет его в том, что тот зашел в тупик и завел туда все человечество. Он критикует модерн, но при этом говорит, что благодаря ему стал очевиден субъект как основа для подлинного, философского познания и описания мира.

Странный, придуманный Дугиным термин «археомодерн» появляется у него при характеристике восточно-православной, русской мысли, которая оказалась между молотом и наковальней, между «премодерном» (термин Дугина) и модерном. Мысль не оторвалась от премодерна, то есть традиционного общества, и не прибилась к «расколдованному обществу» модерна. Русская мысль живет в постоянной борьбе премодерна и модерна. Отсюда археомодерн – «сбой» в системе. Только западная мысль сумела оплодотвориться рациональностью, а русская, как и вся восточная, точнее, азиатская мысль осталась прозябать в археомодерне. «В условиях археомодерна сегодня живет подавляющее большинство человечества. Это страны третьего мира, Востока (даже индустриально развитого) и Россия» (Дугин 2022а: 30). Подобное незавидное, позиционное положение заставляет Дугина давать русскому археомодерну, русской мысли крайне нелестные характеристики. «Археомодерн является острым метафизическим, философским, парадигмальным заболеванием, самым серьезным, самым страшным и самым опасным, а эстетически – самым отвратительным. При этом это заболевание заразно... При этом структура (то есть элита. – О. К.) все еще сильна, но нема, а керигма (народ в данном случае. – О. К.) слаба, но параноидально жестока (хотя и косноязычна)» (Дугин 2022а: 31). Описание Дугиным русского общества археомодерна нервно, агрессивно и радикально, словно его одолевает иступление, как оно одолевало штатных пропагандистов Третьего Рейха. Но фашистская Германия оказывается для Дугина менее опасной, чем погруженная в археомодерн Россия (!): «Германия и ее психическое расстройство – ничто в сравнении с археомодерном России. В России в последние века русское бессознательное конфликтует с совершенно чуждой ему нерусской рациональностью». Русский народ склонен к шизофреническому расстройству (Дугин 2022а: 131), русские говорят на «кукуйском языке». «Черномырдинский кукуйский язык – это классический ортодоксальный язык археомодерна, где все совершенно непонятно в целом, но все понятно по частям. Мы интуитивно угадываем, что он хотел сказать, ухватываем смысл... мы тоже принадлежим к кукуйскому народу, к условиям археомодерна и мыслим и говорим именно по-кукуйски... Все, включая всех присутствующих и всех живущих в России, и по-другому мыслить не

можем... это общее неразрывное, сплошное поле русского бреда» (Дугин 2022а: 32). «Мы» и «все» – это, конечно, для смягчения фразы, чтобы обращение к своим соотечественникам не выглядело слишком дико и одиозно. Впрочем, дальше в тексте будет сказано, что автор отделяет себя от людей, которые непрерывно бредят, ведь настоящих мыслителей в России единицы, просто по пальцам перечесть.

Но отправимся далее вслед за «дугинской пропагандой»: «Русский умный отличается от животного тем, что он может отличить какие-то рациональные сигналы, понять, почувствовать... И русские вполне могут отличить – по степени болезненности ощущений и силы удара – сильные идеи от слабых. Тем самым создается видимость разумности, не присущей зверям и полным клиническим идиотам. Но при этом отличает эти рациональные сигналы русский человек очень специфически – спиной» (Дугин 2022а: 33). Русские философы, те самые второй половины XIX – начала XX в., увы, тоже не на высоте человека разумного: «Так философствуют коты. Этот бред самоутверждается и развертывается в форме видений наяву, ощущений, испытаний плоти, абстиненции (те же философы-девственники – Соловьев, Федоров) или наоборот – дикой пьяни, разгула и разврата, как у других философов Серебряного века...» (Дугин 2022а: 34). Славянофилы, эта плеяда искреннейших служителей народа, у Дугина становятся союзниками западников, они признают негативные характеристики, данные западниками народу, но отличаются от западников тем, что обвиняют в этом Петра и его реформы. Здесь уже не только клевета и охаивание народа, его унижение, но и искажение тех мыслительных идей, о которых Дугин, конечно, осведомлен.

Продолжим далее цитировать его глумливую смердяковскую мысль, чтобы выяснить, чего же он хочет. А хочет он, вместе с симпатичными ему русскими западниками, «убить больного». Подчеркнем, что речь идет о целом народе! Народ – это больной, которого лучше убить, чем видеть «отвратительный облик больного, пускающего слюнявые пузыри, отказывающегося самостоятельно передвигаться, глупо хихикающего» (Дугин 2022а: 37). Потом «покойника» необходимо будет отправить в морг. А «на место, освободившееся после перемещения больного в морг, после его эвтаназии, придет нечто более разумное и полноценное, выстроенное по законам керигмы (рациональности. – О. К.)» (Дугин 2022а: 37). Дугин явно додумывает перспективы будущего русского народа за русских западников, добавляет им от себя солидную порцию радикализма. Логика мысли автора далее такова: российское общество пошло в XIX в. по пути не западников, а славянофилов, предложивших русский

народ «лечить», а не «убивать». Славянофилы предложили «убить» «врачей», которые, по их мнению, были виновны в таком положении больного. Славянофилы принялись тогда за лечение, их эстафету подхватили евразийцы. И сам Дугин, вдруг, в этот момент оказывается не в лагере западников, а в лагере евразийцев-восточников, потому что в 1990-е годы именно он подхватил знамя неоевразийства и развернул вглубь и вширь эту эмигрантскую идею. Хотел бы «убить», но не «убил», согласился на курс лечения народа, из западников на время переквалифицировался в восточника-евразийца. Но, конечно, судя по книге «Археомодерн», автор сумел сохранить в себе сокровенное, западническое отношение к народу, пускающему «слюнявые пузыри» и не готовому к «лечению».

Сама Россия для Дугина, как общество археомодерна, – это территория «свалки», мусорной кучи, где нет ничего, кроме мусора, «это типичный социальный пейзаж» страны (Дугин 2022а: 52), «мерзость запустения». «В отличие от естественного запустения эндогенно логосных – западных – обществ и людей, археомодерн не превращается в свалку постепенно, а представляет собой свалку изначально как искусственно организованное место сброса отходов более органичных культур» (Дугин 2022а: 54). И еще один похожий пассаж: «Мы должны предъявить серьезные основания (так у автора! – О. К.), почему мы просидели две с половиной тысячи лет в тайной яме, пока европейцы методично шли путями своего логоса? Что мы там делали и для чего? Какой смысл в том, что мы спаслись?» (Дугин 2022а: 117). Разве христианин мог написать такие слова? Но продолжим «нагнетать». В обществе археомодерна «доминирует принцип социальной лжи – и элиты и массы систематически лгут себе и другим о своей природе, но не потому, что знают истину, но скрывают ее, а потому, что не знают этой истины и скрывают свое незнание» (Дугин 2022а: 66). И это говорится о народе, где есть Православная Церковь, хранительница подлинной веры, которую сохранил в том числе простой народ, а не только епископат и духовенство! И до сих пор хранит веру, зная из Евангелия, что истина – это Христос. Для автора не существует ни святых Русской Православной Церкви, ни многочисленных подвижников, ни сонма мучеников и исповедников XX в., он, словно западный обыватель, не зная русской истории, опирается только на популярные мифы о России из газет и социальных сетей. Он обвиняет Россию и народ в смердяковщине, хотя сам являет пример смердяковского отношения к земле, на которой вырос и где получил образование. Единственное, в чем автор прав: «Смердяков – абсолютно автохтонный русский выродец». Но и тут он го-

тов пофилософствовать: «Его (Смердякова. – О. К.) “западничество” не является причиной его вырождения, напротив, вырождение свое, глубинное, толкает его из осознания собственной патологии и отращения к своему и всему окружающему – к поклонению перед “другим”, в данном случае перед Европой, возводимой в идеал» (Дугин 2022а: 69). И в другом месте текста сам же Дугин поклоняется Европе: «Цепочка Премодерн – Модерн – Постмодерн действительно только применительно к западным обществам – к Европе, США, Канаде, Австралии и т. д. В зоне устойчивого и доминирующего развития западной цивилизации мы можем четко фиксировать переход общества по всем трем парадигмам, при том, что утверждение каждой новой парадигмы тяготеет к фундаментальности, необратимости и очищению остатков предыдущей» (Дугин 2022а: 58). Или: «Западная культура отличается чрезвычайно развитым “числителем”. Керигма (рациональность. – О. К.) настолько сильна, что не боится проникать в самые толщи “Оно”, освещая своим светом самые тайные и темные уголки подсознания» (Дугин 2022а: 133). Русская культура к этому не способна. Начав обвинительную речь о Смердякове, Дугин обвиняет всю русскую аристократию в смердяковщине (заодно включив сюда и Чаадаева, перед которым преклонялся и благоговел на предыдущих страницах). Такое впечатление, что автор не контролирует свою мысль, подчиняя ее эмоциональному тону момента. И эта увлеченность потоком мысли напоминает нам поэтическую манеру экзистенцирования М. Хайдеггера. Отсюда, думается, идет и поэтическое вольнодумство Дугина, хотя совершенно очевидна колоссальная разница в результатах экзистенции того и другого.

У академика Д. С. Лихачева, глубочайшего знатока русской средневековой письменности X–XVII вв., есть такие слова о предмете его изучения: «Русской литературе без малого тысяча лет. Это одна из самых древних литератур Европы. Она древнее, чем литература французская, английская, немецкая. Ее начало восходит ко второй половине X в. Из этого великого тысячелетия более семисот лет принадлежит периоду, который принято называть “древней русской литературой”... Художественная ценность древнерусской литературы еще до сих пор по-настоящему не определена. Прошло уже около полувека с тех пор, как была открыта (и продолжает раскрываться) в своих эстетических достоинствах древнерусская живопись: иконы, фрески, мозаики. Почти столько же времени восхищает знатоков и древнерусская архитектура – от церквей XI–XII вв. до “нарышкинского барокко” конца XVII в. Удивляет градостроительное искусство Древней Руси, умение сочетать новое со старым, создавать силуэт

города, чувство ансамбля. Приоткрыт занавес и над искусством древнерусского шитья. Совсем недавно стали “замечать” древнерусскую скульптуру, само существование которой отрицалось... Древнерусское искусство совершает победное шествие по всему миру. Музей древней иконы открыт в Реклингхаузене (ФРГ), а особые отделы русской иконы – в музеях Стокгольма, Осло, Бергена, Нью-Йорка, Берлина и многих других городов» (Лихачев 1987: 5–6). Русская художественная культура XIX – начала XX в. для западного ценителя в подобных разъяснениях не нуждается. Но нашим западникам этого мало, ведь в России нет такой, как на Западе, философии, хотя она и завела, по признанию самого Дугина, Запад в тупик. Дугин называет это «сбоем». Он случился уже после кончины М. Хайдеггера, когда «отрицание субъектной природы человека превратилось в критику субъекта и тем самым осталось накрепко связанным с той самой субъектностью, от которой все старались освободиться» (Дугин 2022а: 195). С этим явлением Дугин связывает появление в 1970-е годы на Западе постмодерна. Оказывается, роковая ошибка была сделана раньше на несколько столетий. Но если читатель подумает, что речь идет о 1054 г., он ошибется, потому что Дугин вообще философскую мудрость не связывает ни с православием, ни с католичеством. Просто когда-то, в начале Нового времени, по Дугину, в XVI в. произошел отход от физики Аристотеля и все пошло не так, вместо физики о человеке начались «физика ада, триумф титанов, наука Антихриста» (Дугин 2022а: 206). А ведь это истоки западного модерна, то, чем Дугин так гордится в другом месте цитируемой книги и что так превозносит, идейность Логоса и проч. Оказывается (по его же рассуждениям), что здесь та же архаика, тот же археомодерн, что и у всех прочих «недоразвитых народов» (по его оценкам). Но Дугина это не смущает, он не ставит перед собой задачи сводить концы с концами своих идейных посылов, главное – «ввязаться в сражение, а там посмотрим». Так что наш Наполеон то здесь, то там обнаруживает свою фигуру авантюриста и провокатора. Как и Наполеон, он любит предавать своих самых близких людей, с которыми работал, общался, воевал, от которых получал знания. О них Дугин напишет с высоты нынешнего своего величия, зло и требовательно: «И потом, смотрите, сколько у нас диссидентов вернулось. Они сбежали отсюда на Запад – писатели Юрий Мамлеев, Эдуард Лимонов, философы Александр Зиновьев, Татьяна Горичева, художник Владимир Котляров. Они поехали за комфортом, по-простому, совершенно по-русски, и поняли, что в тяжелейшей машине западноевропейского духа от Гераклита до Хайдеггера им вообще не оставлено никакого места, просто ничего...

и они вернулись к своим, где все понятнее» (Дугин 2022а: 108).

Дугину плохо от того, что все перечисленные им люди стали за границей патриотами России, стали говорить там о великой цивилизации, независимо от того, какая она – советская или имперская, они вернулись назад со светлым отношением к своей стране и народу. А он, находясь здесь, потемнел еще больше. Вот что его беспокоит. В статье, в газете «Завтра», посвященной юбилею Ю. Мамлеева, Дугин в этом же духе, но значительно осторожнее (все-таки патриотическая газета!) пишет о том, как изменился Мамлеев, вместе с приобретенным русофильством от него ушло то святое «подпольное», что делало его когда-то особенным (Дугин 2021). А вот Дугин сохранил эту страсть к очернительству своего народа. Написав фразу «мамлеевский миф» о двух разных Мамлеевых, Дугин, как известный евангельский персонаж, думал похоронить своего учителя, чтобы самому, без опеки начать «воскрешать мертвых и исцелять больных», используя уже без оглядки тот дар, которым его наделил учитель. Но жизнь творческого человека состоит не только из книг, но и из судьбы. Дугин пишет много книг, даже слишком много для простого человека, только этого оказывается недостаточно, потому что судьба его совсем не тянет на судьбу героя. А ведь судьба подтверждает написанное в книгах. Или – наоборот.

Из диагноза Дугина, данного «больному» по имени русский народ, вытекает и предлагаемая в книге «Археомодерн» лечебная психотерапевтическая методика, целиком и полностью построенная на фрейдистских и неофрейдистских подходах. Врач, у Дугина, от слова «врать» (так он пишет!), он же жрец. Лечащих больных Богочеловека Христа и святителя Николая он превращает в жрецов, которые действуют, как настоящие костоломы в каких-то русских сказках, конечно, неизвестных читателю: «Они ходят по деревням и лечат. Запирают в банях безнадежно больных, рубят на куски, моют кости, варят, потом собирают заново...» (Дугин 2022а: 135). Взяв материал из практического опыта какой-то изуверской секты (если речь идет о жрецах и расчленении тел), Дугин, ничтоже сумняшеся, пишет, что эти сведения взяты из русских сказок. Под такой сказочный зачин, начало русского лечения, Дугин подводит историческую канву сосуществования «двух православий» у русских. Начинается его историческая песнь со слов «Мы были частью византийско-православной эйкумены». Потом русские обрели единое религиозно-политическое самосознание народа Третьего Рима. «Это своего рода русский “сионизм”, осознание богоизбранности русских». С XVII в., с ре-

форм Никона (которого Дугин, как старообрядец, очень не любит), верх взяла греко-западная линия. «С конца XVII века русско-московский “сионизм”, Третий Рим уходит в массы, в “знаменатель”, в бессознательное. И пребывает там. Последними рациональными носителями его являются старообрядцы (единственно психически здоровые русские люди – это староверы)» (Дугин 2022а: 136, 137). Но надо, конечно, понимать, что все эти характеристики должны сопрягаться с совокупностью всех предыдущих характеристик, данных русскому археомодерну: с сумасшедством, отсутствием человеческой речи, шизофренией, мусорной свалкой и прочими прелестями де-социальности. То есть все эти русские идеи, с Третьим Римом и посягательством на сионизм, нужно коррелировать со «слюнями», бредом и проч. Еще одна претензия: у русских «нет секса»: «наше бессознательное это океан психотической любви, где все сливается со всем, все растворено во всем» (Дугин 2022а: 138). Далее идет своего рода обращение интеллектуала Дугина к русским крестьянам, еще в начале XX в. – большинству русского населения, которые для него являются существами, еще не превратившимися в людей: «Человек без образования не совершенен и не завершен, он представляет собой лишь возможность человека, сырую глину, способную получить и сохранить форму, принять ее на себя, но саму по себе не имеющую никакого смысла – кроме подсобного. Человек без образования – часть человека, обещание человека, вексель» (Дугин 2022а: 141).

Однако у России и русского народа хорошие перспективы. Лечение ее и русских возможно, потому что страна не испытала «прямой колонизации», как многие страны Азии, Африки и Латинской Америки, а лишь культурную колонизацию. «У России теоретически есть шанс осуществить консервативную революцию в пользу структуры... сбросить западническую керигму и начать процесс антиколониальной борьбы против европейской керигмы в планетарном масштабе» (Дугин 2022а: 39). Ф. М. Достоевский, конечно, не принял бы такой трактовки русской миссии, русской всеотзывчивости. Как ни странно, автор в постсоветской России берет в союзники (которые должны осуществлять миссию лечения народа) представителей современного западничества – Чубайса и Гайдара. И наиболее «правильную» из них – Новодворскую (Дугин 2022а: 41, 43). Дугин, как сам он пишет, общался с олигархом Ходорковским, человеком западнической ориентации: «Я разговаривал с Ходорковским перед его посадкой. Он почти откровенно предлагал подвергнуть русских тихой эвтаназии» (Дугин 2022а: 48). Антизападническое евразийство 1990-х годов было для Дугина не более чем конъюнктурой, если

он сегодня так высоко оценивает роль западников Чубайса и Гайдара в деле приобщения современной России к ценностям западной культуры. Новодворская, по словам Дугина, говорила «правильные вещи» народу: «Друзья, вы мешаете процессу работы керигмы, вас надо истребить, вы просто ничего не понимаете» (Дугин 2022а: 41). Опять наш герой перескочил от слова «лечить» к слову «убить», как только эмоциональная волна охватила и повлекла вдаль. Свой бонус «прогрессивности» от Дугина получает и реформатор-западник А. Н. Яковлев, как яркий борец с русской архаикой (Дугин 2022а: 42). Куда в данном случае смотрит ненавидящий Яковлева Проханов, если его визави открыто пишет о полезности для страны людей, которые, по мысли Проханова, были ее разрушителями? Или среди патриотов все допустимо?! Почвенника и патриота академика Д. С. Лихачева, который в эти же 1990-е годы предлагал решения, прямо противоположные решениям Новодворской, Дугин называет «дебиллом статусным» (Дугин 2022а: 42). Соответственно, для Дугина президент «Путин, безусловно, является фигурой воплощенного бреда», как и весь русский народ, «немой, как Герасим в “Муму”» (Дугин 2022а: 43, 44–45). Автор предлагает свой вариант выхода из тупикового положения: «Постмодерн в России мог бы быть (или может быть), если здесь победят Чубайс и Новодворская (посмертно), если русских подвергнут геноциду по-настоящему, а не так в шутку, как в 90-е годы, завезут сюда менеджеров из США и Западной Европы и рабочую силу из Китая и Индии и провозгласят Соединенные Штаты России... И тогда, возможно, здесь что-то заработает: не машины заработают, не трактора заработают, не станки и компьютеры, а субъект» (Дугин 2022а: 47). Страшные слова! И в это же время Дугин пишет в прохановскую газету «Завтра» статью под названием «Свершилось», где он славит референдум о присоединении Донбасса к России, поднимает русскую тему, славит президента Путина: «Путин обрушился на весь западнцентричный миропорядок, который он приравнял к неокOLONIALной расистской системе – к агонизирующему империализму и апартеиду». Звучит другая концепция: «Россия – цивилизация, основным кодом которой является Традиция. Ей противостоит другая цивилизация, и ее код Анти-Традиция, расчеловечивание человека, ложь, агрессия, эксплуатация стран и народов, неокOLONIALизм, террор и зло» (Дугин 2022б). Удивительное словоблудие человека, который одновременно, но для разных аудиторий пишет прямо противоположные слова о русском народе, к которому сам принадлежит. Поразительную мимикрию обнаруживает это способнейшее дитя русского постмодерна!

Итак, философ Дугин в качестве народного врача мечется между решением «убить», как хочет его любимая Новодворская, и решением «излечить» больного – коллективного русского. И останавливается на втором варианте. Что из себя представляет «лечение»? Это одиннадцать пунктов психотерапии. Приведем самые запоминающиеся рекомендации: «спуск в национальное бессознательное вплоть до глубинных пластов – без утраты сознания, т. е. психоанализ русского народа» (а разве большевики-ленинцы не этим занимались 70 лет? Дугин явно настаивает на продолжении эксперимента); «создание карты сновидений, атласа русских снов» (если есть географические атласы, почему бы не сделать атласы снов?); «перманентные эксперименты над собой и над окружающими в целях проверки того, как действует та или иная керигматическая гипотеза на структуры...» (то есть то, что не раз делал Сахаровский центр и что вызывало такой резонанс, как и акция активисток из Pussy Riot в Храме Христа Спасителя, – так надо понимать этот призыв, если речь идет о публичном эксперименте над обществом?); «хирургическое устранение и изоляция наиболее болезнетворных очагов (элиты), активно препятствующих терапии» (это что же – массовое оскпление неугодных олигархов?). Загадочны и располагают к широким толкованиям эти одиннадцать пунктов парамедицинского воздействия на русский народ, при этом Дугин не забывает, как постмодернист, добавить в конце: «то-то будет весело» (Дугин 2022а: 166–167).

Выскажемся от себя по поводу диагноза, поставленного Дугиным западному и восточно-христианскому обществам: «русский народ не сбился – пока не сбился», он весь во власти самой грубой архаики – археомодерна; западный мир держится в рамках логосовой мировоззренческой реальности, но потихоньку сползает к археомодерну. Его диагноз видится нам категорически неверным. Как православный (пусть и старообрядец), Дугин должен был начать свою диагностику западной духовности с момента отсоединения Католической Церкви от Вселенского Православия, начать с нарушения чистоты православного вероучения, разрыва с Православием, а внутри западного мира – с момента фундаментального разделения Церкви и мира, что привело к официальному допуску языческой архаики в мир простонародья, что потом стало основой городского свободомыслия и в немалой степени почвой для западного Возрождения. Анализ А. Ф. Лосева, проведенный им на западном возрожденческом материале художественного творчества, прямо указывает на эти истоки: «Она была аморальной и звериной в своем предметном содержании, но она же обладала всеми чертами самодовлеющей значимости, нео-

бычайной красочностью и выразительностью и какой-то, если выражаться кантовским языком, небывалой целесообразностью без всякой цели» (Лосев 1982: 121). То есть архаика присутствовала не только в народной жизни, она была составной частью возрожденческой эстетики. Такую эстетику Лосев называл «обратной стороной титанизма» (Лосев 1982: 121). А это «разгул страстей, своеволия, распущенности», титанизм, в котором сочетались ломка старого, отжившего со стихией «безграничного человеческого самоутверждения», почивающего на возвышении греха, на откровенном сатанизме. По-иному, и очень убедительно, Лосев трактует и историю появления западного либерализма (включая учения о социализме, коммунизме и проч.): «В течение Средних веков организовались Талмуд и Каббала. Выступить в открытый бой они смогли не раньше XIV–XV вв. (XIII в. появление “Зогара”). Первая битва была дана христианству под флагом либерализма и буржуазии. Какое социально-политическое орудие выработал либерально-капиталистический миф для борьбы с Церковью? Революцию. Революция – идея чисто буржуазная» (Лосев 2021: 398). При этом христианство, ставшее латинством, папством, узурпировавшее личность, солидаризируется с либерализмом, буржуазией, революцией. «Так противостоят друг другу две враждебные мифологические стихии: православная монархия и патриархия, монашество, Церковь и апокалипсис, с одной стороны, – папство, революция, коммуна и анархия, с другой» (Лосев 2021: 401). А. Ф. Лосев опирается на большой круг источников и материалов по Возрождению, чтобы показать связь возрожденческого свободомыслия с отступлением Католической Церкви от основ Православия. Отсюда источник модерна совершенно иной, и западная традиция выглядит не хранительницей Логосового мышления, а наоборот, местом, откуда «археомодерн», или, лучше сказать, языческая архаика начала свой разрушительный путь в христианстве. Россия же сохраняла мир христианского Логоса как мировоззрение всего общества вплоть до конца XVII в. И старообрядцы, как раскольники, оказываются в таком контексте помощниками Запада (!), а не хранителями исконной традиции, поскольку они первые (до Петра I) сделали шаг в сторону раскола единого целого христианского Логоса России. Более того, Петр I в этой ситуации выступает как лицо, желающее спасти страну в условиях нарастающего религиозного раскола и все более явной экономической и военной агрессии Запада, архаика которого уже приобрела невиданные аппетиты «поедания» целых стран и континентов (время создания западных империй). Но мы не говорим, что западные люди были шизофрениками, слюнявыми,

мусорщиками и проч. Мы лишь утверждаем, что со стороны Запада начался путь разрушения христианского, православного Логоса в пользу пробиорочного «гомункулуса» с архаическими чертами и повадками. Фашизм родился не в России, а на Западе. Россия же, даже после удачной (для Запада) прививки западным коммунизмом, не скатилась на позиции расизма, шовинизма и национализма, как ни пытаются это представить те, кто приравнивает друг к другу гитлеризм и сталинизм. Россия сохранила православную традиционность в советское время, которая и скорректировала коммунизм, изъела (тяжелой для себя ценой!) из него самые ядовитые жала, а также наполнила многие советские идеи своими, христианскими смыслами. Вот почему коммунизм в России, к несчастью для страны, приобрел даже некоторые почвеннические черты, за счет чего продолжает держаться и действовать на политической сцене. Это же обстоятельство позволило СССР победить и германский фашизм. И хотя фашизм не был искоренен как идейное явление, но совершенно очевидно, что наша страна спасла мир от радикального, воинствующего германского фашизма. И таким фашизм уже никогда не будет! В сегодняшнем европейском фашизме сохранился лишь антиславянский (антиправославный) накал, с чем Россия и столкнулась сегодня. Славянские государства Европы не хотят этого замечать, их не сдерживает уже ни общее славянство, ни в отдельных случаях общее православие, выше всего этого они ставят европейскую солидарность, которая есть ни что иное как единый западнический национализм фашистского толка. Россия для них неправильная славянская страна, как и неправильная православная страна. Ее неправильность и хотят «излечить», точнее «убить», так что логика современного Запада прямо совпадает с логикой восточника/западника Дугина, так же понимающего «болезни» России. Не называясь иноагентом, он выпускает прозападные, профашистские книги, которые словно никто не читает, кроме небольшой группы философов и поклонников его таланта, он выступает на патриотических и церковных площадках (самая последняя, на середину декабря 2022 г., выступление в Сибири на форуме Русского народного собора, вместе с К. Малофеевым, заместителем председателя собора)¹.

Последняя часть книги «Археомодерн» – небольшая по объему, но буквально напичканная самым разным негативом, – посвящена искусственному интеллекту. Наш образ гомункулуса оказался здесь к месту. Вывод автора неутешителен; нам (русским) нечего бояться, мы (а не они! – О. К.) и так по большому счету искусственники, так что замена одного органа на один чип ничего не изменит. Мы давно уже не люди, человеческого в нас только

и осталось, что стремление к смерти. Эта часть – настоящий апофеоз такой «добродетели» настоящего человека. Здесь Дугин, как рыба в водной стихии, как будто психический мир подсознательного и есть подлинный мир, куда обычный человек старается не погружаться, а вот для философа Дугина – это родная стихия, с обилием цитирования и личных размышлений на «пещерную» тему. И, конечно, как радикал, как революционер, он не может не стремиться попасть на чужую территорию, как это выше было сказано А. Ф. Лосевым про два мифа. Поэтому Дугин начинает книгу как «философ» и «психолог», а заканчивает как эсхатолог. Успевает, когда нужно, забежать и на территорию православных. Хочется психологу быть пророком, хотя о каких пророчествах можно говорить, анатомически, как патологоанатом, копаясь в подсознании? Но Библия говорит нам, что пророчествовали не только люди. Поэтому послушаем его простые слова о будущем, которое нас ожидает. «Зло энергично и действенно». «Все будет, и будет скоро, и будет именно так». «Правда, как, мы не описали, потому что видим все открытым и готовимся в этом участвовать». «Развязка» «может затянуться», но «будет, обязательно будет» (Дугин 2022а: 229, 230).

Общие выводы по вопросу дугинского западничества

Дугинская философская концепция археомодерна – это ярко выраженное западничество; революционное, радикальное, идущее как бы от лица самого европейского западника, такого как Гегель, или Кант, или Ницше (не по уровню, а по радикальности наступления на традицию), проникнутое западной самодостаточностью. То, что Дугин выходит на водораздел радикального решения: «убить» или «лечить» «больного русского», свидетельствует о его крайней степени западничества, как восточничеству, нужно ему, чтобы иметь возможность, в случае опасности, выйти сухим из воды. Так надо действовать в условиях господства «Радикального Субъекта». Восточничество оказывается для Дугина не контридейностью, а лишь прикрытием его радикального западничества, потому что не может человек, исповедующий западничество, быть одновременно ненавистником Запада. Поскольку западничество/восточничество Дугина является плодом

его кабинетных раздумий, претендующих на научный дискурс, Дугин пытается выстроить научную аналитику процесса функционирования идейности. В этот процесс входят логосовые структуры: пре-модерн, модерн, постмодерн, – и общества, не имеющие таковых, историческое существование которых ограничено археомодерном, борьбой модерна и архаики в рамках их архетипа. Дугин исходит не из реального исторического процесса, наличия Восточно-христианской, Православной Церкви и отпавшей от Православия Католической, Западной Церкви, а из умозрительной реальности, «философской ошибки» – отказа европейцев на каком-то этапе от физики Аристотеля, с чего и начался их ошибочный путь. При этом о самостоятельном пути Восточной Церкви речь не идет, потому что Православный Восток якобы был лишен пути Логоса. Ошибочный путь западной рациональности Дугин, тем не менее, описывает как образцовый, как правильно познающий мир. Россия и русский народ имеют свой шанс обрести рациональность и сбросить с себя оковы археомодерна, но для этого надо над ними провести масштабную работу по методике психоанализа, чтобы излечить больного от внутренних фобий. И тогда забитый, запуганный, не говорящий на человеческом языке народ, сидящий уже второе тысячелетие в мусорной яме, очнется, исцелится от шизофрении и станет мыслить рационально, как европейцы. Тогда он сможет помочь и европейцам вернуться к традиции, от которой они отошли где-то в XVI в. А потом нас всех ждет Апокалипсис, говорит Дугин, уже как настоящий старообрядец-эсхатолог.

Нам кажется, что в лице А. Г. Дугина западничество в России не просто пришло к своему логическому, бесславному концу, но и открыло нам некую правду о Западе, показало, сколько может таиться негатива и самых разных неожиданных открытий в банальной западнической и прозападнической русофобии. Дугин сегодня одновременно и за Россию, против Украины, и за Европу, и против нее; он все время на качелях; они качнулись вниз, значит, настала ему пора быть опять евразийцем, примирителем России и Азии (как это современно!). Таков нынче образованный западник, к нему так просто не подберешься с критикой его антирусских воззрений.

Примечания

¹ Совсем недавно, в конце ноября 2022 г., в стенах Государственной Думы прошла учредительная конференция общественного движения «Культурный фронт России», где А. Г. Дугин выступал и был не последним человеком. Конечно, русским патриотом, радетелем русской культуры, готовым сражаться за нее, как на фронте, сказавшим пламенную речь. Жизнь постмодерниста, «подпольного человека» продолжается в нескольких разных ипостасях, в том числе смысловых. Но к какому торжеству готовится этот человек, пока нам сложно сказать.

Научная литература

Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Академический проект, 2022а.

Дугин А. Г. Свершилось! // Завтра. 2022б. № 40 (1501).

Дугин А. Г. Мамлеевский миф // Завтра. 2021. № 48 (1458).

Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы в 3-х томах. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1987. С. 5–30.

Лосев А. Ф. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Издательский Дом ЯСК: М.: Гнозис, 2021.

Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982.

References

Dugin, A. G. 2021. Mamleevskii mif [Mamleian myth]. *Zavtra* 48 (1458).

Dugin, A. G. 2022. *Arkheomodern* [Archeomodern]. Moscow: Akademicheskii proekt.

Dugin, A. G. 2022. Svershilos'! [It's done!]. *Zavtra* 40 (1501).

Likhachev, D. S. 1987. Pervye sem'sot let russkoi literatury [The first seven hundred years of Russian literature]. In *Izbrannye raboty v 3-kh tomakh* [Selected works in 3 volumes], by D. S. Likhachev, 5–30. Vol. 2. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

Losev, A. F. 1982. *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl'.

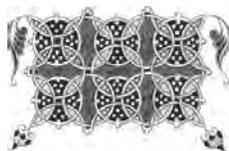
Losev, A. F. 2021. *Dopolnenie k «Dialektike mifa»* [Supplement to the «Dialectic of Myth»]. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK; Gnozis.

THE QUESTION OF THE RUSSIAN «ARCHEOMODERN» IN THE CONCEPT OF A. G. DUGIN

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of «archeomodern» put forward by the famous philosopher A. G. Dugin as an ideological extension of the concepts of «modern» and «postmodern». In the monograph *Archeomodern*, the author shows himself as a neoclassical Westerner, a successor to the line of Chaadaev and Belinsky. His critical and, in essence, pejorative assessment of Russian tradition and culture implies its «youth», «underdevelopment», «stunted growth and development». Dugin sees the reason for this in blind copying and following the Western tradition, the lack of independence of Russian thought during the Middle Ages. Dugin does not compare Eastern and Western Christianity, he interprets the processes of the Renaissance and Enlightenment in a Western way, seeing in Europe a model of independence and full maturation of culture and a retreat from its path only in the last century. Dugin defends the Western and anti-Western points of view with equal sincerity. The reasons for this consensus of two diametrically opposed points of view are also analyzed in the article.

Key words: archeomodern, modern, postmodern, premodern, West, Russia, Christian tradition, Orthodoxy, Catholicism, Westernism, Easternism.

For citation: Kirichenko O. V. 2022. The question of the Russian «archeomodern» in the concept of A. G. Dugin. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 31: С. 49–58.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

© 2022 С. С. Савоскул
Москва, Россия

ОДНА СТАРУХА (ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА АВТОРА)

Аннотация. Ограничивая себя рамками научного очерка, автор ставит перед собой задачу сохранить в целостности и невредимости полевой материал, который при исследовательской аналитике, как правило, весь распыляется, разносится на цитаты, сохраняя, в лучшем случае, «закваску» – подтверждение подлинности – для авторского научного исследования. Здесь же подлинность говорит сама за себя, а для исследователя важно выйти на уровень народной драматургии, показать, как в капле воды, что любой разговор «в поле» имеет неслучайный характер. Кто расписывает эти роли и сюжеты, автор не задумывается, но ему важно, что и «роли», и «сюжеты» наличествуют, хотя встреча его с обычной жительницей Алтайского края Феклой Семеновной и носит как будто случайный характер. Это этнографический научный рассказ. Такова здесь авторская методология.

Ключевые слова: полевое этнографическое исследование, этнографический научный рассказ, Горно-Алтайская область, старообрядцы, книжность.

Ссылка при цитировании: Савоскул С. С. Одна старуха (из полевого дневника автора) // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 59–67.

Савоскул Сергей Сергеевич (Savoskul Sergey Sergeevich) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: family.savoskul@gmail.com

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 59–67

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 929; 091; ББК – 71.1; 74.24; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/59-67>

Фекла Семеновна

Село Верхний Уймон, Усть-Коксинский р-н, Горно-Алтайская автономная область, 1982 год

Изба у Феклы Семеновны за три года, прошедшие с моего прошлого приезда, как будто немного постарела, но по-прежнему сохраняла свое крестьянское достоинство. Все тот же блестящий, толстый от времени слой коричневой краски лежал на крыльце.

В полутемных сенях я обмел снег со своих войлочных ботинок «прощай, молодость» и по старой памяти дернул за дверную ручку справа. Левая половина, помнится, и три года назад была нежилой.

Войдя в избу, я сперва подумал, что в ней никого нет. В глаза бросилось яркое лоскутное одеяло, закрывавшее кровать, по-прежнему стоявшую слева от входа. Но в следующую минуту послышалось какое-то движение на печи, и я, не успев еще отойти от порога, повернул голову в сторону звука.

Из-за пестрой занавески, находящейся как раз на уровне моей головы, послышался женский голос: «Кто это?».

Не зная, что ответить, я начал: «Фекла Семеновна, я как-то был у вас года три назад...».

Занавеска закачалась, и показались ноги в белых шерстяных носках. Лица я еще не успел рассмотреть, услышал лишь несколько встревоженный, как мне показалось, голос: «Саша, Игорь?».

– Да нет, Сергей меня зовут.

Следом за ногами появилась и их хозяйка – старушка в темном платочке и таких же кофте и юбке. Не слезая с печи, она взглядела в меня и сказала: «Чтой-то я тебя не признаю. Кажись, знакомый, а не припомню».

– Я был у вас летом, три года назад, – повторил я, – про старину расспрашивал. Вы мне и книги свои показывали.

– Не помню, – ответила старушка, обула валенки и слезла с печи.

– Забыли, должно быть.

– Стара стала, забываю быстро, – согласилась хозяйка. – Да ты садись, раз пришел.

Я сел на лавку у стола. Старушка села по другую его сторону и, еще раз внимательно поглядев на меня, спросила: «Так ты чей же будешь?».

– Из Москвы я, бабушка, стариной интересуюсь.

– А я думала, из Академгородка. Там живут мои знакомые, что дом Рериха строили. Ты, может, знаешь их – Игорь, Саша, есть у них и Сережа.

– Нет, не знаю, да я в Академгородке и не бывал ни разу.

Тут кто-то затопал по лестнице, потом загромело в сенях. Хозяйка обеспокоенно взглянула на дверь. В избу вошел, пригнувшись в дверях, здо-

ровый мужик в телогрейке и белых валенках. Снял старенькую ушанку, открыв буйную нечесаную голову, и прошел на середину избы. Я увидел обветренное, красное, помятое лицо и щетину на подбородке, несколько дней не выдавшем бритвы.

– Здравствуй, бабка Фекла, – гаркнул он и посмотрел на меня бледно-голубыми воспаленными глазами с какой-то сумасшедшинкой.

– Здравствуй, – ответила старушка. – Ты коня-то мне привел?

– Нет, вот посижу и пойду, – сказал вошедший и сел на приступок у печки.

– Не работаешь? – каким-то укоризненно-скорбным голосом спросила его Фекла Семеновна.

– Нет, мучаюсь.

– Дома-то живешь? – не изменяя тона, спросила она.

– Ночевал дома, – ответил мужик нехотя. – А вы кто будете, что-то не узнал вас, – обратился он ко мне, видимо, приглядевшись как следует.

– Я из Москвы, историк.

– А, понятно, – многозначительно протянул он, – раз историк, то все понятно. Зовут вас как?

– Сергеем.

– А величают?

– Сергеевичем.

– А я Федор, племянник бабки Феклы. Историк, говорите. Это хорошо. У нас бывал историк из Новосибирска, тоже бабку все расспрашивал. Вот фамилию забыл, а звали Николай Николаевич. Он еще потом журнал какой-то присылал, о кержаках там писал.

– Так это, наверно, Покровский.

– Вот правильно, Покровский Николай Николаевич, – обрадовался Федор. – А вы здесь первый раз или уже бывали?

– Бывал как-то. Я вот и фотографии привез. Наш фотограф снимал тогда кое-кого, а фамилии записать забыл. Посмотрите, может быть, узнаете. Правда, здесь, кажется, все больше мультинский народ, уймонских-то мало.

Фекла Семеновна с племянником склонились над фотографиями. Федор быстро просмотрел все и отложил – «Нет, не узнаю».

– Мультинских людей и не узнаешь, – удивилась его тетка. Этот вот, – она назвала имя, – да и этих я знаю, – показала она на несколько фотографий, с которых на нас глядели старушки, все больше в одиночку и лишь изредка, в основном те, что помоложе, с немногими из оставшихся в живых стариками. Сняты они были – иная во дворе, иная в избе за кроснами, а то и с ухватом.

– Вишь, я бабок-то мало знаю, – шутя, оправдывался Федор. – Алкашей мультинских знаю, а бабок нет.

Я записал имена людей, узанных хозяйкой, чтобы отдать им фото, и положил дневник вместе с фотографиями в карман куртки.

Фекла Семеновна замолчала, я тоже не знал, с чего начать разговор, – смущал Федор. Минуты две просидели молча. Прервал молчание племянник.

– Баба Фекла, – начал он немного смущенно, – ты, там... налей.

– Нет ничего, – сразу же встрепенулась старушка. – Одна гуща осталась, – Федя-то все попил. Ночь спать не давал, капусту ел и пил помаленьку.

– Вот гущи-то и налей, мне в самый раз, – уже тверже сказал гость.

– Не налью, не про тебя, Федя, готовлено, – возмущенно, но чуть-чуть растерянно отказала старушка.

– Налей, налей... – сказал племянник. В его голосе уже слышались снисходительно-уверенные нотки. – Мы с человеком выпьем, – нажал Федор на хозяйкино чувство гостеприимства.

На это старушка уже не могла возразить, пошла за печь и принесла к столу ковшик мутной светло-коричневой жидкости. Налила племяннику в зеленую эмалированную кружку, а мне в граненый стакан.

– Мне не лейте, я не хочу, – попытался я отказаться, понимая в душе, что дело это безнадежное.

– За компанию-то выпей, – уговаривал Федор. – Попробуй нашей травянушки.

– Так это травянушка?

– Она самая, – вставила слово хозяйка.

– И из чего же ее делают? – спросил я и подумал, что дело принимает уже этнографический поворот, а раз так, то выпить не только не грех, но просто производственная необходимость.

– А ты выпей и сам згадай, – улыбаясь, ответила старушка.

– Ты, поди, всего сюда накидала, – предположил Федор, поднимая кружку.

Выпили что-то теплое, сладковатое, со странным незнакомым привкусом.

– Угадал? – обратилась ко мне бабка Фекла.

– Нет.

– Тут и солод, и морковка есть, и травы всяки. Ее с хмелем делают, да у меня его нет, – пояснила хозяйка и добавила умиротворенно-безнадежно, – я для кур приготовила травянушку-то, а они у меня все попили.

– Для кур? – удивился я.

– Для кур, – лукаво подтвердила хозяйка. – Ею только и кормим.

– Как это?

– Тут, видишь, какое дело, – пояснил Федор, – кто сопрет мешок-другой зерна ли, сечки ли, тот и продаст. А без выпивки тут нельзя, а коль пить не-

чего, то и на травянушку согласятся.

– Теперь понятно, – ответил я.

– Уж не знаю, чем и умолить Бога да Николу Угодника, чтоб не пили. Замучили вы меня, – опять взмолилась старушка, глядя на племянника.

Тот сидел с видом, как бы говорившим, – сам понимаю и сочувствую вам, но что поделаешь...

– А сейчас это у вас давно? – спросил я.

– Да уж вторую неделю остановиться не могу, горит все.

– И работы-то от вас никакой, и женам-то вы не нужны, такие-то, – запричитала хозяйка.

– Да ясно, это-то... – смущенно согласился Федор.

– И что же вы все пьете, кто бы водку эту океанную отменил? Хоть бы перерыв сделали. Сгорели бы они, эти заводы! Директор вас ругает, наказывает, вычитают с вас, а баба его везет ящиками, бери – не хочу! Тут гляжу, опять в свой магазин цельну машину приперла. Не пойму – как это так – муж одно, жена – другое! А вы пьете, ровно телята...

– Нет нигде правды, – заговорил Федор. – Вы люди умные и хорошие, но вы ничего не сделаете.

Немного помолчав, Федор неожиданно сказал: «Страшно сейчас, как люди об обогащении думают. Бабы о тряпках, мужики о машинах. Вплоть до того, что у бабок скот колют. Воруют и колют. Как-то мужики бычка килограммов на 400 поймали. Давай, мол, заколем. – А я им говорю: – чей он? Может быть, у его хозяина денег полно, а может быть, он какой-нибудь бабки, у которой одно разбитое корыто в дому. Заколем бычка – лишим ее всего. Не стали колоть. А если бы я подписался, то все».

Закончив свою филиппику, Федор добавил: «Тут на Уймоне мужиков пятнадцать непьющих, остальные – алкаши». Видно, как ни уходил он в сторону от теткинх укоризн, все же они бередили его душу.

– Кто же тогда работает, – заметил я, – какая от алкашей работа?

Федор обиделся: «Знамя-то ведь совхоз получил, значит, и они работают. Хотя, конечно, – согласился он, – если бы отцы наши так пили, то с голоду померли бы. – Потом обернулся к тетке, – Ну ладно, бабка Фекла, пойду я. Спасибо за угощение».

Мы остались вдвоем. Чтобы с чего-то продолжить разговор, я решил уточнить время появления первых русских поселенцев в Уймонской долине.

В прошлый раз Фекла Семеновна называла мне своих предков по мужской линии, начиная с Василия Атаманова, по преданию, появившегося на Уймоне одним из первых. Получалось, что нас от него отделяет приблизительно лет двести. Теперь я решил проверить эту дату по поколениям других старожильческих семей. Кроме Атамановых, другая из

наиболее известных старых фамилий Верхнего Уймона – Бочкаревы. Кстати, по словам Феклы Семеновны, они расплодилось здесь так, что еще недавно «почти весь Уймон Бочкаревы были. Атамановы-то по сравнению с ними меньше плода дали». Из старых фамилий в селе еще Черновы и Черепановы.

Линию Бочкаревых Фекла Семеновна знает хорошо – ее муж был из них. Этот род на Уймоне идет по прямой линии от Кузьмы. От него пошли друг за другом – Гаврила, Михайло, Иван, Андрей и Феофан Андреевич – муж хозяйки. С внуками хозяйки это уже восемь поколений. Значит, Кузьма Бочкарев, как и Василий Атаманов, жил лет двести назад – в последней четверти XVIII в.

В общем, это не противоречит и известиям о времени заселения Бухтармы, откуда, скорее всего, и появились первые русские поселенцы в верховьях Катуня.

С бухтарминскими жителями уймаонцы постоянно общались с первых же лет поселения в здешнем крае. Они часто рождались с ними. Уймаонские брали девок на Бухтарме, нередко было и наоборот. Брали девок и с Ануя – из Талицы, Коргона, Чечулихи, а уж из соседних деревень на Катуня – Огневки, Гагарки, Усть-Коксы, Катанды, Нижней деревни все время брали.

Когда мы понемногу разговорились и мне показалось, что хозяйка вроде бы расположилась ко мне, я спросил – нет ли у нее старых книг. Вдруг, думаю, попадетсЯ какой-нибудь интересный сборник. Фекла Семеновна достала с полки еще с прошлого раза известную мне «Кормчую».

– Эту я у вас уже видел.

– А вот еще книжечки, мне люди в Мульте дали почитать, – сказала старушка и достала с полатей две книжки.

Обе были в переплетах из тонких голых дощечек, залоснившихся от частого пользования. Дощечки скреплены кожаными ремешками.

– Почитай, – сказала мне хозяйка. – Ты по-старому-то умеешь?

Я взял ту, что была потолще, открыл крышку и прочел рукописное заглавие, украшенное красными, синими и зелеными виньетками в виде стеблей и цветов – «Зборник духовных стихов».

Фекла Семеновна присела за стол рядом со мной.

– Мальчик из Мульты переписывал, – пояснила она, – Тима Утятников. В шестнадцать лет в Катуня утонул, лет уж тридцать тому назад – то ли в сорок восьмом, то ли в сорок девятом году.

Я перелистал несколько страниц сероватой толстой бумаги с замусоленными уголками. Каждый стих начинался с новой страницы. Заглавия выделены красным с синим: «О потопе», «Человек живет

как трава растет...», «О пустыне», «О мучениях Господа Иисуса Христа». Сам текст был написан обыкновенными фиолетовыми чернилами.

Не успел я просмотреть и половины книжки, как в сенах опять раздался шум. Хозяйка взяла у меня книги, положила на стол и накрыла какой-то тряпицей.

Вошли четверо ребяташек лет семи-восьми. Увидели незнакомого человека и, не спуская с меня глазенок, молча расселись на печном приступке. По всему видно, что изба Феклы Семеновны им не в новинку.

– Приятели ваши? – обратился я к старушке.

– Через день да зайдут, – улыбнулась хозяйка.

А ребята молча сопят и во все глаза смотрят на незнакомца. Фекла Семеновна, продолжая улыбаться, встала посреди избы, как раз против ребят, хлопнула себя по бокам и спросила: «Ух, вы, ребяташки хорошие, чем же я вас угощать-то буду?». Задумалась немного, но тут же нашлась: «Сейчас ягодок принесу!».

Старушка вышла в сени и несколько минут спустя вернулась с горстью маленьких красненьких ранеток. Начала с крайнего. Тот молча взял несколько крошечных мороженных яблочек.

– Санька, скажи, – учила его старушка, – спаси ты Бог.

– Спаси ты Бог, – повторил малыш.

– Перекреститься надо, как крестятся-то? – спрашивает хозяйка.

Санька крестится и начинает жевать яблочки.

– Васька, – обращается Фекла Семеновна к следующему, – что молчишь?

– Спаси ты Бог, – бормочет тот и смешно крестится.

А белобрысенький Петька спешит: «Я уж сам сказал – спаси ты Бог», – и тянется за ранетками.

– Вот ваши-то дяди, тетки да матери с отцами, не помню, Санька, ходила мать-то твоя ко мне, такие же, как вы, были. Их матери учили креститься и молитву святую читать. А вас уж не учит никто, матери-то не учат. Смотрите, как вырастите, не деритесь, не материтесь, не курите и водку не пейте, как отцы-то ваши.

– А я и не умею материться, – вставил свое слово в ее тираду один из малышей.

– Что, Санька, – опять обращается к малышу хозяйка, – отец-то все пьет, дома-то ночевал?

– Ночевал, – отвечает Санька, – обещался чушку заколоть, да ушел. Опять напьется, – вздохнул малыш.

– А мой тятя напился и ночевал у Кольки, – вставил про свое другой.

– На полу? – деловито спросил его сосед.

– Нет, на кровати.

Фекла Семеновна, пригорюнившись, слушает их и вдруг спохватывается: «Шапки-то снимите, в шапках в избах нельзя!».

Ребята послушно стянули шапки. Один Васька не мог снять – она у него туго завязана на макушке.

Хозяйка достала с полки и дала им по прянику.

– Не крошите, – учит она, – хлеб ни в коем случае нельзя топтать. Хлеб – Христово тело.

– Это не хлеб, а пряник, – отозвался один из гостей.

– А пряники-то из муки, все одно хлеб, – поясняет Фекла Семеновна. – Давно шипко дорожили хлебом старые люди, ни по зернышку ни ступить! Хлеб-то он трудом достается, собирают по зернышку. Сперва-то, говорят, на всей соломинке были зернышки. Да баба одна пекла блины, ее мальчишка-то и наклал на пол. Она, дура, блином за ним и убрала. Господь осердился, всю соломинку хотел одернуть, чтоб ни зернышка не осталось! Да Богородица-Заступница, спасибо ей, за вершинку-то ухватила, и осталось людям несколько зернышек.

Ребята молча слушают и жуют.

– Ну, ребятёшки, доедайте и идите, – торопит их хозяйка.

– А я не наелся, – говорит Санька.

– Ну, милой, ты не сгинешь, – восклицает старушка. – На вот тебе, дам еще с молитвой.

– И я хочу, – запросил другой.

– Хорошего – не помножку, – начинает сердиться Фекла Семеновна. – Что хозяйка даст, то и бери, а просить нехорошо. Раньше, бывало, ходят странники, стихи поют, милостинку собирают. В окошко постукивают – «Подайте, ради Христа, светлую милостинку от своих трудов праведных...», – что им дадут, то и возьмут и пошли.

Не дождавшись, как Санька, второго пряника, ребята ушли.

Мне хотелось еще раз подольше и повнимательнее посмотреть сборник и, если можно, то прочесть, а еще лучше – переписать или переснять его. Однако старушка молча убрала книги на полаты, и я решил дожидаться более благоприятного времени и попросил Феклу Семеновну еще раз показать сборники. Она охотно достала их с полатей.

Я начал листать второй, который еще не успел посмотреть. Он был написан тем же почерком, что и первый, но на простых листах в клетку из школьной тетради. Первая его половина была написана довольно аккуратно, в середине почерк стал более небрежным, а под конец уж совсем испортился. Я полистал его и вернулся к первому. Нашел здесь много стихов, не замеченных сначала. Тут были классические стихи – об Иосифе Прекрасном (их в сборнике целых три), «Никон», откуда мне запомнилась сцена, в которой дьявол нашептывает на

уху патриарху, как устроить всякие козни против православных христиан, «Аввакум» («В Даурии дикой...») со знаменитым диалогом протопopa и протопopицы на льду Байкала. Там были еще стихи «Молодой пустынный» – о юноше, прожигавшем жизнь, потом ужаснувшимся на себя и ушедшем в пустыню, чтобы вести праведную жизнь. В стихах «О гонении» (кстати говоря, это один из любимых старообрядческих мотивов) мне запомнилось начало: «Здесь везде одно гоненье и пристанища нам нет. Пытки, вечные мученья...». Были здесь и стихи о самом, пожалуй, популярном событии старообрядческой истории – «О соловецких старцах». В каких-то стихах запомнилось упоминание о странниках и бегунах, о паспортах, печатях.

Словом, довольно быстро я понял, что сборники, несомненно, очень интересны. Просидев над ними часа два, я сообразил, что прочесть их по-настоящему смогу дня за два, не меньше. Читать быстрее мешали и непривычное письмо, и малознакомое содержание. Специально духовными стихами я никогда не занимался, поэтому об их содержании имел весьма приблизительное понятие. В общем же курсе русского фольклора, который я в свое время прослушал в университете, о них ничего не говорили. Да и нынешние университетские учебники о них молчат. Видимо, авторов смущает их «духовное» содержание. Хорошо еще, что за несколько месяцев до отъезда на Алтай я прочел сборник статей о соотношении письменных и устных традиций в духовной жизни русских крестьян Верхней Камы (среди которых было немало старообрядцев) в конце прошлого – начале нашего века. Из них-то я в основном и узнал кое-что об этой интересной части русского фольклора. Несколько духовных стихов вместе с образцами местных свадебных и рекрутских песен приводилось в приложении к этой книге.

И этого было достаточно, чтобы понять, что попавшиеся мне сборники надо бы переписать, а еще лучше – переснять на фото пленку. Попробую спросить у Феклы Семеновны, может быть, разрешит.

– Нет, грех на мне будет, – ответила она на мой вопрос. – Вон у... – она назвала какое-то женское имя, – иконы фотографировали, так ей плохо было.

– А если списать?

– Нельзя. Да и книги не мои, узнают, грех на меня ляжет.

– Да нет здесь греха, – стал я уверять хозяйку, – мне же не для плохого дела. Ведь помрут старики, книги пропадут, и никто знать не будет, какая в них красота. А если уж вы считаете, что грех, так пусть он на мне будет.

– А тебе пошто, по телевизеру показывать, смеяться над нами?

– Да нет, что вы! Нравятся мне они.

– Коли нравятся, так читай, а я тебе спою.

– И мы начали. Я читал вслух, а Фекла Семеновна по памяти пела. Начиная новый стих, она пробует мелодию – правильно ли взяла. Иногда споет немного, скажет: «Нет, не так-то» – и начинает снова. Мелодия звучала довольно необычно, но приятно.

Следя за ее пением по сборнику, я заметил, что она то и дело поет по-иному, чем в тексте. Это характернейшая черта всех видов фольклора – и исполнителями, и слушателями текст воспринимается обычно устно и никогда не повторяется слово в слово. И хотя духовные стихи в отличие от других видов фольклора довольно часто переписывали, но запоминали и их преимущественно на слух. Сборники же служили не столько для дословного воспроизведения, сколько для напоминания об уже известном тексте.

Так что, если бы мне и удалось переписать сборник, то это был бы лишь один из вариантов. Другой вариант этих же стихов, хотя и близкий к первому, но в чем-то и отличный от того, что в сборнике, мне пропела Фекла Семеновна.

Духовные стихи, хотя и несколько чаще исполнялись старообрядцами, однако отнюдь не ограничивались лишь их средой. Их пели, обычно в посты, и православные крестьяне. Эти стихи были основой репертуара нищих, «калик перехожих», как их называли на Руси. Среди православных, конечно, не были популярны стихи о старообрядческих героях (Аввакуме, Гучкове) и антигероях (в первую очередь о Никоне), а также чисто старообрядческие сюжеты – о гонениях, бегунах и т. д.

Вот поэтому-то мне и надо бы, если уж Фекла Семеновна не дает переписать весь текст, записать хотя бы названия стихов. Это позволило бы составить представление о местном репертуаре. Примерно такие мысли мелькали у меня в голове, пока я вслух читал стихи, а старушка мне подпевала.

Наш дуэт ненадолго прервала соседка Феклы Семеновны – высокая старуха с добрыми живыми глазами, так же, как и хозяйка, повязанная темным платком. Войдя, она молча перекрестилась на иконы и только затем поздоровалась. Потом прошла к столу, поставила на него блюдо и откинула полотенце. Под ним оказались еще теплые пирожки.

– Угощайтесь, только испекла, – предложила нам гостя.

Возможно, пирожки были только предлогом, чтобы зайти к соседке и поглядеть на засидевшегося у нее гостя. Однако, если это было и так, то свое любопытство старуха крепко держала в узде, не давая ему сорваться в суету вопросов, и только живые глаза показывали, что дается ей это нелегко.

Старушки немного посидели, обмениваясь самыми последними деревенскими новостями, и ско-

ро соседка засобиравшись домой. Видимо, она почувствовала, что прервала нашу беседу, и, как человек деликатный, решила нам больше не мешать. Фекла Семеновна не стала ее удерживать. Мне показалось, что хозяйку несколько вдохновил мой интерес к стихам, и она не прочь была попеть их еще.

Кстати, оба сборника, заслышав шум в сених, я успел убрать со стола и положил на лавку, накрыв их своей шапкой. Когда соседка ушла, Фекла Семеновна, конечно видевшая, где лежали книги, слегка пожурела меня: «Нехорошо так-то класть, книги святые, а здесь нечисто».

– Нет, лавка чистая, – ответил я, не сразу поняв, о какой чистоте идет речь.

– Не о видимой грязи говорю, – пояснила хозяйка. – Стол чистый, на нем едят, на него и книгу положить можно, а на лавке сидят, потому и грязная она.

Тогда я вспомнил, что ведь и действительно, когда перед приходом ребят старушка спрятала книги, то не стала убирать их со стола, хотя сделать это было бы нетрудно, а просто накрыла их тряпицей.

– Какой мы стих пели? – спросила хозяйка.

– «Молодой пустынный».

– А дале что там?

– «О Никоне».

– Никон-то проклятый, от него вся Россия раскололась, а то все одинаки были, – заметила Фекла Семеновна. – Ну читай, а я квашню поставлю, пока светло.

Пока я сидел в избе, солнечное, с прозрачно-голубыми пятнами на снегах утро сменил ярко сиявший день, затем пошли синие тени и незаметно подступили сумерки. Чтение неволью пришлось прервать.

– Давай я тебя покормлю, – спохватилась хозяйка, – весь день голодный просидел.

– Не откажусь, – ответил я, и впрямь почувствовав голод. Старушка стала разогревать на маленькой железной печурке, стоявшей рядом с печью и не затухавшей весь день, суп и картошку. После еды налила мне заваренный на красном корне чай и разбавила его молоком, отчего он приобрел приятный розоватый цвет. Тем временем в доме стало совсем темно. Хозяйка достала плошку с растопленным салом, в котором плавал фитилек.

– Свет-то у меня плохой, – зажигая потрескивающий фитилек, сказала старушка, – сальничек только, свечка-то сгорела. А свет я не провожу, за грех считаю.

– А вы бы лампу купили.

– Лампу тоже нехорошо, да и керосину у нас давно не продают. У Поткиных-то свет есть? Вчера ведь полдеревни без свету осталось. Чтой-то у них, говорят, изломалось, одна линия только работала.

Сегодня-то как будет?

Фекла Семеновна подошла к окну и, почти при-слонившись лицом к стеклу, стала вглядываться в темноту, встревоженную редкими еще огоньками.

– У соседей светит, и под горой свет горит, там, кажись, первая линия, – сообщала свои наблюдения старушка. – А Володиной избы не видно, не знаю уж, какая у них линия, да ничего, если и нет, лампу зажгут. Наде-то, поди, тетради проверять.

– Ничего, как-нибудь вечер просидим, – откликнулся я.

– Так ты сейчас пойдешь или еще читать будешь?

– Почитаю, если вы не против.

– Читай, читай, а ночевать-то иди у мужика.

Еще часа два просидел я в избе Феклы Семеновны. И лишь когда ненадолго отрывался от книги, замечал, как в углах шевелился мрак. Повинуясь живому колеблющемуся огоньку сальника, он то съезживался и прятался в углах, то тихо выползал на середину комнаты, то ходил за темной фигурой хозяйки.

Следующий день я провел в беседах с двумя другими пожилыми жителями Уймоны, а к вечеру решил подняться на небольшой отросток хребта при выезде из деревни. Когда я спустился вниз, наступили уже поздние сумерки. Идти к Поткиным было рано – они еще на работе, и я решил зайти к Фекле Семеновне.

Открыв дверь в ее горницу, я застал жутковатую, на первый взгляд, картину. В полумраке, загромождавшая собой маленький огонек сальника, стоявшего на столе, хозяйка делала что-то непонятное с лысой головой мужика, сидевшего на табуретке в проходе между печкой и кроватью. Их темные фигуры отбрасывали причудливые, еще более темные тени, шевелившиеся на стене и печке. Мрачный колорит сцены чем-то напомнил мне «Тайную вечерю» художника Ге.

Но уже в следующую минуту все стало на свои места – Фекла Семеновна «пользовала» от головной боли своего сына, которого, как и ее племянника, зовут Федей. Со слов хозяйки я знал, что он мучается уже не один день, но его самого видел впервые.

Пока Фекла Семеновна завершала свое дело, я успел разглядеть ее сына. Это был крупный и весь какой-то круглый мужик лет сорока с небольшим. Он спокойно сидел на табурете, положив ноги в белых шерстяных носках на его перекладину. Одет он был в старые мятые штаны и байковую рубашу в клетку. На мясистом, немного расплывшемся лице выделялись большой широкий нос и толстые губы.

Уморившись «шоркать», Фекла Семеновна туго перевязала голову сына платком и устало села на лавку.

– Побудь так-то, должно пройти, – сказала она сыну.

– И давно у вас голова болит? – спросил я.

– Да он у меня на тракторе работает, – ответила за сына старушка, – а лет пять назад упал с трактором-то. Лесины таскал в сопках и перевернулся. И вдругорядь падал. Так ему врачи уж говорили – надо, дескать, уходить с трактора-то, он же трясется проклятый, да грохочет, да воняет.

– Им-то что – уйти! А куда уйдешь, – возмущенно откликнулся Федя.

– И пить тебе, Федя, нисколько нельзя, а ты что делаешь, почто мучаешь меня-то?

– Опять ты, мать, за свое.

– Опять. Мне, чай, тебя жалко. А Бог-то, Федя, он с меня за вас спросит, не помирует.

– Ну вот еще, мы пьем, а с тебя спрос. С нас и спросят, – улыбается Федя.

– А как вы его лечите? – спросил я хозяйку.

– Пошоркаю, да туго голову-то повяжу, и все лечение. Ему трава одна помогает, криводенка зовется, да нет ее у меня. Нонешним летом на покосе не была, не собрала.

– Какая же она на вид?

– Стволик у нее кривой, коленчатый, зонтик на конце. Ростом до пояса, да и повыше бывает. Раз на покосе у Федеи тоже разболелась голова, так я обклала ее травой – он, вишь, лысый у меня, – платок нижний с головы сняла да обвязала и говорю, как с носа перва капля упадет, так голова пройдет. Он робил, а потом капля упала, он и вспомнил, – правда, мама, голова-то не болит.

– А еще какие травы помогают?

– Да много тут всяких. Золотой корень ты, должно, знаешь. Про него все знают. А мне, так он не нравится. Вот еще душна трава. Вы-со-ка! Под вид мухомору цветок вылезает.

– И от чего же она?

– Почитай от всех болезней. А вот еще ракитник – кустики небольшие, желтые цветочки на них. Взваривают и пьют. От лихоманки, от грыжи, от испуга. Кошкара – от малярии, от лихоманки. Душная шипко-то.

– Блошника, бухтарминские говорят – матрешка, – продолжала свой перечень хозяйка. – Успокоительная. Чертополох – от испугу. Трехцветка, ее еще горечавкой зовут, на белках растет, тоже хорошая трава. А уж чай заваривать – не счесть. Бадан, смороденчик, брусничник – все в чай кладут. Чебрец, богородскую траву тоже заваривают, запашистый, вкусный чай из ее.

– Да мы здесь по чаям ходим, – подтвердил материны слова Федя. Как в горы едем, про чай не беспокоимся, нарвем травы и пьем.

– Федя, я сегодня на сопку за деревней подни-

мался, хотел Уймон сверху сфотографировать...

– Это где же?

– Прямо за заправкой.

– А, за кладбищем.

– Высоко на хребте видел следы и слышал крики – как будто собака лает, но короче и вроде бы глуше. Это не козлы были, как ты думаешь?

– Рогачи, – спокойно подтвердил Федя.

– Так близко к деревне?

– Они зимой всегда вниз спускаются, на пожнях пасутся, а то и к стожкам подойдут. А как снег сойдет, рогач на белки повалит.

– Пошто, – как-то машинально, думая, видимо, о чем-то другом, спросила его мать.

– Там комара меньше, сдувает.

Ну что ж, поговорили, пора, наверно, и уходить, подумал я. Сегодня хозяйке не до стихов.

Она посмотрела на меня понимающе-извинительно и спросила сына: «Ночевать-то домой пойдешь?».

– Да ну, – тянет он.

– Голове-то полегче? – спросила она.

– Вроде полегче.

– Ты бы поел да спать ложился и мне бы отдых дал.

– Успею еще, – ворчит Федя.

Я, поднявшись, попрощался. Старушка проводила меня в сени и шепнула: «Завтра приходи, Федя на работу уйдет».

Наутро был мороз. Розовели горы, прямо в чистое небо упирались дымы, и над Теректинским гребнем стоял бледный ущербный месяц.

По избе Феклы Семеновны по-прежнему ходил в своих белых шерстяных носках Федя, а мать уговаривала его пойти на работу.

– Сердце за тебя избаливает, Федя, – говорила она. – Сходи ты в мастерские, покажись начальству. Три дня ведь не ходил.

– Пойду сейчас, – отвечал сын. – Да делать там нечего, деталей нет, а без деталей какой ремонт, без толку просидишь.

– Может, чего другое велют делать, им видней, – возражает мать, – а ты все-таки на работу-то пойди.

Федя немного поворчал – и зачем-то он на этот трактор сел, пошел бы лучше в табунщики. Вон как они живут – три-четыре года и машина, а на тракторе одна морока, но все же оделся и ушел.

Хозяйка достала сборники, и я сел их читать. Не отрываясь, просидел я над ними до обеда, а старушка тем временем возилась у печи, иногда выходила в холодную половину и раза три выбегала на улицу. Помаленьку я стал записывать в свой полевой дневник названия стихов и их первые строки, надеясь потом с помощью уже опубликованных стихов составить представление о здешнем репертуаре.

Фекла Семеновна, кажется, ничем не выражала своего недовольства – то ли, занятая хозяйством, она не замечала моих записей (а я, естественно, старался не злоупотреблять бумагой и ручкой), то ли уже привыкла ко мне и смирилась. Однако, дойдя почти до середины большого сборника, я стал замечать ее тревожные взгляды, изредка бросаемые в мою сторону. Потом, буквально на глазах, тревога в ее лице и во всей фигуре стала нарастать, она все чаще останавливалась и бросала на меня укоризненные взоры. Я тоже молчал и старался делать записи как можно короче и незаметнее. Но было уже поздно.

Наконец тревожное молчание стало невыносимым, и я спросил:

– Фекла Семеновна, что вы так беспокоитесь?

– Бога боюсь. А вдруг в кино или в телевизер уйдет это святое писание. Из моих-то рук...

– Говорил же я вам, что ничего плохого делать не собираюсь, а вы все боитесь.

– Боюсь. Душа моя за это в ад попадет.

– Ну что ж, давайте я тогда вырву эти листы.

– Пожалуй.

Я с треском выдрал сделанные в этот день записи и подал листы старушке: «Возьмите и делайте с ними что хотите».

– А ничего не оставил?

– Нет, все вырвал.

– Вот и хорошо, успокоил ты меня. Ты уж не обижайся.

– Я не обижаюсь, хоть мне и жалко отдавать. Но раз вы не можете, не хочу вас заставлять.

– Так лучше будет, – ответила вмиг просветлевшая старушка. Твердо надо стоять, а то бесы-то над нами власть возьмут.

Остаться дольше было нельзя, я распрощался с хозяйкой и вышел. Обида и злость на старуху не отпускали меня до самого дома. Но понемногу я успокоился и понял, что сам виноват.

«Конечно, это суеверие и фанатизм, но ведь ты понял это с самого начала, – ругал я себя. – Вольно же было тебе поддаться своему желанию и упорствовать вопреки чужой воле. Ведь она же сразу ясно сказала, что не даст переписать сборники. И нет ей дела до твоих половинчатых решений – переписать хотя бы кое-что. Нет – значит нет, и ничем другим быть не может. Старуха в общем оказалась молодцом».

Хоть досада на Феклу Семеновну вскоре прошла, но все же осталось сожаление, что не удалось сделать новых записей стихов, в последние десятилетия мало исследуемых. В университетских учебниках по русскому фольклору о них не пишут уже более сорока лет, а исследования о них за последние полвека ограничиваются всего несколькими ста-

тнями. Основные публикации текстов этих стихов выходили еще до революции и с тех пор не переиздавались. Лишь в самые последние годы в публикациях записей фольклора, сделанных в наше время, были напечатаны немногие наиболее известные из них: стих об Алексее, божьем человеке, о богаче и бедном Лазаре, о Егории Храбром, Голубиная книга,

будто бы упавшая с неба, и некоторые другие.

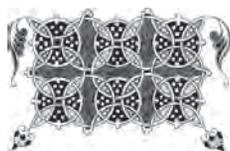
Об одной из причин подобного отношения к духовным стихам писал известный наш фольклорист В. Я. Пропп: «В этих стихах народ выразил некоторые свои религиозные представления. Может быть, по этой причине советская наука мало интересовалась этими произведениями».

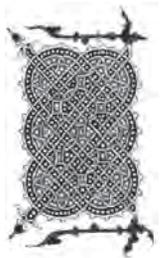
ONE OLD WOMAN
(FROM THE FIELD DIARY OF THE AUTHOR)

Abstract. Limiting himself to the framework of a scientific essay, the author sets himself the task of preserving the integrity and integrity of the field material, which, during research analytics, as a rule, is completely sprayed, spread into quotations, preserving, at best, the «leaven» – confirmation of authenticity – for the author's scientific research. Here, the authenticity speaks for itself, and it is important for the researcher to reach the level of folk dramaturgy, to show, «like in a drop of water», that any conversation «in the field» is not accidental. Who paints these roles and plots, the author does not think, but it is important for him that both «roles» and «plots» are present, although his meeting with an ordinary resident of the Altai Territory, Fekla Semyonovna, seems to be of an accidental nature. This is an ethnographic scientific story. This is the author's methodology here.

Key words: field ethnographic research, ethnographic scientific story, Gorno-Altai region, Old Believers, bookishness.

For citation: Savoskul, S. S. 2022. One old woman (from the author's field diary). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 31: С. 59–67.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ГЛАЗАМИ ЭТНОГРАФА

Аннотация. Воспоминания этнографа, агиографа, духовного писателя, коллекционера и тонкого знатока русской традиционной культуры Г. П. Дурасова представляют собой краткий очерк жизненного пути автора, полного «неслучайных» встреч. Мы продолжаем публиковать отдельные очерки, отобранные автором для нашего журнала, касающиеся этнографической тематики. Многолетнее сотрудничество и дружба коллектива журнала с Геннадием Петровичем не раз были ознаменованы его яркими публикациями на разные темы. Яркий язык автора, его острый взгляд и особая память относительно культурного прошлого давно уже снискали ему читательское признание. Данный очерк содержит не публиковавшиеся ранее воспоминания о годах учебы, первых экспедициях и т. д. Христианство, православие всегда сопровождало автора на жизненном пути и определяло его жизненные интересы.

Ключевые слова: русская этнография, православие, русская традиционная культура, народное художественное творчество, полевые этнографические исследования, русская народная вышивка, фольклор, тетерки, издательское дело, Г. А. Кулишов, народный музей схимонахини Макарии, художники С. А. Зверев и Н. С. Морозов, В. М. Зайцев, Московский речной техникум, Государственный исторический музей, каргопольская игрушка, Ульяна Бабкина, Русский Север, частушки, М. В. Хвалынская, научно-просветительские журналы СССР, А. Н. Хромулина, В. В. Кириченко, Н. А. Крехалева.

Ссылка при цитировании: Дурасов Г. П. Жизненный путь глазами этнографа // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 68–85.

Дурасов Геннадий Петрович (Durasov Gennadij Petrovich) – историк, специалист по русской народной культуре, директор Народного музея схимонахини Макарии (Артемьевой) в с. Темкино Смоленской обл., эл. почта gpd1945@yandex.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 68–85

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 929; 091; ББК – 71.1; 74.24; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/68-85>

Почва и корни

Мой род происходит из крестьян много-страдальной Смоленской земли. Из деревни Груздево той самой Клушино-Воробьевской вол. Гжатского у., где жили мои родственники и родственники первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина и где родился он сам.

Груздевские крестьяне владели тогда совсем небольшими земельными наделами: это были три поля, засеваемые рожью, овсом, льном, и лесной участок. Земли были бедные, главным образом глинистые, частью заболоченные. Крестьянский быт был здесь старопрежним. Да и жили груздевцы бедно, в крытых соломой домах, в которых главенствовала большая русская печь. В ней варили обед, пекли хлеб и каждую субботу в печи же мылись и парились, устлав горячий каменный под соломой. Зимой в избе держали и теленка.

Освещалась изба березовой лучиной. Часов ни у кого из крестьян долгое время не было, и время определяли «по солнышку». Питались более чем скромно: ржаной хлеб, картошка, кислая капуста и редька, кислые же щи, гречневая каша с молоком да квас. И лишь по праздничным и воскресным дням, в первую очередь для детишек, пекли рассыпчатые ржаные сдобные лепешки. Посты и постные дни соблюдали здесь строго, а дети росли крепкими и выносливыми.

В метрической книге местной церкви великомученицы Параскевы Пятницы за 1859 г. есть сведения о бракосочетании моего прапрадеда Василия Васильева двадцати лет, сына крепостного крестьянина помещицы Масловой – Василия Герасимова, и дочери крестьянина Антипа Потапова, девицы Марии восемнадцати лет.

А 6 февраля 1898 г. сочетались законным браком сын крестьянина Клушино-Воробьевской волости Ильи Васильева Дурасова – Николай Ильин Дурасов восемнадцати лет (это уже мой дед) с дочерью крестьянина той же волости Федора Андреева – Еленой Федоровой восемнадцати лет и девяти месяцев от роду.

11 апреля 1913 г. в той же церкви крестили одного из их младенцев – новорожденную Александру (мою маму).

В наших архивах можно найти много интересных документов. Есть там и материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проходившей летом-осенью 1917 г. Вот какие сведения сохранила подворная карточка на хозяйство крестьянина Дурасова Николая Ильича, великоруса по национальности, проживающего в селении Груздево. Читаем: хозяину – 39 лет, его отцу – 75 лет, сыновьям – 15, 13, 11 и 7 лет. Матери – 75 лет, жене – 39 лет. Дочерям – 17, 16 лет, 3 года, а ново-

рожденной всего несколько месяцев. Род занятий – торговля лошадьми. В хозяйстве имелись: земли в общинном владении – 6,4 наделных единиц. Плуг – 1, лошадь – 1, корова – 1, нетель – 1, телят – 2, овец – 5, ягнят – 11, поросят – 1. И все это на семью, состоящую из 12 человек!

Вот откуда пошла моя увлеченность историей, жизнью и бытом русской деревни и ее духовной и художественной культурой. От земли, на которой жили мои предки, и от их родового древа.

Как стать археологом

Родился я в 1945 г. Хотя и был небольшим, но хорошо запомнил, какое трудное было время и с какими героическими усилиями выходил народ из послевоенной разрухи. Помню мартовское морозное утро 1953 г. Мама провожала меня в школу. В проходной гаража, на территории которого мы

Геннадий Дурасов в 5 лет

жили, нам сказали: «Умер Сталин».

Простым людям давали комнаты со всеми удобствами в лучших новостройках Москвы. Сейчас о таком жилье можно только мечтать. Нас с мамой поселили в небольшой комнате трехкомнатной квартиры. Потолок – три метра семьдесят сантиметров. Огромное окно выходило на правительственный Центральный аэродром. А за взлетной полосой аэродрома, в сверкающих лучах солнца, виднелась златоглавая колокольня Ивана Великого в Московском Кремле!

Александра Николаевна Дурасова
с сыном Геннадием. 1948 г.

Учился я теперь в новой школе № 684, где русский язык и литературу преподавал заведующий учебной частью Михаил Васильевич Курочкин. Не знаю почему, но мне он стал давать ответственные задания. В школе проводились концерты художественной самодеятельности. А перед концертом я должен был прочитать небольшой доклад о русском писателе. Материал для доклада он мне давал, ну а мне предстояло пересказать его по-своему.

На нашем одиннадцатом этаже жил мой ровесник Миша Мальгин. Красивый ухоженный мальчик, папа которого, Федор Михайлович, был дипломатом высокого ранга и много лет жил в США.

Некоторое время спустя рядом с нами поселился наш ровесник Саша Высоцкий (1945–1992). Темноволосый, кудрявый, спортивного сложения красивый паренёк. Из всех ребят нашей школы его можно было узнать по подогнанной под его размер светло-серой офицерской шинели. Отец его, Алексей Владимирович (1919–1977), был боевым полковником в отставке, мать Александра Ивановна – фронтовой санитаркой, лишившейся на войне правой руки. Маму они нередко просили помочь чем-нибудь по хозяйству. Так, придёт Алексей Владимирович: «Шура, почините Сашкины брюки». Мама берет и показывает их Алексею Владимировичу на свет: «Живого места нет, все штопано-перештопано». «Шура, ну сделайте еще что-нибудь», – просит он.

«Ребята нашего двора».

Г. П. Дурасов с племянницей в центре. 1953 г.

Изредка посещал соседей двоюродный Сашин брат, молодой артист Владимир Высоцкий. Под гитару он лихо пел дворовые и тюремные песни. Алексей Владимирович даже купил магнитофон «Днепр», чтобы записать их на память в исполнении племянника. Когда никого не было дома, Саша приглашал к себе, «крутил» эти песни, так что вскоре мы выучили их все наизусть.

Саша никогда не унывал: прилежно учился, гонял голубей, занимался спортом. Но после окончания восьмилетки вынужден был пойти работать в типографию «Красной звезды». Кроме того, он продолжал учиться в вечерней школе. Нагрузка у него была большая, но занятия спортом он не оставлял и в результате стал чемпионом страны по академической гребле.

Как-то по радио мы с Мишей Мальгиным услышали объявление, что Государственный исторический музей, что на Красной площади, рядом с Кремлем, проводит запись школьников в археологические, исторические и художественные кружки. Когда мы пришли записываться, для нас осталась только древняя археология: палеолит, мезолит и неолит. Помню, как добрейшая заведующая «Кабинетом школьника» Валентина Васильевна Краснова посоветовала нам не отчаиваться и записаться в группу к известному археологу Ирине Константиновне Цветковой.

И вот мы изучаем первые три зала музея, где располагались экспонаты древнейших находок, слушаем доклады, читаем статьи в научных сборниках. В руках мы держим черепки с таинственным орнаментом древних людей, орудия труда и зарисовываем их в своих тетрадах. Собираем по фрагментам осколки доисторической посуды и пытаемся их склеивать. В фондах нас учат описывать лежащие в больших плоских ящиках недавно найденные предметы.

К концу учебного года мы уже научились отличать от случайных находок настоящие древние артефакты, к которым прикасалась рука древнего человека. Нас приглашали на отчетные научные конференции, проходившие в музее. А в конце учебного года мы поехали на целый месяц на настоящие археологические раскопки в селе Ибердус Касимовского р-на Рязанской обл. Эта неолитическая стоянка в ученном мире именовалась «Ибердус II». Располагалась она на высоком берегу старицы Оки, откуда далеко-далеко открывались заокские дали.

Во время обеденного перерыва на археологических раскопках в с. Ибердус. В центре Геннадий Дурасов, слева – Димитрий Симиз, будущий известный американский политолог Дмитрий Саймс. Справа – Михаил Мальгин. 1960 г.

Руководитель экспедиции сразу же поставила нам задачу: «Кто найдет древнее захоронение, получит целый килограмм шоколадных конфет». И одному из ребят здорово повезло. Он получил заветный килограмм лучших конфет, которые только можно было купить в местном сельмаге. А у Ирины Константиновны Цветковой прибавилась еще одна главная забота: все остальное время, до окончания экспедиции, она бережно сохраняла укутанный в вату череп древнего человека. В целостности и сохранности его надо было привезти в Москву выдающемуся антропологу Михаилу Михайловичу Герасимову, чтобы он воссоздал облик древнего обитателя Ибердусской стоянки.

Среди героев Октябрьской революции

После окончания седьмого класса, 1 сентября 1961 г., мне пришлось устраиваться на работу в

Экспериментальные мастерские предприятия Министерства связи, или, проще говоря, в почтовый ящик. В характеристике класный руководитель, преподаватель истории Виктор Семенович, написал обо мне: «За время учёбы в 740 школе показал себя с хорошей стороны. Мальчик трудолюбив. Несмотря на трудные материальные условия, учился прилежно и в течение всего периода обучения успевал. Имеет склонности к физическому труду. Наблюдаются артистические дарования. Активный участник художественной самодеятельности. И его выступления пользовались успехом».

Четыре месяца приставленный ко мне старый опытный мастер учил меня всем премудростям радиомонтажа. Я так увлекся своей работой, что рабочего дня мне было мало. Я приходил домой, рисовал схемы, паял и мастерил радиоприемники и усилители.

Вскоре я научился читать чертежи и работал, выполняя план наравне с остальными. Даже самая малая моя ошибка при приемке отделом технического контроля сразу же обнаруживалась, и я ее немедленно исправлял. Сидели мы все в одном большом цехе. У молодых, как у меня, задания были попроще. А рядом сидели мастера высшего разряда. Они делали радиоаппаратуру для спутников. Это было время нашего прорыва в космос.

Как я ни любил свою работу, но вскоре понял, что должен учиться дальше. Но где?

Муж маминой подруги, Дмитрий Михайлович Шаронов, был блестящим преподавателем математики и физики. Его, боевого офицера, тяжело ранило на войне в голову. До конца жизни сильная физическая боль неотступно преследовала его. И только от «тридцати капель белого» она на время затихала. Из-за болезни постоянно работать ему было трудно. И он у себя дома готовил ребят к поступлению в самые престижные учебные заведения Москвы.

Он мне как-то сказал: «Иди в Московский речной техникум. Там каждый преподаватель – профессор в своем деле. У каждого написанные им учебники, которые изучают по всей стране. Четыре года из пяти зимой будешь учиться, а летом – в плавание. Нашу матушку Россию посмотришь, какая она великая!». И хорошо позанимался со мной, готовя к поступлению. С благословения дяди Мити я сдал экзамены на все пятерки и был зачислен первым номером.

В царское время в усадьбе нашего двухэтажного особняка на Ордынке, где располагался техникум, помещался «Дом благородных девиц». Находился он как раз напротив красивой действующей церкви в честь иконы «Всех скорбящих радость». Ее колокола звонили каждый праздник, так что все пять лет учебы и защита диплома прошли под торжественные перезвоны Скорбященской церкви.

Когда Алексей Владимирович Высоцкий узнал, что я поступил в речной техникум, он предложил: «В Министерстве речного флота есть теплоход-выставка “Речной флот РСФСР”, там кинозал с узкоплечной аппаратурой; ходит теплоход-выставка от Беломорска до Перми, Астрахани и Ростова-на-Дону по ремонтным базам флота, портам и пристаням. Всю Россию посмотришь. Но права киномеханика получи сам».

Слова Алексея Владимировича я воспринял со всей серьезностью. Ведь он был не только творческим руководителем киногруппы Министерства речного флота РСФСР, но и секретарем парторганизации Центрального дома техники, к которому был приписан теплоход-выставка. Я обложился учебниками и сдал экзамен на права киномеханика. А в мае 1964 г., перед началом навигации, меня приняли киномехаником в Центральный дом техники Министерства речного флота.

Г. Дурасов – студент 3 курса Московского речного техникума и рулевой-моторист. 1964 г.

Здесь-то я и познакомился с Федором Макаровичем Матвеевым, который тогда заведовал отделом кадров, тем самым, который стоял на посту номер один и охранял квартиру главы советского правительства Владимира Ильича Ленина. О Федоре Макаровиче, человеке честном, порядочном и удивительно скромном, впоследствии я напишу большую статью в газету «Водный транспорт».

От него я узнал и о Владимире Михайловиче Зайцеве (1885–1967), чье имя было хорошо знакомо многим тысячам водников. Один из руководителей кронштадтского подполья, он с отрядом революционных матросов встречал Ленина в апреле 1917 г. В октябре командовал отрядом матросов при взятии Зимнего дворца. Его назначают комиссаром внутреннего водного транспорта. А в 1919 г. с мандатом Ленина направляют на Каму для доставки продовольствия в голодающие Москву и Петроград.

Первый Народный комиссар внутренних водных путей России, строитель и основатель Горьковского института водного транспорта В. М. Зайцев. На подаренном 19 февраля 1967 г. фото он написал: «Дорогому Геннадию Петровичу на память за хорошую внимательность и дружбу деловую».

Затем в Нижнем Новгороде он создает большое учебное заведение для подготовки работников водного транспорта, привлекает к педагогической работе лучших капитанов Волги, крупных ученых и инженеров. Студенты ценили его простоту, доступность и большую заинтересованность судьбой каждого из учащихся.

Не раз посчастливилось мне побывать у Владимира Михайловича в его загородной квартире, в поселке старых большевиков, что в подмосковном Кратово. Я – совсем еще молоденький паренёк, а передо мной убеленный сединами старый человек, с огромным жизненным опытом. Он был внешне похож на старорежимного морского офицера с окла-

дистой бородой и большими бакенбардами. Было ему уже за восемьдесят. В прошлом – царские и советские тюрьмы и ссылки, все жизненные испытания, которые он пережил достойно.

Мы долго беседовали, пили чай и снова говорили. Я был покорен благородством и достоинством Владимира Михайловича, и мне очень хотелось собрать материалы об этом по-настоящему преданном своей идее человеке и большевике. И я начинаю свои поиски в центральных столичных архивах Октябрьской революции и Народного хозяйства, еду в ленинградский Военно-Морской архив и в музей, допускают меня и в закрытый Кронштадт.

С фотографом Центрального дома техники ясным солнечным днем едем к В. М. Зайцеву. И это будут самые незабываемые его фотоснимки. Мы уже распрощались. Но фотограф достает камеру и делает несколько снимков уходящего вдаль с военной выправкой старика в простой черной флотской шинели. Этого благородного и великого духом старика. Это была наша последняя встреча. Через неделю его не стало. Его похоронили на главном в Москве Новодевичьем кладбище.

В память о нашей недолгой дружбе я хочу чем-то почтить его память. Разыскиваю настоящий якорь от речного судна и передаю его родственникам. Это для будущего намогильного памятника первому организатору и руководителю водного транспорта России.

Судьба свела меня еще с одним замечательным и убежденным русским большевиком Николаем Александровичем Ховриным (1891–1972). Он был одним из руководителей кронштадтского подполья, комиссаром Адмиралтейства. С 1930-х годов организовывал подъем затонувших во время Гражданской и Великой Отечественной войн кораблей на Балтике, Чёрном море и Днепре.

Старые большевики-подпольщики дружили многие годы, их письма регулярно ходили из Кротова в Киев и обратно. И вот Николай Александрович присылает мне бережно сохраненную им пачку писем В. М. Зайцева. Аккуратно написанные мелким убористым почерком, они из первых уст поведали мне много тайн Октябрьской революции. Будущий историк, который когда-нибудь займется исследованием истории этого периода нашей страны, и для себя найдет в них много интересного. А покамест они будут бережно храниться в фондах Каргопольского музея, куда я их передал.

В 1960–1970-х годах я немного писал масляными красками. Посмотрел, как работают настоящие художники С. А. Зверев (1912–1979) и Н. С. Морозов (1924–2012), оба они учились у великого П. Д. Корина (1892–1967). А встретился я с ними в 1965 г. на теплоходе. Тогда я проходил вторую плавпрак-

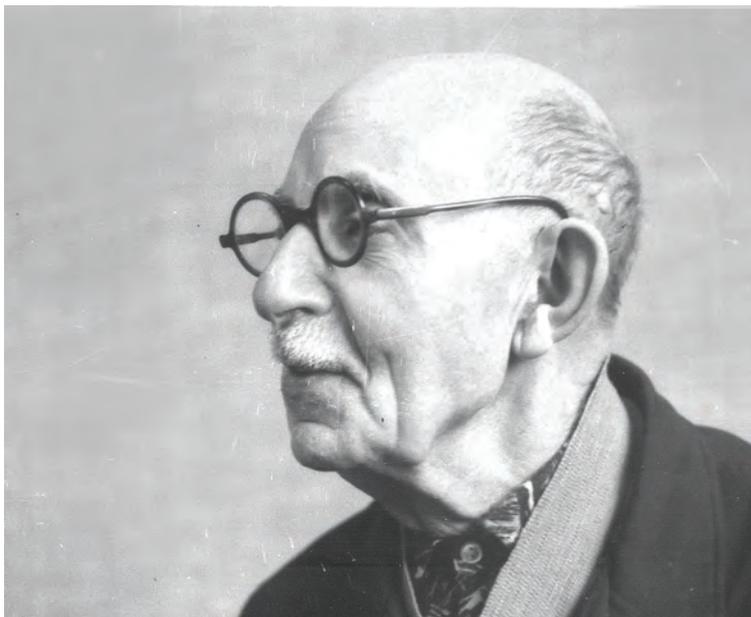
тику перед тем, как стать штурманом, а они, получив бесплатную каюту, путешествовали на нашем «Нарыне» по Каналу имени Москвы, Волге и Каме и писали этюды. У них-то я и учился разбираться в живописи и работать кистью.

Вскоре я понял, что для моих изысканий и увлечений необходимо быть ближе к библиотекам, архивам и музеям. И в 1969 г. ухожу «на берег», в диспетчерскую Канала имени Москвы. А в 1972 г. меня переводят в службу перевозок и движения Московского речного пароходства. Работа здесь была интересная, но серьезная: приходилось держать ответ за каждое принятое решение и отданное распоряжение. Но нам, совсем молодым специалистам, тогда было у кого учиться и с кого брать пример. Наше руководство было в высшей степени ответственным и профессиональным, и мы гордились, что работаем бок о бок с такими профессионалами. Но, кроме гордости за мою работу, меня привлекало еще и то, что она была сменно-суточной.

Тогда я продолжал собирать материалы о нашем первом комиссаре речного флота и о самых интересных находках рассказывал соседу по подъезду Давиду Абрамовичу Ихоку (1882–1967). Это был 85-летний высокий, худощавый старик, гордый, но в то же время общительный, с заметным физическим недугом: постоянно трясущимися руками. Болезнь эта началась у него после ареста в 1950 г. и четырехлетнего пребывания в сибирских лагерях. Со своей супругой Фрумой Альбертовной, бывшей когда-то операционной сестрой у великого хирурга Юдина, они часто сидели на лавочке около нашего подъезда. Или же гуляли под ручку во дворе. Старушки умиленно глядели им вслед и вздыхали: «Наши голубь с голубкой пошли».

В свое время жизнь и судьба Давида Абрамовича были связаны с Архангельской землей, где он сыграл свою определенную роль. На Русский Север он приехал земским врачом, да к тому же и революционером. В годы интервенции возглавил Пинежский Военно-революционный комитет. Арестовывал офицерский состав белогвардейских войск Пинежско-Мезенского р-на во главе с генерал-лейтенантом П. П. Петренко и комендантом Пинеги полковником Н. Г. Хиле.

В Архангельске он возглавил агитпроп губкома РКП(б) и редактировал «Известия Архгубисполкома». По поручению полпреда Всероссийской чрезвычайной комиссии в Архангельске М. С. Кедрова он разбирает и публикует архив Архангельского белогвардейского правительства М. Е. Миллера, возглавлявшего Белое движение на Севере России в 1919–1920 гг. Эти публикации, разоблачающие их и их западных покровителей, получили высокую оценку в Народном комиссариате иностранных дел

Известный советский журналист-международник Д. А. Ихок.
На фото надпись: «Геннадью Дурасову – нашему молодому другу на добрую память. С наилучшими пожеланиями. 1967»

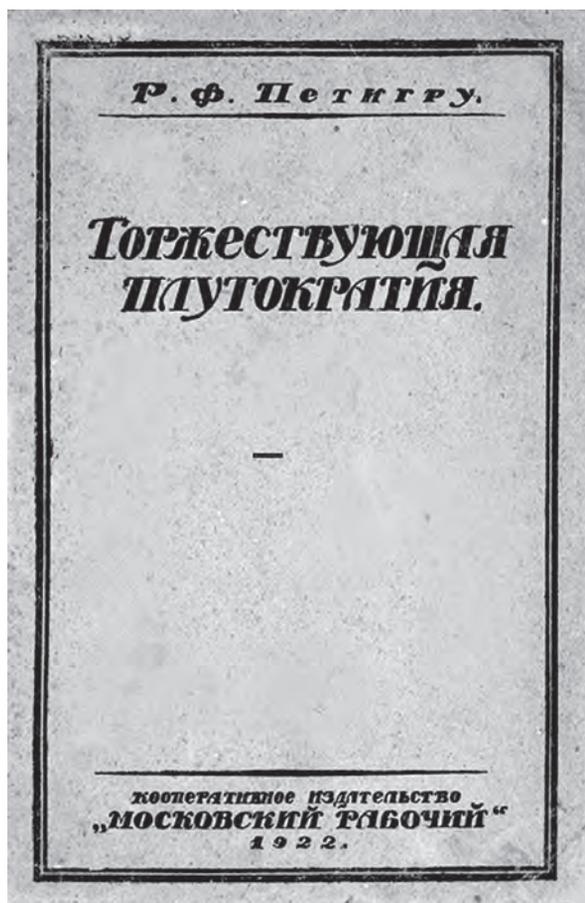
молодой Республики Советов, в редакции газеты «Правды» и на Лубянке. Ф. Э. Дзержинский соби-рался предложить Д. А. Ихоку место в Главном Политическом Управлении. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин хотел направить его в посольство в Берлине. Но Давиду Абрамовичу достался пост главы Иностранного отдела газеты «Правда». И это назначение было не менее важное, чем работа в ГПУ, Коминтерне или Разведуправлении. Здесь он сдружился с ответственным секретарем газеты М. И. Ульяновой, сестрой В. И. Ленина.

И вот однажды Давид Абрамович через мою маму, с которой они нередко вместе сидели на лавочке, приглашает меня зайти к нему. У себя дома он рассказал мне историю о том, как однажды к нему в руки попала изданная в США в 1920 г. книга американского сенатора Ричарда Франклина Петтигру (1848–1926) «Триумф плутократии». Это была история американской политической жизни за последние 50 лет, изложенная на 454 страницах. Более полувека Петтигру провел на общественно-политическом Олимпе Америки. Сенатор жил и работал бок о бок с правителями современных ему США, был членом различных комиссий, много ездил по стране и по миру. Но, самое главное, он имел редкую возможность видеть работу всех внутренних пружин политико-экономической жизни страны. И выводы, к которым он пришел, и по сей день имеют большое политическое значение.

Кое о чём я здесь расскажу, и читатель поймет, что во внешней политике США за последние сто

лет ничего не изменилось! Политика США, как и в наши дни, была полностью построена на бесцеремонном попрании прав суверенных государств, на наглom вмешательстве в их внутреннюю жизнь. Американские политики занимались политическим шантажом, подкупом, интригами и открытым разбоем. Остается только удивляться недалекости наших, российских, первых лиц, очарованных посулами американских президентов помочь нам и поддержать нас. В свете всего этого видно, как часто мы недооценивали себя, руководствуясь мнением Запада о нас. Я приведу некоторые выводы из книги этого известного американского политика, касающиеся России и ее роли в мировой истории. «Русская революция – величайшее событие нашего времени, она обозначает начало той эпохи, когда рабочие возь-

мут на себя задачу управления промышленностью. Она прокладывает путь в ту неизвестную страну,

где рабочим всего мира суждено отобрать от эксплуататоров права на контроль и управление экономической жизнью страны»¹. До сих пор западные «друзья» и «партнеры», уже 30 лет, с начала 1990-х годов, советуют идти предначертанным ими путем, а не нашим собственным.

Давид Абрамович рассказал мне, что показывал эту книгу М. И. Ульяновой, а она сразу же передала ее В. И. Ленину. Рассказал и о том, какое впечатление произвела эта книга американского политика на вождя. Тот дал задание Д. А. Ихоку срочно перевести книгу сенатора Р. Ф. Петтигру на русский язык и незамедлительно издать её.

Хорошей бумаги для книги тогда не нашлось, была лишь шероховатая серая. И в свет книгу выпустили в мягком переплете, не нашлось тогда и картона. Экземпляр сразу же послали автору в США. Петтигру в восторженных тонах ответил Ленину: «В первый раз за всю историю человечества одна из великих наций – свыше ста миллионов человек – декретировала право каждого члена этой нации на полное развитие своей личности. Я считал Вас самым великим человеком из тех, которые когда-либо жили на земле, и вот это единственный случай за всю историю, что один человек сделался вождем целой великой нации при помощи революции и посвятил все свое внимание улучшению участи своих собратьев и интересам человечества». Читая эти слова, задумываешься, как сегодня заокеанские советники и европейские соседи усиленно пытаются нас переформатировать и всячески внедрить в наше сознание понятие о нашей неполноценности.

Думается, что и сегодня, для нашего американизированного поколения, не лишним было бы прочитать эту книгу мудрого американского политика. Только с 1922 г. ее так и не переиздавали. Б. А. Ихок написал обо всем этом две большие статьи.

Подводя итог, скажу, что в молодости я был погружен в романтику русской революции. Увлеченно изучал интересующие меня документы и свидетельства тех времен. И несмотря на то, что и наша семья оказалась среди пострадавших в первые годы советской власти, я гордился своим знакомством с видными деятелями революционного движения. Даже начал писать книгу.

Книгу Р. Ф. Петтигру я нашел в Ленинской библиотеке (теперь РГБ) и внимательно прочитал все 400 страниц. Теперь она называлась «Торжествующая плутократия». Разыскал и номер газеты «Правда» со статьей Д. А. Ихока, посвященной выходу книги. Получил и разрешение коменданта Кремля посетить личную библиотеку В. И. Ленина в его кремлевском кабинете. Просмотрел и сфотографировал хранившиеся здесь американское издание 1920 г. и переизданную в 1922 г. в Москве книгу. К

тому же я разыскал и купил у букинистов советское издание книги.

Свет Русского Севера

В один из майских дней, в 1969 г., я понял, что мне просто необходимо отвлечься от моих изысканий и съездить на Русский Север, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Взял отгул на один день, а работал я тогда в Управлении Канала имени Москвы, и после трудового четверга поехал на Ярославский вокзал. У меня было всего лишь три дня в запасе, дальше Вологды не уехать. Ранним утром я уже в древней Вологде. Золотые купола церквей и соборной колокольни парят в голубом весеннем небе, первая листва на деревьях, старинные деревянные жилые дома с узорными наличниками, и все это напоено залихватым щебетом птиц. Я был счастлив. Вспомнились пронзительные стихи вологжанина Николая Рубцова (1936–1971):

Привет, Россия – родина моя!

Как под твоей мне радостно листвою!

И пенья нет, но ясно слышу я

Незримых певчих пенье хоровое...

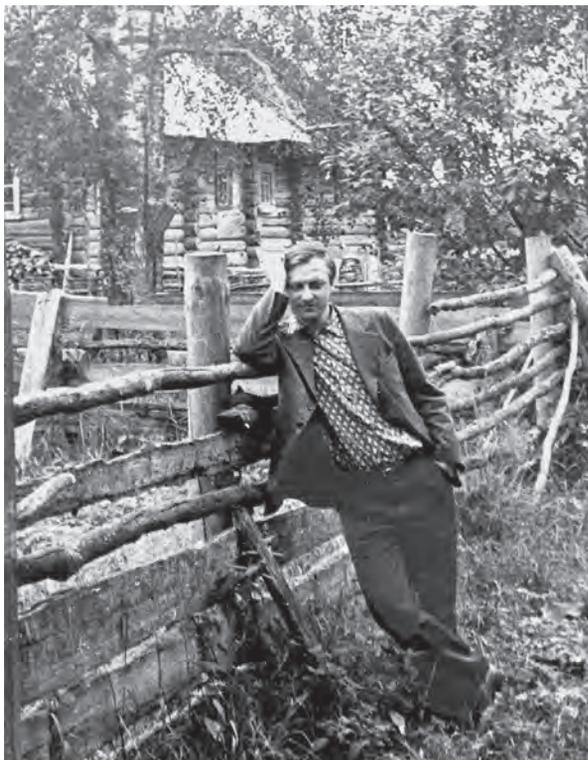
Иду к речной пристани. Решил, что лучше всего сесть на белоснежное суденышко и прокатиться по речке Сухоне, по Кубенскому озеру и Северо-Двинскому каналу, посмотреть с борта теплохода на северную Русь-матушку. А впереди меня ожидали древний мужской Кирилло-Белозерский музей-монастырь и женская Горицкая обитель. Несколько лет тому назад я только проплыл здесь на теплоходе-выставке, а на берег так и не смог сойти.

Спрашиваю у встречного с небольшой бородкой и приветливо окаяющего вологжанина Юрия, как мне пройти к пристани. Узнав, что путь держу до Кириллова, он меня обрадовал, что у меня в запасе еще часов пять. Можно всю Вологду объехать. И пригласил в гости попить чайку.

По дороге Юрий Петров рассказал, что работает сварщиком на судоремонтном заводе. Самодеятельный художник, в свободное время пишет этюды. Рассказал, что Николай Рубцов, о котором я упомянул, его друг. Бывал у него даже в гостях в Ферапонтове, где у него был деревенский домик.

Лишь вошел я в тесноватую холостяцкую Юринову комнату, сразу обмер от красоты, которая была у него повсюду. На шкафу, на столе, на полках – везде удивительные глиняные игрушки. Видно было, что сделал их человек талантливый и доброты необыкновенной.

Юрий рассказал, что бывал у Ульяны Ивановны Бабиной, так звали дивную мастерицу, не раз. Жил в ее избушке, помогал чем мог и писал этюды. Там подружился он со своим ровесником, тоже моло-

«Люблю русскую деревню». Деревня Гарь. 1978 г.

дым самодеятельным художником Геннадием Кулишовым, который был дальним родственником бабушки Ульяны. И мне тоже захотелось иметь таких же Полканов и Полканиц, мужиков-гармонистов и женщин с блюдами пирогов в каргопольских нарядах, добрых коровушек, лесных медведек и все-все, что было у Юры в его собрании. Решил: когда приеду домой, накуплю гостинцев и пошлю Ульяне, а она пришлет мне свои игрушки. Так начнётся наша с ней многолетняя дружба. Начнутся мои душевные страдания о неустроенной, одинокой, подчас трагической жизни выдающегося народного мастера России.

Но мне предстояло еще небольшое путешествие по водным путям Севера, где мои мозги хорошо проветрились. К счастью, все архивные и библиотечные дела оказались где-то далеко-далеко. Передо мной раскрывалась другая история моей Родины, изучению которой я посвящу теперь мою жизнь.

В древнем Кирилло-Белозерском монастыре хотелось мне побыть подольше. Неспешно осмотреть храмы, где когда-то стояли иконы великого Дионисия (около 1440–1503/1508), хотя бы обойти музейные залы, осмотреть архитектурные сооружения обители. Но мне говорят, что ближайший и последний автобус, на котором я могу добраться до Вологды, будет через полтора часа. И на все у меня оставалось лишь полтора часа.

Спешно прохожу по музейным залам, бегло смотрю экспонаты, не все этикетки и подписи удается мне прочитать. Очутившись на монастырском дворе, вижу вдруг удивительную, совсем небольшую деревянную церквушку с двумя словно игрушечными маковками. Узнаю, что это дивное, преизящное строение возведено было в 1485 г. в селе Бородавы. Это неподалеку от Ферапонтова монастыря, где сохранялись почти полтысячи лет великие росписи Дионисия и его сыновей. И иконы для этой церковки в честь Положения Ризы и Пояса Богоматери были тоже написаны в мастерской Дионисия.

И снова вспомнились строчки поэта:

*И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил,
До черты, небывалой досель...*

И вот я снова в пути. Еду в Вологду по пыльной в колдобинах проселочной дороге. Еду и думаю: «Почему и зачем я сюда ездил. Ведь в памяти моей ярко запечатлелись лишь сказочные игрушки бабушки Ульяны и эта фантастически красивая, необычно гармоничная по пропорциям маленькая сельская церквушка, которая среди других деревянных строений Севера занимала совсем особое место, ведь она была самым древним сохранившимся выдающимся памятником деревянного зодчества Древней Руси». Но тогда я не мог себе и представить, что с ними, с бабушкой Ульяной и с этим церковным строением, будет связана моя последующая жизнь.

Встречи с Ульяной Ивановной Бабкиной

В моей жизни я не выбираю – как, где и что делать. Обстоятельства складываются так, что приходится быть там, где я нужен. Так было и с первой поездкой в Каргополь.

В ноябре 1971 г. мне позвонила художник, искусствовед Лидия Федоровна Крестьянинова. В полном отчаянии рассказала мне она о своей недавней командировке от Союза художников России. В США намечалось провести выставку «Творчество республик Советского Союза», и ей необходимо было привезти игрушки Бабкиной. Тогда-то она и узнала, что местное начальство собирается определить народного мастера без ее воли в дом престарелых. «Народное искусство потеряет одного из лучших своих мастеров», – заключила свой рассказ Лидия Федоровна.

Началось все, казалось бы, с благого намерения – с решения местных властей улучшить жилищные условия знаменитой землячки, предоставить ей более достойное жилье, ведь в своей деревне она осталась одна. А люди все ехали к Ульяне Ивановне. Каждого она старалась накормить, чаем напоить да

спать уложить. О доброте ее говорили, что вместе с угощением «готова и душу на стол выложить». И в этой людской толчее не заметила Ульяна, как не только сама она, но и отчий дом состарился, обветшал.

В Каргополе купили для нее половину дома, но Ульяна Ивановна уезжать из родного дома наотрез отказалась. «Там шум, да машины... да... ой! Здесь то лето красотушка: поля раздольные, леса дремучие, а на лугах фиалкам конца-края нет. От такой-то красоты душа изумлеается. Я зиму только пересажу в избушке, а из родной стороны никуда не поеду». Она просила лишь об одном – дать ей спокойно дожить в родной деревне, в отчем доме.

Позднее просматривал я в Центральном архиве древних актов переписную книгу Каргопольского уезда за 1719 г. И нашел, что в ее родном Гринёво тогда стоял всего лишь один дом «Артемия Амосова, сына Бабкина». Этот ее далекий предок и был, по-видимому, основателем деревни.

«Гена, – говорила Л. Ф. Крестьянинова мне тогда, – чтобы продлить творческую жизнь Ульяны Ивановны, надо сделать все, чтобы она осталась в Гринёво». Из ее слов мне становилось понятным, что надо немедленно выезжать к Ульяне Ивановне и на месте разрешить все возникшие вопросы. «Но кто за это возьмется? Я решила перечитать все письма, которые хранила Ульяна в сундучке и остановилась на Ваших, – заключила она. – Вы один ничего у нее не просили».

Предлагаю Лидии Федоровне вместе сходить в Центральный Комитет комсомола. В то время в стране действовало множество комсомольско-молодежных отрядов, стройотрядов. Вот один из них и мог бы отремонтировать дом выдающейся народной мастерицы. Мое предложение внимательно выслушал второй секретарь ЦК ВЛКСМ Леонид Иванович Матвеев и поддержал его. Попросил письменно обосновать нашу просьбу. А для этого мне, как комсомольцу-активисту, следовало побывать в областном Архангельске и районном Каргополе, в селе Печниково и деревне Гринёво, чтобы на месте разобраться в сложившейся обстановке. И о цели моей поездки сообщили в Архангельский обком ВЛКСМ.

Говорят, что инициатива наказуема, и мне пришлось срочно брать на работе очередной отпуск, получить отпускные, других денег у меня не было, и отправляться теперь уже почти на самый край Русского Севера. А на дворе стоял морозный декабрь.

Первый секретарь Архангельского обкома комсомола меня уже ждал. После короткого разговора он поручил своему заместителю по идеологии Б. А. Гагарину сделать все, что только возможно. Предложение использовать комсомольско-молодежный

стройотряд для ремонта избушки бабушки Ульяны ему тоже понравилось. В Архангельске имя мастерицы тогда было тоже широко известно. И к тому же в день моего приезда открывалась художественная выставка, на которой широко было показано творчество У. И. Бабкиной.

О цели моего приезда было доложено и второму секретарю обкома КПСС Юрию Николаевичу Сапожникову (1928–2013). О попытке каргопольской администрации определить народного мастера в дом престарелых он, конечно, не знал. Тут же взял телефонную трубку спецсвязи и попросил соединить его с Каргополем. Но снежные заносы и оборванные провода так и не дали возможности переговорить с райкомом партии.

Расставаясь с Ю. Н. Сапожниковым, я обещал ему выслать копию своей докладной записки в ЦК комсомола. Ведь цель у нас была одна – помочь замечательному народному мастеру. С Юрием Николаевичем мы встретимся еще раз много лет спустя, когда он пенсионером переедет в Москву. Окажется, что он живет теперь совсем недалеко от меня. Вспомнили с ним тогда встречу в Архангельске в 1971 г. и его музей деревянного зодчества Малые Корелы под Архангельском, созданию которого он посвятил много лет своей жизни и где любил гулять в выходные дни.

Тогда же я попросил помочь мне с транспортом: поезд на станцию Няндомы прибывал глухой ночью. Сможет ли междугородний автобус в субботу утром из-за снежных заносов отправиться в рейс, успеют ли расчистить снежные заносы? До Каргополя ведь 85 км, а до Ульянинова Гринёва – все 100.

В попутчиках у меня был тогда главный хранитель Музея Рублева В. В. Кириченко. Вместе с ним мы были в Архангельске, куда он поехал по служебным делам. Вызвали его как эксперта по случаю кражи памятников древнерусской живописи. В распоряжении геологов, которые работали в области, был вертолет, на нем из дальнего старообрядческого скита они и вывезли старинные иконы. Сотрудники КГБ геологов поймали, багаж их арестовали и вызвали из Москвы компетентного эксперта. Вот с этим экспертом, который возвращался в Москву, мы и поехали вместе из северной столицы прямо к бабушке Ульяне. Одна голова хорошо, а две – лучше, решили мы.

В Гринёво мы приехали рано утром. Уже шумел на столе самовар, а Ульяна хлопотала у печи. Четыре её кота – Барчик, Брянчик, Кот-Котофеич и Васька спали на лежанке у печи. Петушок и две курочки расхаживали по избушке, искали нечаянно оброненные зернышки. А из-под печи даже мышка выглянула и спряталась вновь. Все они жили мирно в Ульяниной избушке, и никто никого не обижал.

С Ульяной Ивановной Бабкиной. 1972 г.

Мы попили чай, и когда совсем рассвело, направились в село Печниково, что в семи километрах от Ульяниной деревни. Там нам показали покосившийся домишко с двух оконцами на «лицо», что сельсовет приобрел для мастерицы. Был он к тому ж с покатым полом, разрушенными сенями и даже без сараюшки для дров. Да и в печке той игрушки не обжечь, не выдержать ей большого жара. Стояла эта хибарка как раз рядом с домом бывших Ульяниных соседей по Гринёву Боголеповых. В доме у еще молодых Василия и Нины было тогда четверо детей: старший тринадцатилетний Саша, Таня, Катя и маленький Андрейка. Они-то и навещали бабушку Улю в Гринёво. Но часто туда не ходишься, а лишь в воскресные дни.

Ульяна Ивановна рассказывала потом, как ходила смотреть эту избушку «на курьих ножках» и твердо сказала: «В эту будку жить не пойду. Там и дров некуда положить, и пол «худой»». (А морозы в Каргополье случались в те годы до минус сорока.)

Два дня изучал я жизнь и быт народного мастера. А в понедельник поехал в райком партии к самому главному и грозному человеку в районе, первому секретарю Владимиру Николаевичу Хабарову. После нелегких переговоров решили не медлить и сразу же создать небольшую комиссию из работников райкома, местного исполкома, городской больницы и отдела социального обеспечения. И сразу же на двух машинах отправились в Гринёво.

От такого многолюдья бедная старушка растерялась. Но я быстро

поставил на стол шумящий самовар и уже за чаем повели разговор, который принял дружеский характер. В конце концов сошлись на том, что на какое-то время, пока позволит здоровье, Ульяна Ивановна останется жить в своем доме. Местные школьники возьмут над ней свое шефство и будут навещать ее, а совхоз поможет дровами.

Терпение и труд всё перетрут

Главное во всем, что я делаю, это увлеченность. И делаю, как только полюблю предмет своего будущего исследования. Главное, чтобы это не было формально. Когда мне пытаются объяснить, что мне за это будет причитаться, я прежде смотрю, ин-

тересна ли для меня будет такая работа. Однажды ученый секретарь Института этнографии АН СССР В. Н. Басилов предложил мне, что он поговорит с директором и определит меня на какую-либо институтскую работу. Я его очень уважал и как глубокого ученого, и как отзывчивого человека. Поблагодарил за доверие и сказал: «Владимир Николаевич, я делаю то, что мне нравится, что я считаю более нужным. А в институте много и неинтересной работы, например, социологии. И что я буду делать, если душа тянется к традиционной этнографии. Я уж лучше в свое свободное от работы время буду заниматься этим любимым делом».

Г. П. Дурасов с сотрудниками редакции журнала «Этнографическое обозрение». Стоят: Владимир Николаевич Басилов, Алексей Петрович Павленко, Геннадий Петрович Дурасов. Сидят: Галина Алексеевна Носова, Елена Александровна Эшлиман, Любовь Тимофеевна Соловьева

Я знаю ученых, которые не могли опубликовать даже свою диссертацию. Спрашивают: «Как у тебя это все получается». Отвечаю: «Экономлю, милая, в постные дни. А их в году чуть ли не 250». То есть в наше время можно надеяться только на себя. Как говорится, «под лежачий камень вода не течёт».

Свои исследовательские работы я делал подолгу. Исследование о каргопольской пище в общей сложности собиралось и писалось лет десять. А книга «Узоры русской народной вышивки и ткачества» собиралась, писалась и готовилась к изданию 45 лет! Книга «Частушки северного края» в общей сложности отняла у меня восемь лет.

Но вот статья наконец написана, и я её несу в академический журнал «Советская этнография». Здесь меня как автора хорошо знали и делали все, чтобы моя работа увидела свет. Особенно благодарен я заместителю главного редактора журнала Нинель Саввишне Полищук. Она терпеливо сидела со мной и учила, как надо редактировать и готовить к изданию, проверяя и перепроверяя все научные труды. Низкий до земли ей поклон!

Кроме этого журнала, работы выходили в отдельных тематических сборниках научных трудов и в научном православном журнале «Традиции и современность». Каргопольские материалы печатал даже в «Журнале Московской Патриархии».

Хотелось как-то заинтересовать и молодежь. Тогда-то я и написал два сценария на темы русского фольклора. Сценарий под названием «Про любовь...» был сделан по мотивам русских частушек, собранных М. В. Хвалынской. «Совет да любовь» – по мотивам русских народных песен и пословиц. Оба они были опубликованы в альманахе «Молодежная эстрада».

Много писал я о русском народном искусстве для журналов «Юный художник», «Человек и лес», «Очаг», «Стригунок» и других периодических изданий. Кроме того, творческая дружба связывала меня с каргопольской газетой «Коммунист», с архангельскими «Северным комсомольцем» и «Правдой Севера» и другими периодическими изданиями.

На Всесоюзном радио в передаче «Подорожник» прозвучали мои рассказы о русской духовной культуре, о мастерах народного искусства. А во Всесоюзном обществе охраны памятников истории и культуры в 1980–1981 гг. был цикл моих лекций о русском народном искусстве Севера. Теперь всего и не припомнить.

Что касается людей науки, которые оставили в моей душе большой след, то это академики Борис Александрович Рыбаков и Мария Александровна Некрасова, доктора исторических наук Гали Семеновна Маслова, Ирина Владимировна Власова, Мария Михайловна Громыко...

Друзья мои любезные

Первая, кого я хочу вспомнить, это Августа Николаевна Хромулина (1917–1981). С ней мы познакомились в декабре 1971 г., когда я впервые приезжал в Каргополь. Узнав, что со мной приехал В. В. Кириченко, главный хранитель ведущего в стране Музея древнерусской живописи имени Андрея Рублева, Августа Николаевна попросила Вадима Васильевича посмотреть хранящиеся в её музее иконы. Нас троих сопровождала хранитель сокровищ Нина Александровна Крехалева (1929–2000). Спустились мы в полутемный нижний храм собора, где службы не было с 1871 г. Иконы, свезенные сюда из разных церквей района, стояли приклоненные к столпам, держащим свод, и к могучим стенам. Большинство из них было со вспученным и кое-где осыпавшимся левкасом и наклеенными поверх реставраторами бумажными полосками. Для постороннего человека это всего лишь «черные доски», но стоило лишь прикоснуться к иконам руками опытного реставратора, расчистить в мутной почерневшей олифе окошечко с авторской живописью, как оттуда являлись неземные образы и лился райский свет.

Вадим Васильевич по просьбе Августы Николаевны осмотрел иконы, ведь даже внешне по черной доске специалист может определить ее древность. Но в большинстве своем они были XVIII–XIX вв., писанные на дюжих сосновых досках. Все они ожидали своего раскрытия заботливыми руками опытных реставраторов. И неизвестно было, сколько удивительно красивых образцов «северного письма», так называли специалисты каргопольские иконы, скрывала от наших глаз старая олифа.

В первой половине марта 1972 г. Л. Ф. Крестьянинова и я первыми приехали в Каргополь, чтобы организовать проведение в селе Печниково выставки современных народных мастеров Каргополя. Вместе ездили в поисках народных умельцев в Лядины и Ошевенск, прошли деревни Печниковского сельсовета.

Когда я поехал в Каргополь, Августа Николаевна дала адреса ткачих, живущих в городе. Показала мне удивительные вышивки, хранившиеся в фондах музея. Меня заинтересовал кумачовый передник, на котором были вышиты, как мне показалось, большие круги с лепестками цветков внутри. А. Н. Хромулина осторожно сказала, что это вроде бы календари, но как их прочитать, никто не знает. Я сфотографировал этот загадочный узор и непременно решил разгадать загадку этих таинственных «календарей». Но первое, что я смог узнать в тот раз, что передник принадлежал Широких Прасковье Михайловне 1882 года рождения, и вышивала она, когда было ей 25 лет, то есть в самом начале XX в.

Восемь месяцев потратил я на расшифровку этого узора. В составлении устного каргопольского месяцеслова большую помощь мне оказали собирательница севернорусского фольклора М. В. Хвалынская, с которой меня познакомил А. Н. Хромулина, и бригадир полеводческой бригады Н. А. Белкина. Она жила как раз там, где и создавался вышитый календарь. Научная статья об этом открытии была напечатана с помощью академика Б. А. Рыбакова в академическом журнале «Советская этнография». Потом уже в своей книге «Язычество древних славян» маститый ученый напишет: «Г. П. Дурасов ввел в науку интересный сюжет севернорусской вышивки – “месяцесловы”, или “месяцы”» (Рыбаков 1981: 509).

В Каргополе в 1972 г. познакомился я с замечательной ткачихой и добродушной хозяйкой Пелагеей Тимофеевной Семянниковой. Её домотканые дорожки в Каргополе были, наверное, самыми нарядными. Оттого они и путешествовали по российским и зарубежным выставкам и публиковались в художественных альбомах. Замечательные обрядовые песни записал я в Печниково от Марии Петровны Кушниковой. На прощание она посоветовала: «Скатай-ко ты в Калитинку, зайди к подруге моей, Шуре Назаровой. Поклон ей передай да песен её послушай. Она много тебе споёт».

Случалось, когда я опаздывал на рейсовый автобус, Пелагея Тимофеевна разрешала мне переночевать. У неё квартировали повар столовой Маша Шахова из Няндомы и водитель самосвала Володя Ворсин из Калитинки. Вот он-то и пригласил меня к себе в гости и сказал, что тетя Шура Назарова живет аккуратно рядом с ними. Я был поражен гостеприимством Володиных родителей Дмитрия Егоровича и Елены Васильевны, сестры хозяйки дома – Елизаветы Васильевны Поповой, приветливостью другой их тетки Анастасии Михайловны Мащалгиной и самой Александры Никаноровны Назаровой. По моей просьбе оделись они в старопрежние наряды и долго-долго пели мне протяжные старинные песни и бойкие частушки.

Теперь необходимо рассказать об итогах трех исследований, которые посчастливилось провести мне на Каргополье. У подруги П. Т. Семянниковой – Ульяны Ивановны Савиной из деревни Ганельская было три загадочных вышивки. На одном куске суконной ткани золотной нитью была вышита женская фигура, на другом – огудное изображение человеческой фигуры, а на третьем – нога и надпись «Святителю отче Макарои, моли Бога о насъ». Об этом шитье хозяйка рассказала, что исполнила его Анна Ивановна Меньшикова из деревни Козлово Устьвольгинской вол. Каргопольского р-на. В Иванову ночь она прыгала через костер и сломала ногу.

А праздник этот приходится на день летнего солнцестояния. Своего рода игра в древний языческий обряд должна была обеспечить хороший урожай хлебов на крестьянских нивах. Но вот лечиться ей пришлось не по-язычески, а по-христиански. Анна Ивановна, как было положено в таких случаях, «положила завет», вышила изображение сломанной ноги и с молитвой повесила в деревенскую часовню перед образом святителя Макария. Нам неизвестно, но, может, и раскаялась за скакание через костер. И большая нога ее срослась.

Особенно удивительным для меня было то, что много лет спустя я увидел такое же изображение больной, но уже выполненное в камне, сделанное в Древней Греции. Только надпись обращена была к сыну Аполлона Асклепию, который почитался богом врачевания. Сообщение об этой находке было напечатано в газете «Известия». Только получился маленький казус: вместо «каргопольского заветного шитья» в заголовке было написано «Заветное затишь».

Однажды подруга Ульяны Ивановны Бабкиной П. А. Замятина рассказала мне, как ее хозяин был деревенском пастухом. А пасти скот нанимали только того, кто имел тайное от постороннего взора рукописание, называемое «отпуском». Голос её стал еще таинственней, когда она сказала, что и у ее мужа был таинственный «отпуск», и теперь он хранится в особом месте. Рассказ её меня очень заинтересовал, потому что в научной литературе об этом были лишь самые скромные сведения. Она обещала показать мне этот «отпуск». Были мы в тот вечер у прежней ученицы Ульяниной – Любови Ивановны Дружининой. И сама она, и её родной брат Сергей Иванович – оба одарённые мастера. И вот идем мы с тетей Пашей из одной деревни в её Стряпково, а уже темная ночь. Пришли к ней в избу, а за нами соседка, любопытствует, зачем гость на ночь глядя пришел. Сидит, слушает наши разговоры и не собирается уходить. И так часа полтора.

Но все же надоело ей выжидать, ушла около часа ночи. Тетя Паша Замятина – дверь на засов, достает из «красного угла» икону в киоте. Открывает киот, вынимает икону, а за ней тетрадка в корочках. Вот как потаенно хранился в их доме «отпуск». Я его скопировал и вернул хозяйке. А потом, с помощью Марии Васильевны Хвалынской, достал ещё несколько вариантов, но первый был самым полным. Об их содержании здесь говорить не будем. Только скажу, что описан был в «отпусках» весь чин обихода со скотиной в лесном северном краю, чтобы ни лютый зверь крестьянскую скотину не обидел, ни злой человек. Материал для двух больших статей собирал я не один год, а потом они увидели

свет в научных сборниках, вышедших в Москве и Ленинграде.

22 марта 1976 г. захожу я к М. В. Хвалынской, а она таинственно подзывает меня к столу, а там покрытая салфеточкой тарелка. А под ней – невиданное прежде печеное чудо из скрученного длинной веревочкой теста, уложенного кругами, розеточками, лепестками. Рассказала, что преподнесла ей эту «тетерку», так называлась узорная печенина размером с тарелку, ее соседка. Бегу к соседке, спрашиваю, а та и понять не может, почему такой интерес у меня. Сказала, что на день солнечного равноденствия, когда день равняется с ночью, у них в Ошевенске пекут такие «печенины». И этот день как раз сегодня.

Надо ехать. Куда и к кому, не знаю, собрался наугад. На самом раннем автобусе еду более полусотни километров в Ошевенск. Узнаю, что автобус еще дальше пойдет. Еду и я до самого конца, до деревни Гарь. Это как бы на край земли, дальше дороги нет. Выхожу из автобуса, а куда и к кому идти, не знаю. Решил: кого первого встречу, к тому и подойду со своими вопросами. Иду вдоль реки, дома огромные, в длину метров по тридцать. А у уреза воды под горкой примостились баньки.

В глубине домов вижу колодец, а около него старушки снег разгребают и воду достают. Подхожу, здороваюсь, спрашиваю про «тетерки». А надо было вчера приезжать, когда стряпали. Прошу хоть нарисовать узор, а у них не получается, руки, должно быть, заолодели. «А чего мы здесь, пойдём в избу», – приглашают. А в небольшом зимнике, по сравнению с величавой летней избой, и тепло, и хлебно, и пахнет пирогами и топленным молоком. У меня от всего этого даже голова закружилась.

В доме жили две одинокие старушки-подружки. Александра Александровна Савина была в свое время продавцом деревенского магазинчика. Происходила она из старообрядческого рода. А Марфа Алексеевна Соколова трудилась в том же магазине уборщицей. Дом этот, на старости, купили они вскладчину и мирно жили вместе нелегкой трудовой жизнью. Держали корову, сажали большой огород, на полоске за домом сеяли жито-ячмень и пекли из своей муки хлеба-житники.

«Не хочешь ли пирожка?» – предложили мне, и я радостно согласился. «А может, чашечку молочка выпьешь?» – и я вновь утвердительно покачал головой. И опять «старшая по чину» Александра Александровна пыталась нарисовать в моем блокноте тетерку, но ничего так и не получилось. «Знаешь, приезжай в следующем году за день до “тетерочного” дня (то есть 21 марта), и я напеку тебе настоящих “тетерок”», – сказала она. И я с радостью согласился.

Александра Александровна Савинова из д. Гарь делала самые красивые тетерки. 1978 г.

А когда спросил, нет ли у них старых узорных «ляпаков», потому как не раз видел в деревенских каргопольских избах распоротые юбки-подольницы, брошенные на пол, о которые вытирали ноги. Или же у рукомойников затертые до дыр старопрежние полотенца с ткаными концами. «Марфуша, – скомандовала строгая Александра Александровна, – сходи-ко ты в хлев, там был сундучишко с тряпьем, что мы хотели выбросить». И вскоре фрагменты старых вещей с браными узорами были принесены и брошены передо мной на вымытый до белизны пол. От чего-то запахло прелостью, что-то было попорчено острыми крысиными зубами. «Забери, пока не выкинули», – строго скомандовала Александра Александровна. Я хотел чем-то отблагодарить добрых хозяек, полез за кошельком, но А. А. Савина еще более строго произнесла: «Что ты, неучто мы за это старое тряпье возьмем деньги». Я им впоследствии послал из Москвы посылку и среди гостинцев положил «ясный» (никелированный) чайник, о котором проговорились добродушные хозяйки.

Завязалась переписка, а через год я был приглашен в их гостеприимный дом за тетерками. При мне «скала» (укладывала) их сама Александра Александровна. В своем деле она была большим художником, и все, что она делала, отличалось совершенством и красотой. А во время работы она называла мне все элементы «украс», из которых состояло это обрядовое печение. А изображала она «солныш-

ко лучистое», «коники» (коней), которые шли по кругу вокруг «солнца», «березку с сидящими на ней курушками»; «вьюхи», напоминающие свастические узоры с завитыми «по солнышку» концами, «восьмерушки» и «сетчаты-решетчаты». То есть в ее узорах были все элементы архаического, древнего узорочья. В этнографической науке это печение никогда не было описано! Кроме этого, Александра Александровна и Марфа Алексеевна были хранительницами древних знаний. И это не случайно, ведь жили-то они в деревне, где было в свое время много знатоков традиционной культуры и народно-аграрного календаря.

Вот с такими удивительными каргополами – хранителями местной старины посчастливилось мне познакомиться и дружить много-много лет, а точнее два десятка.

В заключение я скажу о моем дорогом, бесценном и рано ушедшем от нас друге, о Геннадии Александровиче Кулишове. Познакомились мы с ним в 1972 г. И с того яркого весеннего дня духовная радость не покидала меня, когда я получал от него весточку или разукрашенное им поздравление с праздником, когда просто вспоминал о нем, перебирая бережно хранимые его письма и каталоги работ. Все это я подарю после его кончины в Каргопольский музей, по фондам которого кто-нибудь напишет о «Певце родного Каргополя» Г. А. Кулишове хорошую добрую книгу.

Удивительно скромный, приветливый, талантливый, гостеприимный – он был, как мне казалось, визитной карточкой Каргополя. Начинают рассказывать приехавшие из этого древнерусского города знакомые и обязательно отметят: «Были у Кулишова!». А какие удивительные этюды писал Геннадий Александрович, как он любил свой родной Каргополь. Какие у него линогравюры! Даже мне он сделал два экслибриса: один с Ульяной Ивановной Бабиной, которая смотрит на дорогу в ожидании гостей, и другой – с Евангелистом Марком. Сделал он несколько рисунков и для моей книги об узорах вышивки и ткачества, только не дождался ее выхода в свет. В последнем письме он писал о своей болезни, и между строк до боли в сердце чувствовал я, как хотелось ему жить. Писать и писать, запечатлевая на картоне и холсте окружавший его мир Божий, увиденный его просветленным взором.

И еще я многим обязан семье моих гостеприимных друзей из Калитинки. К ним я приезжал, как к самым близким родным. Много-много лет мы переписывались с главой семьи добродушным Дмитрием Егоровичем Ворсиным. И вот однажды получаю от него полное горести письмо. «Деревня у нас стала пустая – сорок домов, а живут в трех домах семь человек всего. Летом в любое время приезжай к нам...».

Так что, когда вспоминаю я свой большой двадцатилетний «каргопольский период», сердце сжимается от скорби. Сколько друзей «высшей пробы» я здесь потерял. И о каждом я помню со дня первой нашей встречи. Таких удивительных людей я больше нигде не встречал. Но и до сего дня дружим мы уже почти полвека с Владимиром Дмитриевичем Ворсиным и его женой Ниной Александровной, и это у меня самое дорогое, что связывает меня с Каргопольским краем.

Красивые книги

Хорошая книга всегда и в первую очередь должна быть красивой. И когда мы в магазине выбираем книгу, первое, на что обращаем внимание, это на ее переплет. Внешнему виду книги я всегда придавал большое значение. Даже когда готовил первые две каргопольские книжки «Сказки бабушки Ульяны» и «Частушки Северного края» в Северо-Западном издательстве, попросил разрешить мне найти художника в Москве, чтобы быть ближе к художнику и видеть весь процесс работы над художественным оформлением.

Эти две книжки должны были печатать в Архангельске, а там и сам переплет выйдет похуже, и печать, да и хорошей ретуши не будет. И выграть можно было только за счет яркого красивого оформления. Я обратился к известному в Москве художнику С. М. Харламову. Но он в то время делал гравюры для большой книги и посоветовал мне обратиться к Ю. И. Селиверстову.

И вот я в доме у Юрия Ивановича. Он к тому времени оформил уже более ста книг. На стенах его большие офорты. Показываю ему фотографии каргопольских вышивок. Они ему очень понравились, он обыграл узоры северной вышивки и ткачества, и книжки, напечатанные самым примитивным способом, высокой печатью, в два прогона, стали нарядными и броскими. На прилавках они не залежались!

Но вот настало время издать альбом «Каргополье. Художественные сокровища», книги «Каргопольская глиняная игрушка» и «Изобразительные мотивы русской народной вышивки». Первая и последняя книги публиковались в одном из лучших столичных издательств – «Советская Россия». Книжки шли в серии и печатались в Германии. Издательство дало мне одного из лучших фотографов – Б. К. Грошникову. Он мог так поставить освещение, что черно-белая фотография, ее называют «тоновой», смотрелась подчас лучше цветной. Все съемки производились специальной импортной аппаратурой на плоской (9 x 12 см) пленке «Кодак». Это пленка с очень хорошей цветопередачей и золотистой гаммой. На немецкой пленке снимки имели голубо-

вато-перламутровый оттенок, на ней лучше было снимать природу. Но надо было еще определиться и с фонами, на которых снимать альбом. Грошников нашел для этой цели коричневый фон, но свет ставил так, что фон как бы переливался почти в черный.

Художнику надо было показать, на каких снимках сделать акцент, что дать на разворот или на полосу, а что можно было дать мельче. Послали в Каргополь снимать вещи в музее и архитектуру известного мне по Музею Рублева фотографа Ю. В. Робинова. Поехал он весной, пока деревья еще не распустили листву и воздух наиболее прозрачен. Привез съемку. Посмотрели и решили, что деревянную архитектуру будем печатать со старых стёкол-негативов, хранящихся в Музее архитектуры. Новая, даже очень крутая аппаратура не всегда может передать «воздух», объем изображения, и оно делается как бы плоским. При съёмке архитектуры фотограф может долго искать точку, с которой лучше смотрится объем. И для этого лучше поймать освещение утренним или вечерним солнышком. Старые фотографии это умели!

А вот макет книги о каргопольской игрушке пришлось делать полностью мне самому: издательство «Художник РСФСР» находилось в Ленинграде, и я не мог отслеживать работу художника. Начали печатать книгу в типографии «Детская книга», ездил каждый день подписывать корректуру. Обложку планировали сделать оклеенной коричневым штапелем с тиснением «Юбилейной фольгой», а прислали штапель зеленого цвета. Какими же тогда должны быть форзацы, то есть бумага, приклеенная к обратной стороне обложке? Не знаю, что и придумать. Выручил замечательный художник Б. А. Диодоров, книга которого печаталась на соседней машине. Он долго думал, смотрел и сказал, что форзац будет цвета воронова крыла. Все были в шоке, но в книге-то форзац смотрится. Была для книги сделана и даже отпечатана красочная суперобложка. Но в типографии сказали, что некому эту обложку одеть на книгу. Так и осталась она раздетой. В страну пришла перестройка...

Когда в издательском и книжном деле, в пору перестройки, началась полная разруха, я стал делать книги сам. Сначала я пишу, затем отдаю кандидату исторических наук В. П. Терехову, сотруднику издательства «Наука». Затем рукопись читает корректор А. Ю. Андреева, много лет проработавшая в «Профиздате», и вместе мы снимаем её замечания. Уже потом с наборщиком «Профиздата» С. А. Буркиным верстаем текст, картинки и все элементы украшения будущей книги. Подбираю как можно больше иллюстраций и само художественное оформление книги беру на себя. Затем вычитыва-

ем верстку вместе с редактором и корректором. И лишь тогда я еду в типографию. Там определяемся, на какой бумаге будет печататься книга, какой будет обложка, определяем оптимальный тираж, подсчитываем, сколько все это будет стоить, и подписываем договор. А ведь тираж надо еще привезти в музей. Так были напечатаны два разных издания книги «Схимонахиня Макария», «Узоры русской народной вышивки и ткачества», «История Болдина монастыря», которую владыка Смоленский и Дорогобужский Исидор наградил серебряной медалью.

Но вот делали книгу «Сокровище благих», основанную на письмах сосланному в Каргополь П. М. Обыденному, сохраненных М. В. Хвальнской. Договорился с приятелем, что он оплатит печать и возьмет себе весь тираж, а мне даст авторские семь процентов книгами. Взяли хорошего верстальщика, художника-оформителя, только новоявленный «бизнесмен» пожалел денег: размер букв заказал помельче, чтобы на выходе книга получилась подешевле. И сэкономил-то немного, а замечательная по содержанию и оформлению книга была погублена. Были и проекты, которые вообще не увидели свет.

Музей матушки Макарии

Как я уже говорил, родина моей мамы – Смоленщина, тот самый Гжатский р-н, который сегодня называется Гагаринским. Так было увековечено имя нашего великого земляка, первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Жили мои родственники в одной волости. Молодыми ходили друг к другу на деревенские гулянки. Алексей Иванович Гагарин, отец Юрия Алексеевича, любил танцевать с моей тетей Татьяной Николаевной, они были почти ровесники. Моя мама, Александра Николаевна, видела трехлетнего Юрия последний раз в 1937 г. Когда семья маминого брата Сергея переехала в Гжатск, весельчак Юра учился в одном классе с тихой и скромной, белокурой, голубоглазой моей двоюродной сестрой Тоней, которая сидела с ним за одной партией. В родном Юрию Алексеевичу Клушине до недавнего времени жила моя тетя Лена, а теперь живет её дочь. Да и в Гагарине живут мои родные и близкие.

И вот случилось так, что Смоленщина позвала меня в начале 1985 г. Меня привезли в село Темкино к схимонахине Макарии. Имя матушки Макарии было тогда хорошо известно среди церковного люда. К ней ехали с разных концов нашей страны со своими болезнями душевными и телесными, и она, расплачиваясь своим здоровьем, исцеляла людей. Постоянно ездила к ней и Анна Тимофеевна, мать Юрия Гагарина. Не раз бывал у нее и сам Юрий Алексеевич, и она в их последнюю встречу строго предупредила: «Больше не летай. Тебе нельзя боль-

ше летать». Но он не услышал ее предостережений и погиб дней десять спустя.

Не счесть тех молитв, что вознесла схимонахиня Макария ко Господу и Матери Божией о нашей Родине, о России в лихие 1990-е годы...

Сто пятьдесят раз за восемь с половиной лет побываю я у схимонахини Макарии, собирая материал для книг «Богом данная» и «Схимонахиня Макария». Эти книги будут выходить большими тиражами не только у нас в России, но и за рубежом – в США, Польше, Словакии. Из Польши архимандрит Никодим, игумен монастыря святых Кирилла и Мефодия, писал, что напечатанный тираж раскупили за две недели. Таким образом мне предстояло увековечить память великой молитвенницы за Россию.

И теперь в смоленской деревне Тёмкино, напро-

Храм в с. Темкино в честь Смоленской иконы Божией Матери

тив её дома, где ею на протяжении полувека совершался духовный подвиг, воздвигнут дивный деревянный храм, подобный церкви Ризоположения, что на Русском Севере, в Вологодчине, и колокольня. А рядом в большом доме разместился «Народный музей схимонахини Макарии». Свои двери для многочисленных посетителей он открыл в 2003 г., и за это время его посетили паломники из 25 стран (Австралия, Канада, США, Германия, Швейцария, Ирландия, Италия и ряд стран Латинской Америки). В музее можно получить и книгу о жизненном пути подвижницы, и документальный фильм, и открытки с ее фотографиями и иконописными изображениями, и какой-либо сувенир. С 2000 г. мне пришлось не только все это строить и оборудовать, но и каждый год по шесть месяцев кряду работать в музее: полностью делать экспозицию в двух залах, водить экскурсии и убираться всесто уборщицы. Все это уже на протяжении 21 года, на общественных началах.

Несколько лет тому назад приехали ко мне насельники Свято-Троицкого Болдина монастыря времен Ивана Грозного и Бориса Годунова, что недалеко от города Дорогобужа. Посмотрели мой музей и попросили им тоже помочь обустроить монастырский музей. Наш великий реставратор древнерусской архитектуры Петр Дмитриевич Барановский много сделал для того, чтобы в первые годы советской власти воссоздать красоту и величие этой древней обители, даже устроил там музей. Но в 1929 г. все экспонаты были увезены на 200 телегах, а потом и вообще пропали. А в 1943 г., отступая, фашистские захватчики вообще взорвали в Болдино три самых выдающихся памятника древнерусской архитектуры XVI в.

Великих трудов стоило восстановление в наши дни по чертежам Барановского этой древней обители. И вот обитель вновь воссоздана. И обо всем этом я, как режиссер, сделал двухсерийный документальный фильм «Белый монастырь», который можно посмотреть в интернете, в ютубе. Отснял и составил альбом «Свято-Троицкий Болдин монастырь», написал книгу «История Болдина монастыря» и оборудовал вместе с братией музей. Но что самое главное, нашел изображение основателя обители, преподобного Герасима. До сего времени было известно только его неточное изображение XIX в., а я нашел образ святого середины XVIII столетия,

точно совпадающий с описаниями XVII в. в иконописных подлинниках.

В прошлом году написал книгу о Гжатском крестьянском восстании 1918 г. Невинных крестьян тогда нередко расстреливали без суда и следствия. А сегодня за неимением соответствующих документов нет оснований и для реабилитации. Спасибо хоть президент Б. Н. Ельцин в Указе № 931 от 18 июня 1996 г. осудил политические репрессии и признал неправильным называть отчаявшихся крестьян – участников восстаний 1918–1922 гг., обобранных дочиста продразверсткой и другими поборами, участниками бандформирований.

А теперь, кроме других работ, должен буду написать книгу «Как жить, чтобы святу быть». В ней необходимо рассказать о наших современниках – недавно почивших старцах в миру и их духовных подвигах. Читатель же, познакомившись с книгой, возможно, глядя на их духовный опыт, и сам захочет хоть чуть-чуть стать лучше.

С настоятелем Свято-Троицкого Болдина монастыря архимандритом Антонием

Примечания

¹ Петтигру Р. Ф. Торжествующая плутократия / под ред. Д. А. Ихока, с предисл. Б. Горева. М.: Московский Рабочий, 1922. – 392 с.

² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

LIFE WAY IN THE EYES OF AN ETHNOGRAPHER

Abstract. The memoirs of the ethnographer, hagiographer, spiritual writer, collector and connoisseur of Russian traditional culture G. P. Durasov are a brief outline of the author's life path, full of «non-random» meetings. We continue to publish individual essays, selected by the author for our journal, relating to ethnographic topics. Long-term cooperation and friendship of the journal's staff with Gennady Petrovich have been marked by his bright publications on various topics more than once. The author's bright language, his sharp gaze and special memory of the cultural past have long won him reader recognition. This essay contains previously unpublished memoirs about the years of study, the first expeditions, etc. Christianity, Orthodoxy has always accompanied the author on the path of life and determined his vital interests.

Key words: Russian ethnography, Orthodoxy, Russian traditional culture, folk art, field ethnographic research, Russian folk embroidery, folklore, black grouse, publishing G. A. Kulishov, folk museum of schema-nun Makaria, artists S. A. Zverev and N. S. Morozov, V. M. Zaitsev, Moscow River College, State Historical Museum, Kargopol toy, Ulyana Babkina, Russian North, ditties, M. V. Khvalynskaya, scientific and educational journals of the USSR, A. N. Khromulina, V. V. Kirichenko, N. A. Krekhaleva.

For citation: Durasov G. P. 2022. Life path through the eyes of an ethnographer. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 31: С. 68–85.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

© 2022 Н. В. Шляхтина
Москва, Россия

КОЛЛЕКЦИЯ ОТКРЫТОК НАЧАЛА XX в. КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ: ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В РОССИЮ

Аннотация. Публикация эпистолярного наследия, в данном случае открыток, представляется важной, поскольку дает читателю возможность познакомиться с конкретной семейной историей (а именно – с документами известной своими творческими и служилыми именами семьи Добровых), а также открывает панораму жизни русских путешественников за границей в начале XX в. Информация в письмах эскизна, нет развернутых описаний и рассуждений. Тем не менее они не только передают настроение, но и дают понимание особенностей европейской жизни того времени. Скажем, оценка Швейцарии как страны «разбогатевшего крестьянина» может быть понята только в контексте положения этой страны в европейском сообществе. В письмах Европа воспринимается без взгляда «снизу вверх» при всей доброй открытости и уважении к ее культуре.

Ключевые слова: почтовая переписка, открытки, начало XX века, русские за границей, путешествия по Европе, Матвей Алексеевич Добров, Надежда Матвеевна Доброва, Елизавета Алексеевна Доброва.

Ссылка при цитировании: Шляхтина Н. В. Коллекция открыток начала XX в. как документ эпохи: открытые письма русских путешественников в Россию // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 86–107.

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Народы России: социально-антропологические, этнологические, этнодемографические и историко-культурные исследования»

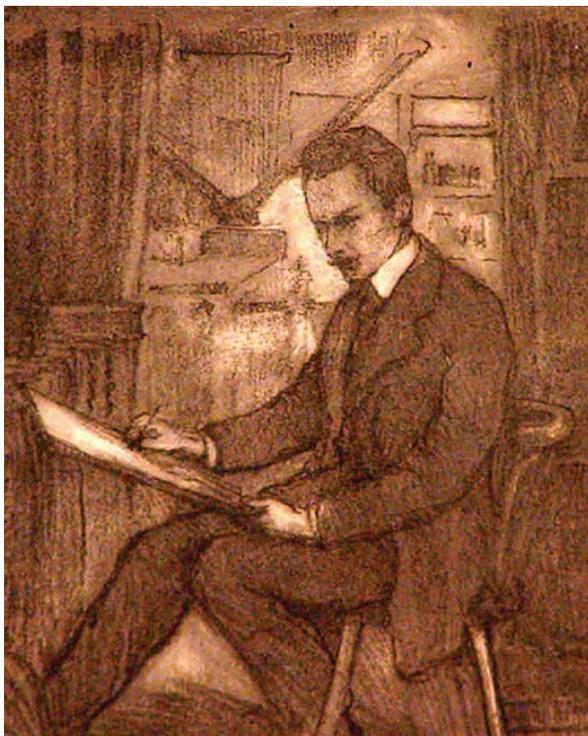
Шляхтина Наталья Валерьевна (Shlyakhtina Natalya Valerjevna) – младший научный сотрудник ИЭА РАН / natalja.25.256@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9321-8863>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. №31. С. 86–107

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 394.011; ББК – 63.3 (2 Рос.); <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/86-107>

Мы продолжаем публикацию открыток как части семейной переписки замечательного русского и советского художника-офортиста Матвея Алексеевича Доброва (1877–1958) из коллекции доктора исторических наук, известного востоковеда, археолога Павла Михайловича Кожина (1934–2016), любезно предоставленных нам для этих целей Мариной Александровной Глушатовой¹. Благодаря тому, что коллекция открыток сохранилась в семье людей, близких Добровым, сохранились и ее единство, дух и, что немаловаж-

Название «открытка» в полном виде звучит как «открытое письмо». Для данной публикации выбраны письма, отправленные Матвеем Алексеевичем Добровым его маме Надежде Матвеевне Добровой. Как правило, текст на открытках написан двумя корреспондентами – самим Матвеем Алексеевичем и его женой Лидией Ивановной (урожденной Герье). Это видно и по почерку, и из обращений, соответственно: «дорогая, милая мама» и «дорогая Надежда Матвеевна». В 1906 г. Добровы совершили большое заграничное путешествие с целью не

М. А. Добров. Автопортрет.

Эскиз к офорту. 1923 г. Бумага, цветные карандаши.

Калужский музей изобразительных искусств.

Источник: <https://www.liveinternet.ru/users/6318384/post464369224/>

М. А. Добров. Портрет Лидии Ивановны Добровой, жены художника. 1910 г.

Источник:

<https://www.liveinternet.ru/users/6318384/post464369224/>

но, аутентичность. Самое удивительное свойство этих скромных документов своей эпохи состоит, на наш взгляд, в том, что они не утратили тепло рук авторов и адресатов переписки. В начале XX в. письма попали в дом Надежды Матвеевны Добровой, матери художника: открытка за открыткой в качестве корреспонденции, и в таком же целом виде, как единая коллекция, пришли к нам. Эти открытки, к счастью, не были разрознены на аукционах, и потому в них сохранился кусочек семейной истории семьи Добровых, людей не безызвестных для истории художественной культуры России.

только познакомиться с Европой, но и усовершенствовать художественное мастерство. По открыткам удалось определить следующий маршрут путешествия. 1906 год: Варшава (Польша) – Честонхова (Польша) – Вена (Австрия) – Цюрих (Швейцария) – Тун (Швейцария) – Оберхофен (Швейцария, ныне Оберхофен-ам-Тунерзее) – Люцерн (Швейцария) – Веве (Швейцария) – Монтрё (Швейцария) – Шаффхаузен (Швейцария) – Констанц (Швейцария) – Базель (Швейцария) – Нойхаузен (Швейцария, ныне Нойхаузен-ам-Райнфалль) – Свинемюнде (Германия, с 1945 г. – Свиноуйсьце, Польша) – Берлин (Германия). В 1906 г. польские земли с Варша-

вой и Честонховой входили в состав Российской империи, Австрия и Хорватия (это уже из маршрута 1911 г.) – в Австро-Венгерскую империю.

Три письма от 1907, 1908 и 1909 гг. представляют фрагмент корреспонденции из путешествия семьи М. А. Доброва по Франции (г. Шамони) и Италии (Палланца, Милан).

Открытые письма 1911 г. принадлежат в основном Елизавете Алексеевне Добровой, отправлявшей своей маме Надежде Матвеевне весточки из Европы. Судя по адресам отправления, маршрут был следующий. 1911 год: Вена (Австрия) – Аббатия (ныне Опатия, Хорватия) – Ловран (Хорватия) – Цриквеница (Хорватия) – Волоско (Хорватия) – Адельсберг (ныне Постойна, Словения) – Мюнхен (Германия) – Киссинген (Бад-Киссинген, Германия) – Берн (Швейцария) – Тун (Швейцария) – Беатенберг (Швейцария).

На открытках несколько вариантов адресов: «Москва. Калужская ул., соб.[ственный] д.[ом] Надежды Матвеевны Добровой»; «Россия. Москва. Ея Превосходительству Надежде Матвеевне Добровой. Донская ул., д. Бромлей № 84»; «Россия. Савеловская железная дорога, платформа Влахернская. Ея Превосходительству Надежде Матвеевне Добровой»; «Россия. Москва. Маросейка. Колпачный пер., д. Монозон. Управление Московского Почтово-Телеграфного округа еВб [его Высокоблагородию] Николаю Ивановичу Бухареву для Надежды Матвеевны Добровой».

Что мы ожидаем от данной публикации, к чему хотели бы привлечь внимание читателя? Хотя содержательная сторона писем достаточно скромна, но это *документы* предреволюционной России, России Серебряного века, страны с бурно развивающейся не только экономикой, но и социальной жизнью. Если мы вспомним, как Тургенев в середине XIX в. описывал русских путешественников, любующихся водами Рейна (например, в повести «Ася»), то увидим сосредоточение внимания героев на красоте пейзажей, отчасти – на этнографии немецких народных или студенческих праздников и традиционного быта. В публикуемых письмах торжествует обыденность, повседневность событий, но с постоянным вниманием к культурным явлениям, культурным артефактам. Это уже не только лечение на курортах, комфортный отдых, но и туризм, в его определенных границах. Отсюда более динамичное перемещение путешественников ради наслаждения всей суммой достопримечательностей – природных и культурных – каждого нового места. Природа уже не играет здесь первенствующего значения, она упоминается больше утилитарно: холодно, солнечно, дождливо, отчего человеку – уютно или неуютно. За короткий срок, в 50 лет, заметно

поменялся вектор внимания русских людей за границей. Пришла новая эпоха и в Европу, более динамичная и прагматичная. И люди, приезжающие сюда из России, тоже сильно поменялись. Много стало путешествующей интеллигенции, а не только аристократии, как прежде, людей, как сейчас бы сказали, среднего достатка, стремящихся получить европейскую культурную прививку через короткое туристическое *непосредственное* знакомство с Европой. Отсюда – свой круг внимания у корреспондентов писем.

Судя по содержанию открыток, Европа в немалой степени была ориентирована тогда на «отдыхающую публику» из России. И русские люди среднего достатка, в силу более высокой стоимости русского рубля по сравнению с европейскими валютами (что неоднократно фиксируется в письмах), могли позволить себе остановиться и в комфортабельной городской гостинице, и в частном сельском доме, рассчитанном на туристов, передвигаться на любом транспорте и в любом направлении.

На художественные фотографии, приобретаемые путешественниками, попадали все мало-мальски достопримечательные места малых и больших европейских городов, что позволяло русскому человеку в Европе с помощью открыток легко обозначать конкретное место своего пребывания и отослать эту визуальную информацию в Россию. Такая эпистолярная акция имела несколько целей, но в числе прочих служила делу просвещения близких в России культурным «воздухом Европы». Вот почему зарубежные корреспонденты Н. М. Добровой не только пишут ей, где они находятся, какая погода, что здесь любопытного, но и указывают на самом рисунке вид из своей гостиницы (даже местоположение окон), говорят о необычных встречающихся типажах.

Очевидна и огромная потребность в информации. Пишут другу очень часто, в связи с чем и использовалась такая удобная форма, как открытка: самая важная сиюминутная информация, привязанная к визуальному ряду. Писались и письма, но редко, а вот открытки шли друг за другом. Надежда Матвеевна из Москвы пишет реже, в основном большие пространственные письма. Их очень ждут ее дети за рубежом, часто посещают почтамты на месте своей очередной остановки, чтобы забрать корреспонденцию.

В письмах к матери Матвей Алексеевич Добров подписывается «Мотя», его жена – «Лида», дочь Надежды Матвеевны – Елизавета Алексеевна – «Лиза».

Информация в письмах эскизна, нет развернутых описаний и рассуждений. Тем не менее они не только передают настроение, но и дают понимание особенностей европейской жизни того

времени. Скажем, оценка Швейцарии как страны «разбогатевшего крестьянина» может быть понята только в контексте положения этой страны в европейском сообществе. Ей было позволено быть таковой – поскольку Швейцария играла важную для всей Европы роль стабильного коридора, соединяющего части этого региона. В письмах Европа воспринимается без взгляда «снизу вверх» при всей доброй открытости и уважении к ее культуре.

Письма 1906–1908 годов

[Письмо 1]

30/12 мая/ июня² 1906 г. [Варшава]³

Дорогая мама. Наконец провинция выехала в Европу. Катались с Лелей по городу, вели себя довольно прилично, не особенно злоупотребляли указательным пальцем. Сейчас обедаем в ресторане. Целуем крепко Мотя, Лида.

[Письмо 2]

30/12 – 20 м[инут] 8-го по Моск[овскому] времени [Варшава]

Дорогая мама, посылаю тебе изображение Саксонского парка, где мы гуляем с Лелей. Сейчас едем. Хорошо, просторно. С нами в купе только ксендз, который дремлет, сидя в кресле. Через 1½ часа приедем в Ченстохов. Сейчас проехали мимо большой стаи аистов <...>. Любящие Лида и Мотя

[Письмо 3]

[3/16 июня 1906 г., Вена]

Дорогая, милая Надежда Матвеевна, ходили сейчас в почтамт и вернулись разочарованные, т. к. письма ни от кого, ни от Вас, не получили. Вчера было только от Вари письмо. Если будете писать адреса, пишите в Thun Poste restante⁴. Сегодня поедem в Цюрих, погода дождливая. Пишите нам побольше, пожалуйста, а то мы все беспокоимся. Поклон всем. Любящие вас, Лида, Мотя. [На обратной стороне открытки надпись рукою сына «Моти» дописано] 3/16–VI–1906 г. Вена. Дорогая, милая мама, хочется поскорее добраться до места. В Зальцбурге решили не останавливаться. Сейчас едем узнавать относительно поездов. [приписка:] Вход в наш отель. Крестиками обозначены наши окна.

[Письмо 4]

19.VI.1906 г. [Цюрих]

Дорогая, милая Надежда Матвеевна. Сегодня получили Ваше письмо. В Цюрихе, вероятно, пробудем дней пять. Сейчас поедem отыскивать Леманова. Адрес узнали. На этой карточке отображен вид из нашего окна на мост и дальше на море. Город очень интересный и замечательно красивый.

Чувствуем себя гораздо свободней и лучше, чем в Вене. Здесь ягоды возят на тележках, запряженных осликами. Милая, дорогая мама, очень рады, что получили твое письмо. Были в банке сегодня, получили деньги, из которых порядком потратил сейчас, купив очень удобный ящик с мольбертом и стулом за 54 франка. Крепко, крепко целуем. Мотя, Лида. [Надпись на фото:] Надежде Матвеевне Добровой. [Напротив кирхи надпись:] Эта Церковь выстроена в честь Карла Великого.

[Письмо 5]

12 июня–29 июня 1906 г., Тун

Дорогая мама, сейчас только получили открытку Серезину от 29 июня. Все удивлялись, отчего нет от него никаких известий. Беспокоились. Теперь пишите на Lausanne Poste restante. Вчера кончился срок нашей комнаты, целый день искали новое обиталище и вполне пригодное по капиталу. Решили поискать на Женевском озере. Крепко целую. Любящий Мотя

[Письмо 6]

5 июля 1906 г., Тун

Дорогая мама, сейчас только получили письма. Еще не читали. Спешим добраться до Оберхофена. Посылал на почтамт. Сейчас половина четвертого. Из Люцерна выехали около 8 часов. Крепко целуем. Мотя, Лида. [на обратной стороне открытки, где картинка написано:] Церковь по Готт. дороге [Готтардская железная дорога – Gotthardbahn], мимо которой мы проезжали 4 раза, т.к. в этом месте жел[езная] дорога делает крутой поворот.

[Письмо 7]

10 июля 1906 г. [Тун]

Дорогая Надежда Матвеевна. Собираемся сегодня прийти к <...> водопаду недалеко от нас, <...> который изображен здесь. Утром встали рано. Мотя рисовал, я чинила свои вещи, потом читала ему вслух. Сейчас напьемся молока и отправляемся. Русские барышни отправятся опять в гроты. Русских дачников здесь очень много. Пожалуй, больше слышишь русский язык, чем немецкий. [Мотя, Лида]

[Письмо 8]

Vevey [г. Веве, Швейцария] 7–20/ VII 1906 г.

Дорогая мама, вчера были в Монтрё. Поднимались оттуда пешком на довольно высокую гору. Шли очень красивым ущельем, по которому пробегает водопад. Сейчас иду к озеру писать... Крепко-крепко всех целую. [далее рукой супруги Матвея Алексеевича:] Дорогая, милая Надежда Матвеевна, как хочется, чтобы Вы были здесь, так красиво озе-

Письмо 1

Письмо 2

Письмо 3

Письмо 4

Письмо 5

ро, что невозможно передать. У нас стоит ужасная жара. Вчера было в тени 28 градусов по Реомюру [то есть 33 градуса по Цельсию]⁵. Целую Вас, Катю, Николая Ив. ... [Мотя, Лида]

[Письмо 9]

7 августа 1906 г. [Шаффхаузен]

Дорогая мама, на вокзале в Шаффхаузене. Нам приходится ждать час поезда в Констанц, приедем туда 9-го. Вчера приблизительно в тоже время отыскали гостиницу в Базеле. Надеюсь, что в Констанце это будет легче, т. к. город маленький. Кланяемся и целуем, любящие Мотя и Лида.

[На обратной стороне, где картинка, надпись:] 7 августа. Schl. sschen W. rth am Rheinfl. Neuhausen <...> люблюсь Рейнским водопадом <...>

[Письмо 10]

13 августа 1906 г. Понедельник. [Свинемюнде]

Дорогая милая мама. Собираемся сегодня после обеда в Свинемюнде. Сейчас пойдем в магазин покупать Моте белье. Погода чудная <...> Удастся увидеть сегодня море! <...> Вероятно Вы уже виделись с Соф[ьей] Матв[еевной], обидно, что мы были

Письмо 6

гораздо ближе и что не встретились. Целую Вас и всех. Крепко, крепко целую, любящий Мотя, Лида.

[Письмо 11]

17 августа 1906 г., пятница, Берлин

Милая, дорогая мама, вчера вернулись в Берлин. Целый день ждали Халатовых, но так и не дождались. <...> Думаем ехать завтра, т. ч. [так что] в Москву должны приехать во вторник утром, 8 августа. Сегодня, во всяком случае, думаю, Халатовы сегодня зайдут и вечером наш отъезд решится окончательно... Любящий сын Мотя. Крепко целую...

[Письмо 12]

15–28.VI.1907 г. [Палланца на оз. Лаго-Маджоре, Италия]

Дорогая мама. Продолжаем путь до Арона. Остановивались на ночь в Палланце, здесь чудно хорошо <...> [Мотя, Лида]

[Письмо 13]

1 июля 1908. Милан

Милая, дорогая мама. Выезжаем из Милана. Воротимся на теплоходе. Время провели 9 дней хоро-

шо. Кушали мясо с постным маслом. Вам того же не желаю. Любящие вас Мотя и Лида.

[Письмо 14]

30 июня 1909 г. Понедельник. [Шамони]

Милая, дорогая мама. Погода сегодня дивная. Монблан очень близко, покрыт снегом. Ледников близко не видели, т. к. к ним надо было идти почти 3 часа. Даже если успеем. А мне хотелось написать снежные вершины. Здесь ужасно хорошо писать. Я очень устала. Целую Вас. Лида. Крепко, крепко целую, с любовью, сын Мотя.

Письма 1911 г.

[Письмо 15]

4–17 мая 1911 г. Вена

Дорогая мама, сидим в вагоне перед отправлением в Аббадию. Настроились смотреть вовсю [во все глаза]. <...> Провели время очень хорошо, ходили осматривали Kirche [кирху – церковь]. Впечатление от всего огромное. опишу [подробнее] с места [после приезда в Аббадию]. Пишите прямо на Abbazia Poste restante. Очень рада, что Соня поправляется. Твою открытку получила. 27 мая предвкушаем удовольствие [от прочтения письма]. Выехали в 8-45 утра, приедем в Аббадию в 9 часов [вечера]. Целую, Лиза

Письмо 7

Письмо 8

Письмо 9

[Письмо 16]

12/25 мая 1911 г. Аббация. 7 часов вечера.

Дорогая мама, все жду твоего большого письма. Я, кажется, писала адрес Oestertich Abbazie – Volosko Pension Irene Fräulein Isabeth Dobroff. Что у вас делается, как все поживают? Здесь стало тепло, сидим в саду, пишем письма под плеск волн. Сегодня в первый раз наблюдали купанье в море наших соседей по комнате: Папа, Мама, Гувернантка и две девочки, все вместе в костюмах у нашей виллы – очень интересно. И мы здесь уже будем купаться. Я после некоторых ванн, а П., наверное, скоро. Целую всех и жду письма. Лиза.

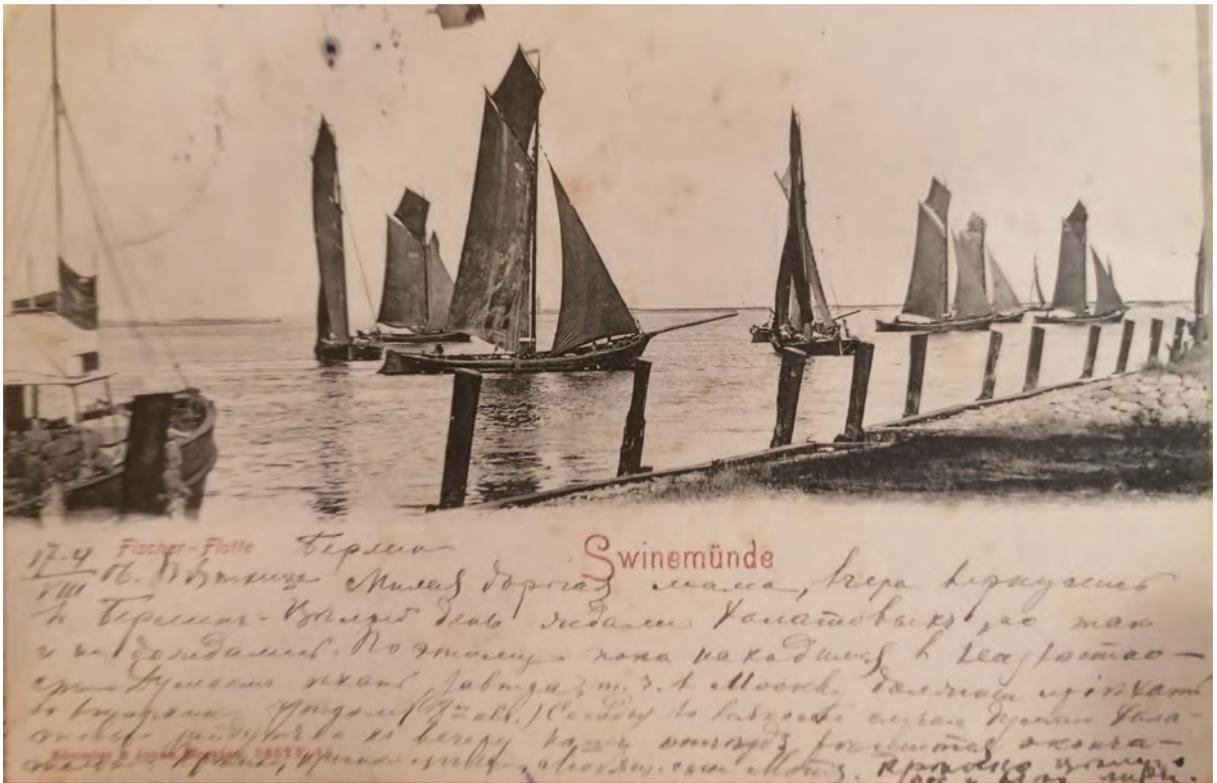
[Письмо 17]

13/26 мая 1911 г. Аббация

Дорогая мама, сегодня получила твое большое письмо, рада доброму известию о выздоровлении Сони и кварт[ирантки] т. Нади. Все еще не могу написать большого письма, так к вечеру хочется спать. В 10 часов вечера мы уже спим. Посылаю изображение нашего Valosca. Крестом обозначила (в соответствующем углу) маленький ресторанчик, прибрежный, куда мы намерены ходить ужинать свежеежаренной рыбой. Сейчас были там второй раз, ели жаренную скумбрию, а первый раз жаренные сардины, очень вкусно, чисто и дешево. Порция 60 хел. = 24 коп. [геллер (хеллер) – разменная денежная единица в Австро-Венгрии]. Брали на двоих. Очень симпатично, небольшая комната, без окон, дверь на

Письмо 10

Письмо 11

Письмо 12

Письмо 13

Письмо 14

море. По стенам расписаны виды Венеции. И висят под стеклами в рамках ручного изготовления виды с кораблями, как у тебя офицерский. Целую вас, Лиза

[Письмо 18]

19 мая – 1 июня 1911 г. [Аббация]

Дорогая мама, пишу тебе на Н. И. [то есть на адрес Николая Ивановича Бухарева]. Надеюсь, что ты уже в Деденево. Посылаю тебе милых чаек. Здесь мы не видели их в таком большом количестве, а наблюдали их в Зоологическом саду в Вене. Вблизи они очаровательны, кричат на разные голоса пронзительно и вечно в движении. Птиц здесь много, в саду поет соловей, а в углу на балконе свили ласточки гнездо на наших глазах. У нас тепло, 24 градуса в 3 часа, но часто и облачно, и сегодня шел дождь и все небо в тучах. Ценят берег моря здесь гораздо сильнее, чем в Финляндии, после лежу на террасе ослабеваю, также и после обеда. Хожу с отдыхом, а глазами, кажется, все бы объехала. Целую тебя. Рассчитываю, что на 26 буду в Деденево. Всем поклон. Лиза.

[Письмо 19]

28 мая/10 июня 1911 г. Аббация

Посылаю вам всем общий вид Аббации. На первом плане лесная бухта Prelluc следующая наша Volosko с <...> пристанью (стрелкой и точкой отметила наш кабачок, куда ходим ужинать, а крестом нашу виллу). Потом Abbasia – две бухты. И последняя – Lovran – тоже курорт. Вдоль всего берега идет прекрасно устроенный Stradweg [«прямой путь» – дорога], устлан плитами и с железными перилами. Катино рождение отпраздновали первой прогулкой в лодке, ездили на 1 час в море, потом ужинали в кабачке Wiener Schnitzel и запивали пивом. Вчера на пароходе ездили в Ловрану. Ночью была сильная гроза, сейчас пасмурно и прохладно, а то было жарко. Целую всех, Лиза.

[Письмо 20]

1–14 июня 1911 г. Аббация

Дорогая мама, наконец от Моти узнала, что ты перебралась в Деденево. Спешу тебя успокоить, что в Венецию не поедем, в нашей вилле познакомились с четой чехов из Праги. Очень милые люди, к сожалению, они сегодня уезжают домой. Он 20 лет назад служил в Хамовническом заводе пивоварения в Москве. Так вот он не советовал нам ехать. Здесь мы пробудем до 9 июня, т. к. часто бывают дожди, и поедем или прямо в Швейцарию, или в Висбаден специально для кишек, и дешево там. Тогда напишу. Посылаю вид <...> островов на Далмацком побережье. По открытке судите, там замечательно интересно. Всех целую. Скоро напишу подробно. Если

неудобно писать на Н. И., сообщите. Любящая Вас Лиза. От М. привет.

[Письмо 21]

6/19 июня 1911 г. Аббация

Дорогая мама. Посылаю тебе изображение теплохода «Tatra», на котором мы вчера ездили в городок Crikvenica [Цриквеница, Хорватия] на Далмацком берегу. Туда и обратно стоило 4 кроны с челов[ека] (1 руб. 60 коп). Езда в один конец около двух часов. Вернулись домой вечером. Там интересный старый замок с церковью на берегу речки и моря. Город и курорт (морское купанье), небольшие горы, как и в Аббации. Интересно было плыть по узкому проливу между берегом и островами. Из Аббации каждый день совершаются Ausflüge [поездки] в разные места дальние по 10 крон с человека, а детям по 4 кроны. Вчера ездили в первый раз. Сейчас на камнях на солнце 2 часа жарились. Погода хорошая, теплая со 2 июня. Катино письмо получила. Крепко целую. Куда двинемся дальше, еще не решили. [Лиза]

[Письмо 22]

14/27 июня 1911 г.

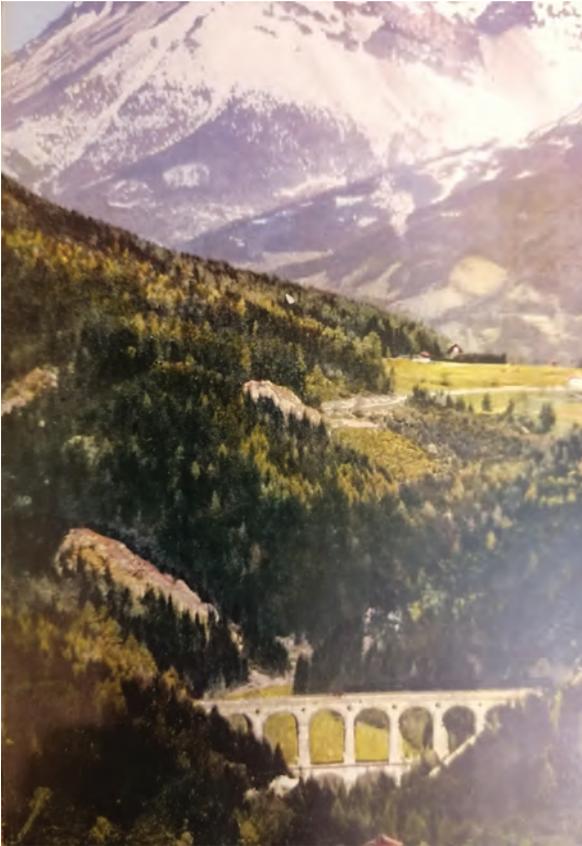
Адельсберг. Гостиница Hotel Narodni. 9 вечера. Дорогая мама, мы совершенно сражены виденным в гротах, нет слов описать все разнообразие, величие и красоту этого поразительного явления природы. Ходили тотчас же с поезда со всеми туристами в 11 часов. Пробыли в гротах 2 часа, там холодно, но очень тепло оделись (я даже в драповом пальто и тальме). После обеда сделали большую прогулку по горе над гротами (развалины замка), и совершенно не верилось, что такая мирная природа, похожая на нашу (местами прелестные поля), могла скрывать в недрах такое невероятное явление, доступное только феерической фантазии Данте.

Лиза.

[Письмо 23]

Мюнхен 17/30 июня 1911 г.

Посылаю тебе в воспоминание об Аббации вид нашей виллы, в München приехали 15-го вечером в 8 часов, переночевали в гостинице, против вокзала. Вчера по рекомендации Ел. Никол. перешли в пансион почти что в центре, устроились уютно, с маленьким балконом, имеем здесь утром завтрак и обед за 10 марок (приблизительно 5 рублей) в день. Воздух здесь хороший, масса зелени, улицы хорошие. Город веселый. Пока только видели великолепные здания и чудесные художественные вещи в магазинах и превосходное пиво. Ужинали в разных местах, где придется. Кормят хорошо и просто. Целую крепко. Лиза.

Письмо 15

[Письмо 24]

4.7.1911. Мюнхен

Дорогая мама, сегодня, гуляя вечером, зашли в королевский Hofbräu. Думаем, это вроде нашего народного дома, но по их народности – пивная. Здание большое, стильное, вход со стороны внутреннего двора. Крутом галерея с длинными гротами, гул и жужжание голосов. Народу масса, больше мужчин. Перед каждым такая кружка, как на открытке. <...> На дворе пустые бочонки, служат вместо столов, там уже стоят с кружками. Между столами и по двору летают толстые кельнерши. Пена течет и бьет по платью. Залит весь пол, столы, от запаха пива дурманится голова.

Пиво наливают из окошка, очередь, как у нашей казенки. Наверху большой festsaal, весь расписали. Пьет и ест хорошая публика. Выпили пива. № кружки 4 291. Пиво чудное, бархатное. Целую, Лиза.

[подпись к фото:] На журнале изображен герб Мюнхена «Münchener Kind». Изображен ребенок в капуцинском платье, наполовину черном, наполовину желтом, с кружкой пива.

[Письмо 25]

Мюнхен 28 июня – 11 июля 1911 г.

Получили Твое большое письмо, спасибо за

Письмо 16

описание вашей жизни, приятно читать, буду отвечать подробно на все вопросы. Из Киссингена, где думаем пожить основательно, не будем спешить. Отсюда выедем в четверг или в пятницу, погода приятная, солнечная, но не жаркая. Осматривание пинакотеки (картинной галереи) очень увлекательно. Накупили себе снимков, открыток. Здесь преинтересные гравюры и фотографии. Посылаю тебе рыбную торговку, они большей частью толстые, от пива. Эта без шляпы, а то почти все в шляпах. Про жару московскую мы узнали из писем К. Пав. Крепко целуем тебя, Катю и Ник. Ивановича, всем деднецам поклон. Всем кланяемся. Мотя, Лида.

[Письмо 26]

Киссинген. 12–25 июля 1911 г.

Милая мама. Эта открытка дает тебе представление об утреннем гулянии во время питья вод. Музыка играет от 6 ½ до 8 утра, и масса народа ходит в эти часы в парк. Налево в палатках продают хлеб, цветы расходятся быстро, кавалеры подносят дамам и, кроме того, разбирают по отелям к обеденному столу. Розы дешевы, еще продают много душистых гор[тензий], флоксов и других цветов. На открытке все верно. Аллеи все вытоптаны, здесь впечатление прошедшей стихии. Целую всех, Лиза.

Письмо 17

Письмо 18

У нас жара до 38° R.

[Письмо 27]

Киссинген. 22 июля/ 4 августа 1911 г.

Милая мама, посылаю общий вид Киссингена, по которому можно представить все местоположение. В правом углу, где написано Soline – М. ходит туда каждый день брать ванны, я беру в ближайших а[ппартаментах], дом наш я обозначила буквой «в». По эту сторону реки здания Кургауза, где пьют воду, а по ту сторону, у самой реки – новые ванны, вокруг которых разделан парк, на горе, где Ruine [руины] Bodenlauben, прелестный парк. На самую вершину мы не поднимались. Погода теплая, ночью была гроза. У вас, должно быть, солнце, судя по карте [здесь и далее имеются в виду синоптические карты]. Время идет в постоянных занятиях по лечению и гулянию. Целую, Лиза

[Письмо 28]

25 июля – 7 августа 1911 г. Киссинген

Дорогая мама. Наверное, тебе понравится эта открытка, в воскресенье отсюда уезжаем в Швейцарию, надеемся подышать воздухом и отдохнуть от ливня.

Здесь долго жить трудно, душно и утомительно. Кишки как будто лучше. Запаслись адресами, «проспектами» двух знаменитых санаториев в Германии. На обратном пути можно там побывать для укрепления, а сейчас очень тянет на воздух. Наш срок разъезжаться всем на этой неделе, все уезжают с наслаждением. Писать больше письмо не было времени. Кроме лечения, ходили все в церковь. Но службы не было. Как у вас – все ли благополучно? Погода должна быстро стать теплее, судя по здешней карте. Целую. Передаю всем привет от меня. Лиза.

[Письмо 29]

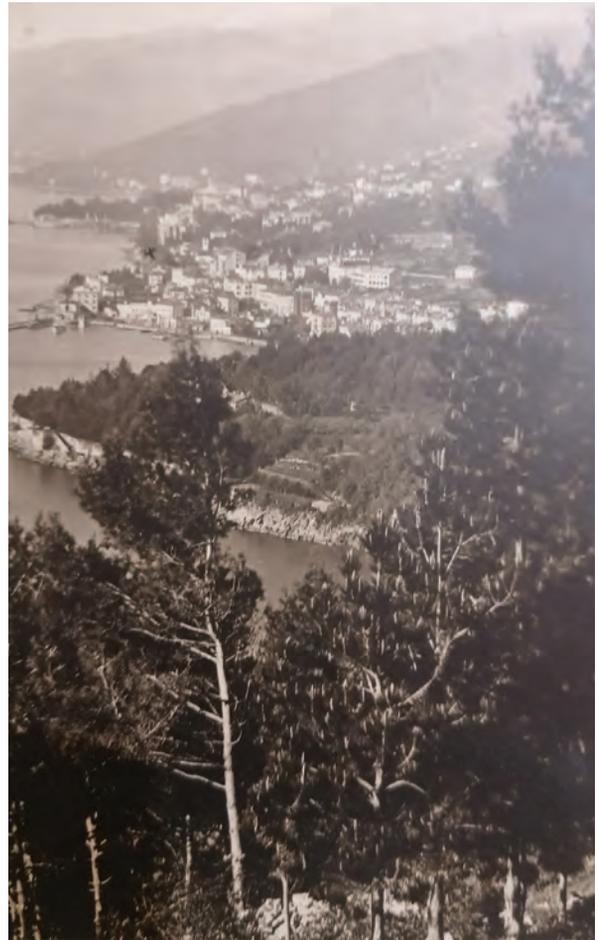
Берн. 1 августа 1911 г.

Дорогая мама. Вчера добрались до Берна в 9 часов вечера. Пробудем целый день и еще ночуем, чтоб отдохнуть. Сегодня хорошо выпались. Сгораем от интереса увидеть горы в окошко, уже во время одевания на 5 этаже. Дома интересные: 2-х, 3-х и 4-х этажные, черепичные крыши. Виден купол собора. Мы остановились близко от вокзала, Hotel Simplon. Пишите на адрес <...> Доходят ли мои письма? Целую тебя. Было очень жарко ехать. [Лиза]

[Письмо 30]

3 августа 1911 г.

Дорогая мама, посылаю вид <...> нашего пути от Берна до Туна. Конечно, горы видны были только в тумане и не ближайšie, не снеговые. В Беатенберге устроились вчера уже к вечеру. Славная

Письмо 19

комната с маленьким балконом прямо на озеро и горы. Часть озера цвета лазури видна глубоко внизу, за ним горы, большие конусообразные массивы, а из-за них вылезают три сквозные вершины: Эйгера, Мёнха и Юнгфрау. Сегодня за облаками плохо был виден снег. Наша сторона – прелестные зеленые горы с лесами. С севера защищены каменной отвесной стеной, на выступах с темными елями, как с зубцами. Целую, Лиза.

[приписка] Пришлю открытки Беатенберга. Здесь очень хорошо.

[Письмо 31]

2/15 августа 1911 г. Thun

Дорогая мама. Сидим за обедом в Thun, в гостинице La croix blanche, за окном шумит река. А обстановка своеобразная: низкая комната, обстановка простая, солидная. Швейцария совсем особенная страна, разбогатевшего крестьянина. Все очень просто, ничего нет вычурного, нет и изыска. Обед вкусный, сытный. Через 2 часа выезжаем на пароходе в Беатенберг. В Берне пробыли две ночи. Лиза.

[Письмо 32]

4–17 ав[густа] 1911 г. Беатенберг. Hotel Beau Regard 4. Дорогая мама, поздравляю тебя с дорогим именинником. Где они сейчас находятся? Написала им на Детскую. Вот такой вид с нашего балкона, наш отель отметила крестом, но от нас вид еще шире вправо и влево, видны еще вершины. Сейчас толь-

ко что кончили утренний завтрак, 10 ч[асов], долго провозились у себя. Горы сегодня совершенно чисты от облаков, снег блестит, а остальные горы как бы подернуты дымкой такой, разбивающей свет от солнца. Воздух легкий. Утром прохладно. На балконе пригревает. Вчера сделали хорошую прогулку с Ел. Ник. Целую, Лиза.

Примечания

¹ Начало публикации см.: Шляхтина Н. В. Коллекция почтовых открыток дореволюционной России с текстами на религиозную и патриотическую темы // Традиции и современность. 2022. № 28. С. 100–123.

² Две даты в начале писем – первая по европейскому Григорианскому календарю, вторая – по Юлианскому календарю, действовавшему до 1918 г. в России.

³ В квадратных скобках – пояснения публикатора.

⁴ Poste restante – до востребования

⁵ Разница температур по Цельсию и Реомюру составляет около 5 градусов.

ümei magyar-horvát tengeri gőzhajózási részv. társaság «Tátra» nevű termes-gyorsgőzöse.

Письмо 21

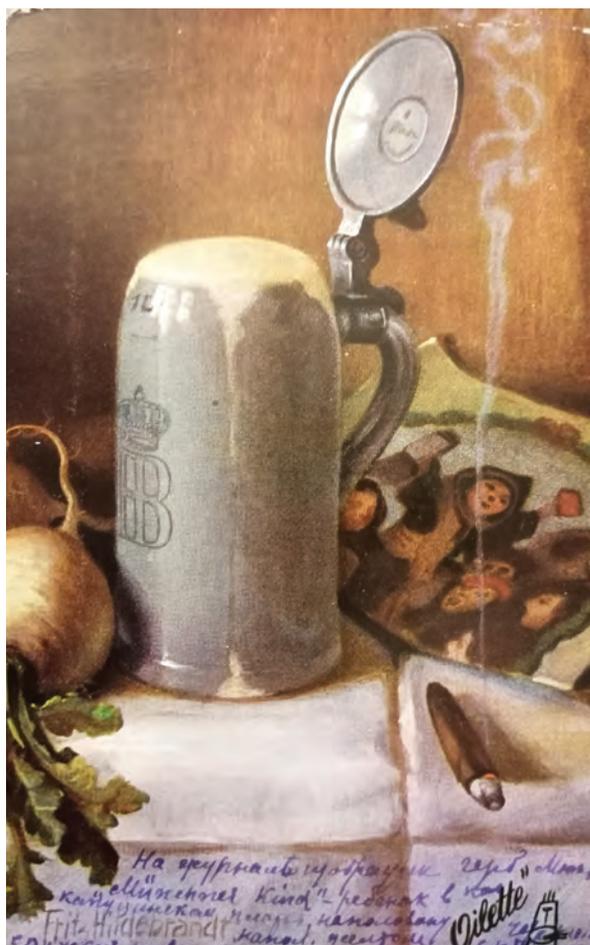

Postojnska jama, - Adelsberger Grotte Nova jama. - Neue Grotte

Письмо 22

Письмо 23

Письмо 24

Письмо 25

Письмо 26

Письмо 27

Письмо 28

Письмо 29

Письмо 30

Thunersee - Hilterfingen mit Eiger, Mönch und Jungfrau

Письмо 31

Письмо 32

COLLECTION OF POSTCARDS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY AS A DOCUMENT OF THE EPOCH: OPEN LETTERS FROM RUSSIAN TRAVELERS TO RUSSIA

Abstract. The publication of epistolary heritage, in this case, postcards, is important, because it gives the reader the opportunity to get acquainted with a specific family history (namely, with documents known for their creative and service names of the Dobrov family), and also opens up a panorama of the life of Russian travelers abroad at the beginning of the 20th century. The information in the letters is sketchy, there are no detailed descriptions and reasoning. Nevertheless, they not only convey the mood, but also give an understanding of the peculiarities of the European life of that time. For example, the assessment of Switzerland as a country of a “rich peasant” can only be understood in the context of the position of this country in the European community. In the letters, Europe is perceived without a “bottom-up” look, with all the good openness and respect for its culture.

Key words: mail correspondence, postcards, early 20th century, Russians abroad, travels in Europe, Matvey Alekseevich Dobrov, Nadezhda Matveevna Dobrova, Elizaveta Alekseevna Dobrova.

For citation: Shlyakhtina, N. V. 2022. Collection of postcards from the beginning of the 20th century. as a document of the era: open letters of Russian travelers to Russia. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 31: С. 86–107.

